2 Июня 36г.
Слезы сами прочитали

Я помолился основа-
телю Я.У. на четыре конца,
как цветочный пестик. 1
„Я утвердил Я.У. стол-
бами ступней моих, и в
руки приял Камня очень.
„Я дал....

Елена Ивановна, родная, предста-
лась возможность к сему отверз,
с радостью получили вашу весточ-
ку и бесед. и шлю вам свой сердечный
устный привет и спасибо. когда гово-
рю спасибо, не словами хочу выразить
а применением Уч., во всех путях
своих. Нина, еще зимой видела сон
на 15 мая, вот и сбылось всё, ибо
в ответе для нас столько радости
вдохновляющей, зова и ответов, что,
если хотите, для нас, для меня,
это целое духовное событие. 14 мая
была ужасная вьюжная буря, возвра-
щаюсь домой, встречаю во дворе Нину.
Сiзет. „Идем", говорит, „у меня для
тебя есть что то очень, очень хорошее"
Ну сели. Начала читать и плачет
(совсем глупая). Я сначала слушал
как подобает сильной половине, но
при словах: „напиши им". Я понял
Нинку. Есть ощущения непередавае-
мые, неописуемые. И чем больше
слушал, тем ярче душа восхищалась
к самому заветному, дорогому и
священному. Вот не ставил никак
вопросов, а на них на все, на
самые неотложные, получил ответ,
и такой мужской и бодрый и
всё разрешивший, и мужевый гимн
теперь на пути. И всего два
слова вл. „напиши им". Спасибо, род-
ная. Два слова, и - радость, восторг,
что, не забыли, что знают, пони-
мают, любят и посылают свои
мужское. Конечно потом дойдет до
сознания значение всего написанного,
но как хорошо и какая радость!
И впитывай в сознание каждое
ваше слово. Я главное помню, а
главное близко к сердцу не обле-
чено в наш дешевый сокровище, доме
и Матери. И вот так и слушал,
и не могу передать переживо-
ванного. Но сердце тотчас же пере-
дало благодарность порывом своим
устремлений. И вечером, когда был
один и снова читал, смотрел на
Изоб. Вл. и думал: „Вот Ты, зная всю
душу, видя весь свиток, не отринул;
и Руку Твою ощущаю и заботу, и
любовь, а главное не отринул.
Так вот за то, что ты взял и вы
каким был и есть, что не отринул
малость мою, всё отдаю Тебе Вл;
все мое - Твое и в грехи и смерти,
и муке и мире и теперь и вовеки.
Тут уже я не стыдился, и радовалось

2 Июня 36 г.
сперва сами прочтите

„Я положил основаніе А. У. на четыре конца, как цветочный пестик.
„Я утвердил А. У. столбами ступней Моих, и в руки принял Камня очень.
„Я дал...

1

Елена Ивановна, родная, представилась возможность и спешу ответить; с радостью получили Вашу весточку и беспр. и шлю Вам свой сердечный теплый привет и спасибо. Когда говорю спасибо, не словами, хочу выразить, а применением Уч., во всех путях своих. Нина, еще зимой видела сон на 15ое Мая, вот и сбылось всё, ибо в ответе для нас столько радости вдохновляющей, зова и ответов, что, если хотите, для нас, для меня, это целое духовное событіе. 14 мая была ужасная пыльная буря, возвращаюсь домой, встречаю во дворе Нинку. Сіяет. „Идем", говорит, „у меня для тебе есть что то очень, очень хорошее" Нусели. Начала читать и плачет, (~~совсем глупая~~). Я сначала слушал как подобает сильной половине, но при словах: „Напиши им". Я понял Нинку. Есть ощущенія непередаваемые, несказуемые. И чем больше слушал, тем ярче душа восхищалась к самому заветному, дорогому и священному. Вот не ставил никаких вопросов, а на них на все, на самые неотложные, получил ответ, и такой нужный и важный и всё разрешивший, и нужный именно теперь на пути. И всего два слова вл. „Напиши им". Спасибо, родная. Два слова, и — радость, восторг, что, не забыли, что знают, понимают, любят и посылают самое нужное. Конечно потом дойдет до сознанія значеніе всего написанного, но как хорошо и какая радость! И впитывал в сознаніе каждое Ваше слово. А главное помнят, а главное близки и сердце не обмануло о найденном сокровище, доме и Матери. И вот так и слушал, и не могу передать перечувствованного. Но сердце тотчас же передало благодарность порывом своим устремленія. И вечером, когда был один и снова читал, смотрел на Изоб. Вл. и думал: „Вот Ты, зная всю душу, видя весь свиток, не отринул; и Руку Твою ощущаю и заботу, и любовь, а главное не отринул. Так вот за то, что Ты взял и вел каким был и есть, что не отринул малость мою, всё отдаю Тебе Вл; все мое — Твое и в жизни и смерти, и духе и міре и теперь и вовеки. Тут уже я не стыдился, и радовалась

душа особой радостью и было Чувство Вл. мокро от слез. Вам ведь можно сказать даже и это, единственной из всех уезжающих. А Он и так знает, да и Вы тоже знаете, и не для Вас, а для себя пишу. Как радостно сознавать, что есть свое гнездышко в сердце матери, а ведь Оно сердце едино с сердцем Вл. Вот и стараюсь украсить всем, что есть лучшего это маленькое гнездышко в Великом всех вмещающем Сердце во имя пути предстоящего.

Однажды во сне, когда Викинг был здесь, напротив, я видел во сне самого Вл. Он как бы благословлял меня, и я склонился к Его стопам и Руку Его чувствовал, и душа знала Кто Это, и вся трепетала слезами восторга и радости, могучей, захлестывающей. Я говорил Викингу об этом и вот как-то на Рождестве, смотря на Ц. Вл., я вдруг почувствовал его близость и душа пережила совершенно рождественское чувство радости и счастья. Почему эти слезы, но такие счастливые, радостные и трепетные. В прочем я знаю почему и в Ц. есть ответ. И не стыдно что он видит. И знал, что он видит. Ведь тот говорю Вам, чего бы никому не сказал, даже Викингу. Сперва неловко! близкая, любимая и родная вот Вы нас любите и тянетесь к Вам все сердце. А за любовь и ласку, благодарю не словами, а огнем сердца, который светит, и греет близких Вам-всех. Вот как раз в тот же день вечером, пришли молодые (родные) на огонек; погрелись и ушли, ушли такие радостные, довольные, счастливые и горящие. Или через два дня сижу рядом с Альфой и молчу. Через пять минут он говорит: „Знаете что?, у меня на душе ощущение большого, радостного рождественского праздника, да, да, вот именно пришло сейчас. Как хорошо" Я тоже знал, что нашло переполняющая и его настроение. Вот вам гостинца моей благодарности. А благодарить я только еще начал.

В ту ночь когда получил бересту, одна из погребенных, Наташа, Вы ее знаете теперь, видела сон замечательный; видела много людей в разных одеждах, в остроконечных халатах, у некоторых верхняя часть лица ало цвета. В круг появился Некто, высокий, очень высокого роста с черной бородой, и поразительными глазами и говорит, что это начало и еще что-то возвышенное и прекрасное, я бы хотел, и вне родных сферу около, сияющий и довольный и говорит ей: „ну вот, наконец, и дождались" А потом Он ушел и за длинным столом были даны плоды и овощи. Они столько видят любви к Нему, слышат слова, указания. Все запечатлевают.

Потому назвал Викингом, что в этом слове для меня звучит, мощь, сила, неломимая мужество и бесстрашие и устремленность Горное море бури и твердая рука. Три князя Кар и Ге пес на Руси правили Сирию, Трувор и третий брат. Это из Древней Руси. Любило историю, много в ней.

После наших слов Л.Р. приобрели для меня особое значение. Наши так много в одухотворении и мудрого и по времени.

Прочел II и III часть Мёда О., первую успел три раза, вторую дважды и третью лишь один, которая на десерт. Читаю и думаю: вот, весь говорится то, что я вижу в выражениях моих сокровенных чаяний, мыслей и устремлений Всё мое, всё изучит и ловет на подвиг, теперь уже бодрит. И то что глубина неисчерпаемая, не огорчает, а наоборот радует возможностью безграничного изучения и подъема. Священная Заветы углубили и расширили в сочетании с наступающим Аквариусом. И ничего кроме и не читаю. Семинарии — все

Как-то сорвалось мне тихо: „Знаешь, что, не знаю могу ли тебе говорить об этом, но много я делал так: возьму свое сердце в руки и передаю его Вл. говорю: возьми Его Вл." — говорит а в глазах блаженство. Я уже не смотрел, чтобы не смущать и рад был, что у нас дошло.

Могу ли я пользуясь старым опытом, стремиться к выделению тонкого т. и устремляться к Вам. Усиленная думанье об этом и реализация сознания в всех частях тела помогают ли очень. Но можно ли вообще чрезмерно ли выход и вход заботиться ли? Раньше я выходил спокойно, не думая о том, что придется в тонком мире. Так это было и тихо и спокойно просыпался при первом желании воли. Конечно все, т.е. сон перехожу в

в то состояніе и в этот момент по желанію воли и выделялся и возвращался при малейшем усилии воли.

Май месяц был таким полным и ярким в моей внутренней духовной жизни, что у меня чувство полнаго удовлетворенія, но отнюдь не покой вызывающаго, а наоборот. Да и вся семья наша, помоложе которые, богатую жатву собрали. Особенно сны и видения.

Огорчила нас Ваша болезнь, но потом поняли что говорилось о болях священных и тяжести Гигантов.

Письмо Ваше храним с Нинкой, как святыню и в трудную минуту как источник помощи и силы. Она не зная, прочла его С. Н., а потом уже пришлось и М. Н., ведь они к нам близки очень. А потом я все мучался, не расплескал ли из чаши, можно ли было. Сам бы врядли всё прочел. Но теперь прошу Вас, если нужно будет, и опять порадуете весточкой чудной, разделите на две части, одну никому — только личное, а другую самым близким или вообще. Бойшься не расплескать. В жизни сокровища духа беречь приходится. Редки они. Вот и дрожишь как над самым дорогим и священным. Да Вы поймете.

И так занят мыслью, как достичь того полностью, без колебаній, чтобы Ж. Этика стала частью существа; всё бы его наполнила. Уже понял, что не в словах, умиленіи и восторге, нет, а в преломленіи каждаго дня и всей жизни — служеніе Высшему. И когда Ж. Этика становится частью всей сущности нашей, тогда понято Уч. Вот и дошел

И то что лично мне напишите при себе и Нинке оставлю, но то, что сердце получить, будет выражено благодарностью, как я ее понимаю. И никто не будет забыт.

И так шлю Вам свой горячій сердечный привет и любовь.

Ваш

Прихожу сейчас из Нового сада, Нинка сидит на кровати, перечитывает Ваше письмо и смотрит на Вашу карточку и лицо у Нинки такое хорошее, хорошее.

Привет Вам от нее большой и теплый.

3

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам, родные, наш далекий привет и сказать, что чем дальше идет время, тем глубже и прочнее укрепляется в нашей души все связанное с Вл. Вот справили годовщину, потом вспомнили Дорогого Имянинника, и так близко он чувствовался и так странно и сокровенно звучали струны сердца. Крепко сидит у меня дума об отъезде, но уже не отвеченно и туманно, а вполне конкретно. Написал и пишу об этом Викингу детально, и если он одобрит, то можно будет и тронуться в путь. Сегодня, после вчерашних имянин, Родины и близки чувствуются так ярко, что хочется написать и поделиться этой радостью далекого общения, и поблагодарить что не забывают и крепко

держат на сердце. Конечно, ожидание изнурительно, но минуты подымают дают такую бодрость и уверенность, что и дальше становится бмуким. Попрежнему думаю и читаю и стараюсь быть лучше, а это порой и трудновато.

Знаете уже, что семья наша сильно убавилась, но это к лучшему. Дядя Вол. чувствует себя хорошо, в смысле здоровья, но имеет много неприятностей от людей с которыми приходится работать. Такова уже видно его планида. Тих. Як. ничего не пишет, кроме того, что свое дело ему пришлось закрыть, во всяком случае частично. А как остальное не знаю. Шлем Вам пожелания всего лучшего.

20 Декабря 1940 г. Навсегда Вашу

Спасибо что не забываете.

№1. 14 февраля 1950 г. 4

Дорогая Елена Ивановна!

10 лет не писал Вам и вот наконец, пишу и надеюсь, что письмо дойдет. Позавчера, в Воскресенье, пришел к нам дядя Володя и принесь Ваше, т.е. Ю.Н. письмо от 13-го января. Мы так были рады иметь от Вас весточку, что мы даже расцеловались с дядей Володей. Случайно к нам в этот час зашла Е.П. и наша радость удвоилась. Ведь мы ничего, ничего о Вас не знали. Думали что Вы уехали, куда хотели, и ждали от Вас письма из квартиры Бориса Конст. Нина Иванова (она все хворает), услышав о письме, слезла с кровати и села с нами за стол послушать дорогие строчки; и сидели мы все четыре с дядей Володей за тем самым круглым столом, за которым шестнадцать лет тому назад, в том же доме сидели Н.К. и Ю.Н. Не забываем мы Вас, наши единственные и любимые, каждый день Вас вспоминаем, говорим о Вас и мечтаем о быть может, несбыточной встрече. Год тому назад мы узнали о постигшей Вас тяжкой утрате и мне было так жаль, что в эти ряжные для Вас дни, не смог я быть около Вас, чтобы поддержать Вас и взять на себя, хотя бы часть непосильного бремени Вашего великого горя и облегчить Вашу муку. Елена Ивановна, родная и любимая! Я готов на всё, чтобы быть около Вас. Мне бы Вам полы, ухаживал бы за Вами как нянька (Голубь Нины Ивановны меня многому научила) и сделал

Спасибо, что тогда помогли Нине Ивановне в болезней после операции

бы многое, чтобы облегчить тягостно невозвратимой утраты, всю глубину которой я только теперь начинаю вполне осознавать. Осиротели мы, родная, ибо никогда уже больше не будет такого „папа с Гор", но у нас остались вы и вместо отца — Ю.Н. так и запомните. Дядя, Володя хворал и очень серьезно. Вы это знаете. У него был паралич, частичный. Он поправился, сейчас служит. Свет, одет, обут. Службой его не отягощают. — Аппетит хороший, спит хорошо, но... стал забывчив, особенно на имена и слова, легко возбуждается, за послушие две-три недели малость похудел. Доктор Б.Н. боится постепенного падения жизненности и угасания. Буду писать Вам о нем подробно, если хотите? Его хозяйка, Людмила Аверьяновна, бойкая старушка лет 65, тоже хворая, но за ним ухаживает как за родным сыном. Хоронит ему, смотрит за ним, даже чистку, позаботилась, чтобы была сшита. Ворчит на него порой, но от сердца. Любя. Доктор Б.Н. много ему помог. Тоже навещал и подмечивал его немного. Он у нас бывает. А у меня одна осталась надежда: Вас увидеть родная и сына Вашего. Хорошо ли, плохой ли, успешный ли нет, а дорогие, ближе и поднее Вас у меня нет никого. Думаете ли Вы о нас, как раньше? Не забыли ли? И можно ли надеяться, что увидим Вас? Думал ведь, что Вы уехали. Думаете ли ехать, и когда? Что вообще хотите делать? Привет св. Н. Николаевичу и Ужине

Мой курс В.Н. Авчаторф, Начвин, Материнка, Сына Вадовая 1/2 18

Поздравляем со днем 24 марта.

Уж так мы по вас стосковались, 5
подумали вы наши, что словами
и не выразить. Да! Вы понимаете.
Тяжко и дико было услышать
о том, что нашего Любимого уже
нет на земле, что мы его уже
не увидим. Вам уж сознаюсь,
что я, уже старый человек, плакал
как ребенок, (хорошо хоть никто
не видел), а Нина Ивановна
просто слегла. Но, не будем на
этом останавливаться. И Вам
и мне тяжко.

Нина Ивановна хворает вот
уже 8 лет. После отрации, уда-
ления кисты, остались спайки.
Из квартиры не выходит, изму-
чилась окончательно и порой
впадает в отчаяние. Просит
спросить Вас, может быть
ей надо попить какой
травки или еще применить
какое либо лекарство или
еще что нибудь. Очень больно
смотреть на нее и жалко.
Ведь легкого коорейника
поднять не может. Худая,
бледная, шея как спичка.
А помочь ничем не могу.
Доктора и равнодушные
и безсильные. Может Вл.
что скажет? Ведь бывают
дни ей легко, она не мучается.
Печень, повидимому, тоже
не в порядке. У нас тяжелая
полоса, вывихнул руку, и
мы вдвоем остались с одной
рукой. спасибо Вл.

Но служу, работаю, свет,
одет, обут и в тепле, но
в личной жизни совсем
Туговато. Чтусь попреж-
нему, попрежнему люблю

Учение и учить. Буду писать теперь часто. Напишите, родная, словечко. Так истосковались и любим. Не забывайте нас. Дорогой Юрий Николаевич! привет Вам сердечный. Теперь Вы для нас вместо попы, не забывайте, пишите нам как живете, что думаете делать, когда встретимся. Нина Ивановна Вам шлет свой привет, она Вас [illegible]

[illegible]

и никогда не забудем. / Они сегодня у дяди Володи, его не застал дома. Людмила Антоновна мне сказала, что за последнее время он замерзно похудел, что и я тоже замерзла, совсем стал забывчивым не может считать и вообще, как сказал доктор Б.Н., - „он уже не работник!" Людм. Антоновна его балует, сшила ему новую рубашку, делает блины, лепешки, ну словом, смотрит как родной человек. Но квартирка без удобств, и ему, конечно, это тяжело, особенно когда недомогает. На службе его оставили (хороший управляющий у них), но если бы, не дай бы, уволили, конечно было бы трудно. Но друзья позаботятся. От Нины Ивановны и Вам и сыновьям большой привет. Пишите, родная, не забывайте по-прежнему. Всегда и навсегда Ваш Борис

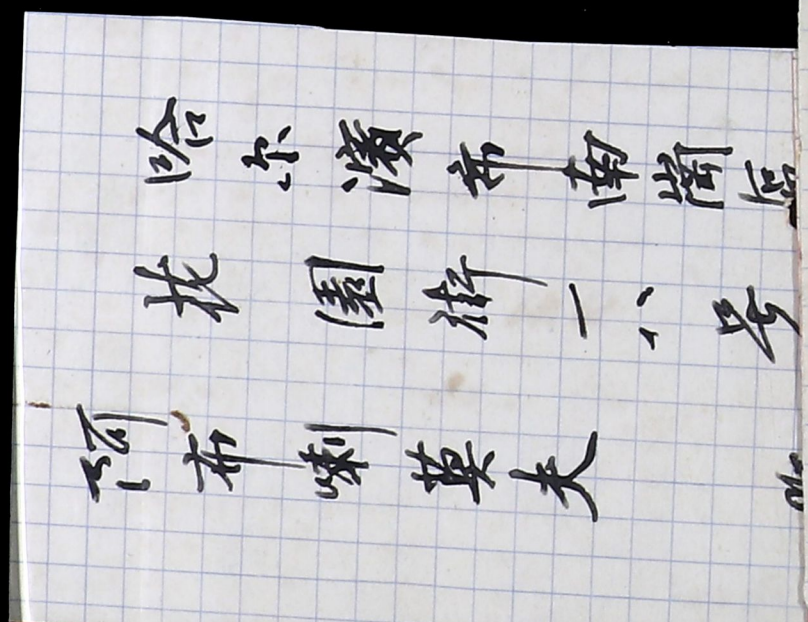
Учение и учить. Буду писать теперь часто. Напишите, родная, словечко. Так истосковались и любим. Не забывайте нас. Дорогой Борис Николаевич! привет Вам сердечный. Теперь Вы для нас вместо попы, не забывайте, пишите нам как живете, что думаете делать, когда встретимся. Нина Ивановна Вам шлет свой привет, она Вас любит и часто и хорошо вспоминает. Мария Николаевна нас не забывает и Е.Н. тоже. О Марчосе уже несколько лет ничего не знаю. Александра Александровна говорила нам, что в прошлом году она несколько раз беседовала и по долгу с Н.К. и когда мы в этом усумнились, она страшно обиделась... Вы, наверное очень этому удивитесь?!?

И к Вам и к Вл. мое отношение осталось таким же. Много бы еще хотелось сказать, но письмо будет слишком длинное. Словом, любим, помним неугладимо, и никогда не забудем. / Был сегодня (16го) у дяди Володи, его не застал дома. Людмила Антоновна мне сказала, что за последнее время он замерно похудел, что и я тоже замерзел, совсем стал забывчив, не может считать и вообще, как сказал доктор Б.Н., - „он уже не работник!" Людм. Антоновна его балует, сшила ему новую рубашку, делает блины, лепешки, ну словом, смотрит как родной человек. Но квартирка без удобств, и ему, конечно, это тяжело, особенно когда недомогает. На службе его оставили (хороший управляющий у них), но если бы, не дай бог, уволили, конечно было бы трудно. Но друзья позаботятся. От Нины Ивановны и Вам и сыновьям большой привет. Пишите, родная, не забывайте! Всегда и навсегда Ваш Борис

6

Это по первой стр. Мой адрес.
В.Н. Авчатовой
Ладожская пр. 18/
Ноябрь.

Ладожская 18/16 (старый номер дома)



Уж так мы по вас стосковались, 5
родные вы наши, что словами
и не выразить. Да! Вы понимаете.
Тяжко и дико было услышать
о том, что нашего Любимого уже
нет на земле, что мы его уже
не увидим. Вам уж сознаюсь,
что я, уже старый человек, плакал
как ребенок, (хорошо хоть никто
не видел), а Нина Ивановна
просто слегла. Но, не будем на
этом останавливаться. И Вам
и мне тяжко.

Нина Ивановна хворает вот
уже 8 лет. После отрации, уда-
ления кисты, остались спайки.
Из квартиры не выходит, изму-
чилась окончательно и порой
впадает в отчаяние. Просит
спросить Вас, может быть
ей надо попить какой
травки или еще применить
какое либо лекарство чем
еще что нибудь. Очень больно
смотреть на ни и жалко.
Ведь легкого коорейника
поднять не может. Худая,
бледная, шея как спичка.
А помочь ничем не могу.
Доктора и равнодушные
и безсильные. Может Вл.
что скажет? Ведь бывают
дни ей легко, она не мучается.
Почему, по видимому, тоже
не в порядке. У нас тяжелая
полоса, вывихнул руку, и
мы вдвоем остались с одной
рукой. спасибо Вл.

Но служу, работаю, свет,
одет, обут и в тепле, но
в личной жизни совсем
туговато. Учусь попреж-
нему, попрежнему люблю

14 февраля 1980.

7

Дорогая Елена Ивановна

Т.к. боюсь, что первое письмо может не дойти, посылаю Вам второе, такого же содержания, как и первое:

10 лет не писал Вам, и вот, наконец, пишу и надеюсь, что письмо дойдет. Позавчера в воскресенье, пришел к нам дядя Володя и принес Ваше, т.е. Ю.Н. письмо от 13-го января. Мы были так рады иметь от Вас весточку, что мы даже расцеловались с дядей Володей. Случайно к нам в этот же час зашла Е.П., и наша радость удвоилась. Ведь мы ничего, ничего о Вас не знали. Думали, что Вы уехали, куда хотели, и ждали от Вас письма из квартиры Бориса Конст. Нина Ивановна (она всё хворает), услышав о письме, слезла с кровати и села с нами за стол послушать дорогие строчки; и сидели мы, все четверо с дядей Володей за тем самым круглым столом, за которым шестнадцать лет тому назад в том же доме сидел Н.К. и Ю.Н. Не забываем мы Вас, наши единственные и любимые, каждый день Вас вспоминаем, говорим о Вас и мечтаем, о, быть может, небыточной встрече. Год тому назад мы узнали о постигшей Вас тяжкой утрате, и мне было так жаль, что в эти тяжкие для Вас дни, не смог я быть около Вас, чтобы поддержать Вас и взять на себя, хотя бы часть непосильного бремени Вашего великого горя и облегчить Вашу муку. Елена Ивановна, родная и любимая, я готов на ней, чтобы быть около Вас. Мыл бы Вам полы, ухаживал бы за Вами, как нянька (болезнь Нины Ив. меня многому научила), и сделал

бы немного, чтобы облегчить тягость
невозвратимой утраты, всю глубину
которой я только теперь начинаю
вполне осознавать. О сиротели мы,
родная, ибо „никогда уже больше
не будет такого певца С. Гор". Но
у нас остались Вы и вместо
отца — Ю.Н. так и запомните.
Дядя Володя хворал, и очень серьезно.
Вы это знаете. У него был гаврич-
ный паралич. Он поправился, сей
час служит, сыт, одет, обут. Служ-
бой его не отягощают. Аппетит
хороший, спит хорошо, но... стал
забывчив, особенно на имена
слова, легко возбуждается, за
последние две, три недели малость
похудел. Доктор Б.Н. боится посте-
пенного падения жизненности и
угасания. Буду писать Вам
о нем подробно, если хотите? Его
хозяйка, Людмила Антоновна,
бойкая старушка лет 65, хоже
хворая, но за ним ухаживает,
как за родным сыном. Готовит ему,
смотрит за ним, даже шубу, позабо-
тилась, чтобы была сшита. Вор-
чит на него порой, но от сердца.
Любя. Доктор Б.Н. много ему по-
мог, я хоже навещал его и подле-
чивал его немного. Он у нас бывает.
А у меня одна осталась надежда
Вас увидеть, родная, и сына Вашего.
Хороший ли, плохой ли, успешный
я или нет, а дороже Вас, ближе и
родне Вас у меня нет никого. Ду-
маете ли Вы о нас, как раньше? Не за-
были ли? И можно ли надеяться,
что увидим Вас? Думал ведь, что
Вы уехали. Думаете ли ехать и
когда? Что вообще хотите делать?
Привет от нас Св. Ник. и его уже-
не.

Уже так мы о Вас стосковались, родны Вы наши, что словами и не выразить. Да! Вы понимаете, тяжко и дико было услышать о том, что нашего любимого уже нет на земле, что мы его уже не увидим. Вам уже сознаюсь, что я, старый человек, плакал, как ребенок (хорошо хоть никто не видел.), а Нина Ивановна просто слегла. Но не будем на этом останавливаться и Вам и мне тяжело.

Нина Ивановна хворает вот уже 8 лет, после операции, удаления кисты, остались спайки. Из квартиры не выходит, измучилась окончательно и порой впадает в отчаяние. Просит спросить Вас, может быть ей надо попить какой травки, или еще применить какое либо лекарство или еще что нибудь. Очень больно смотреть на нее и жалко. Ведь легкого кофейника поднять не может, худая, бледная шея, как спичка. А помочь ничем не могу. Доктора и равнодушны и бесильны. Может Вл. что скажет? Ведь бывают дни ей легко, она не мучается. Почень, по видимому, тоже не в порядке. У нас тяжелая полоса, вывихнул руку и мне вдвоем остались с одной рукой.

Но, спасибо Вл. слежу, работаю, сыт, одет, обут и в тепле, но в личной жизни совсем туговато. Учусь по-прежнему, по-прежнему люблю учение и учить буду писать теперь часто. Напишите, родная, словечко. Так истосковались и любим. Не забывайте нас. Дорогой Юрий Николаевич! Привет Вам сердечный. Теперь Вы для нас вместо папы, не

забывайте, пишите нам, как живете, что думаете делать, когда встретимся. Нико. Ив. Вам шлет свой привет, она вас любит и часто и хорошо вспоминает. Мария Ник. нас не забывает и Е.Н. тоже. О Маргосе уже несколько лет ничего не знаю. Александра Александровна говорила нам, что в прошлом году она несколько раз беседовала и подолгу с Н.К., и когда мы в этом усумнились, она страшно обиделась... Вы наверное, этому очень удивитесь?!?

И к Вам и к Пл. отношение осталось таким же. Многое бы еще хотелось сказать, но письмо будет слишком длинное. Словом: любим, помним неизгладимо и никогда не забудем.

Был сегодня (16-й) у дяди Володи. Его не застал дома. Людмила Антоновна мне сказала, что за последнее время он заметно похудел, что и я уже заметил: совсем стал забывчив, не может считать и вообще, как сказал доктор Б.Н., „он уже не работник". Людмила Антоновна его балует, сшила ему новую рубашку, делает блины, лепешки, ну, словом смотрит, как родной человек. Но, квартирка без удобств; конечно, это нежело, особенно, когда он нуждается. На службе его оставили (хороший уник управляющий), но если бы его, не дай бог уволили, было бы трудно. Но друзья позаботятся. От Нины Ивановны и Вам и сыновьям большой привет. Пишите, родная, не забывайте. Попрежнему всегда и навсегда

Ваш Борис.

адрес: [illegible]
Sadovaya str. 18/16
Harbin
Manchuria
China.

из близких наших, кого вы знали, около
сейчас нет никуда. Все разлетелись кто-куда.
Думаю о том, как бы поехать на родину,
но не знаю, как мне быть с Ниной
Ивановной, брать с собой — не выдержит
дороги и нуждается в тепличном и
после больничном уходе, оставить —
немыслимо. Ну да этот вопрос будет ре-
шает само будущее. Думаю, что
скоро разрешат ехать.

Ваше предчувствие заставляет
думать. Хотел бы Вас познакомить
со своими друзьями, может быть
поразумелись бы.

Надежда Н. стала совсем старень-
кая, но такая же бодрая. Видела как
то во сне нашего Любимого, и целую
неделю лежала, как на крыльях.
Н.А. ударилась в гадания и за деньги,
нас видеть не хочет. Тоже совсем
старенькая и сгорбилась. С.П. молодцом.
От нее как и пишет Энергией. Об
уходе Любимого горевали все.
Очень рад что сын Ваш ниспослужно
при Вас, и что у Св. Ник. такая
хорошая жена, которую Вы лю-
бите. Привет всем Вам от нас
Пишите Навсегда Ваш
Любящий Вас
Ваш Борис

Нашего Любимого помним
и помню о Нем чтим.

Дорогая Елена Ивановна 25 февр. 1950 г. 9

Посылаю Вам вторично первое письмо свое, т.к. нет уверенности, что первое дойдет. Было бы обидно если бы не дошло. Получили от М.Н. Ваше письмо к Маргосе, которое Вы ей написали около года тому назад, и сразу стало легче, и всё опять стало близко и уже знаем, что Вы нас не забыли и что есть надежда на встречу. Елена Ивановна, любимая и единственная, скажите, родная, почему ученая ближе и роднее Вас. За всю мою жизнь никогда никто не был и не будет. Почему, когда думаю о Вас или перечитываю Ваши редкие письма, из глубины души поднимается такая волна чувствований и мыслей и теплоты, что выразить [illegible] было бы совершенно невозможно. Почему так много хочется сказать Вам; что большое, большое. Иногда даже приходят [illegible] мысли, что я имею какое то далекое, далекое право на это чувство, и что это близость не может ни пережить всего и продлиться и в далекое будущее. Чувствую, но не знаю. Вот с утра сегодня полон мыслью о Вас и прыгнул вновь начинающ[illegible]. Вот посидеть бы так около Вас, взять бы Вашу руку и просто помолчать. Ведь молчание бывает разное и можно говорить и [illegible]. Вот видите, родная, как стосковался по Вас.

Вчера Нина Ивановна прочтя Ваше старое письмо к Маргосе, сразу забыла свою болезнь и ей стало лучше. Вот сами видите не можем мы жить бу Вашей ласки, любви и внимания и не хотим, не согласны. Вот Вы писали Маргосе, а до нас дошло лишь через год с лишним, а могло бы и раньше, ведь почта уже заботится.

Дуя помогая всё в прежнем состоянии. Живет всё [illegible]. Бывает часто у доктора Б.Н. Всё время говорит он о Вас и о возможности переписываться с Вами. Здоровье не улучшается.

№3. 20 марта 1950 г. 10

Дорогая Елена Ивановна!

Дядя Володя опять заболел. На этот раз у него что-то простудное, наверно грипп. 12-й марта доктор Б.Н. отправил его в больницу. Температура у него около 38°. Иногда больше, иногда меньше. Чувствует он себя неважно, жалуется на общую слабость. Чуть два дня стал есть хуже. Пульс пробовал я сам. Слабый неровный, с остановками. Зашел я к нему во вторник, спросил его когда его привезли в больницу, но он не смог вспомнить день, хотя это было всего два дня тому назад. Резко ухудшилась память вообще, а на имена особенно. Но меня беспокоит другое, раньше, когда он хворал у него был всегда живой интерес к окружающему, на этот раз он как-то ушел в себя, отрешился как бы от окружающего и меня под конец второго посещения моего стал как бы прежним. Очень просил меня написать Вам от него привет, большой, большой. Очень беспокоится о том, чтобы поскорее от Вас получить ответ и всё спрашивает: „А почему же не отвечают, не пишут,

получили ли мое письмо? Все
дела?" Я ему говорю, что от-
чуждать еще рано, надо немного
подождать. Думаю, пройдет про-
студа и он поправится, но ослаб-
ление памяти и общие состояния
повидимому будут усиливаться.
Доктор Б. Н. считает его положение
серьезным, благодаря общей слабости.

Нина Ивановна хварает
попрежнему, т. е. ей сейчас еще
хуже. Так она, бедная, мучается
что часто говорит: „Хоть бы
умереть скорее. Не могу больше
терпеть эту муку. Ведь восемь
лет мучаюсь и никакого просвета,
никакой надежды. За что и
для чего такая пытка?" Я ее
утешаю, но ужас в том, что
не могу ничем помочь. Всё пере-
пробовал и встал в тупик. И
почти видно, не в порядке, кишечник
не действует, малокровие слабость
и т. д.

А Вы, пережившая муку, когда
на Ваших глазах угасал наш
Любимый Н. К., Вы, конечно, понимаете
как тяжко смотреть как мучается
близкий человек. Простите, родная,
за невеселое письмо. Привет Н. Н.
Св. Ник. и его супруге.
Увидимся ли. Вся надежда. Всё
упование, все радость лишь в
Ней надежда. Любящий Вас
навсегда Ваш Борис

Heben I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

12

印度

B. N. Toramoff,
Sadovaya St. 18
Harbin
Manchuria
China

寄信人：阿布喇莫夫
住：哈尔滨．南岗．花园街18号

11

P.S. Это уже третье письмо, которое я Вам посылаю. Сейчас звонил доктору, он сказал, что дядя Волоцкий немного получше. Температура 37°, но сильная слабость.

Скоро наш праздник. Поздравляю Вас и шлю лучшие пожелания. Вас и близких вспомним.

Мой адрес.

Садовая 18

Sadovaya str 18

Novy Gorod

Harbin

5/V 1950 г. 13

Елена Ивановна, любимая и родная, большое Вам спасибо за нашу дочку, любовь, внимание и заботу о здоровьи Ниньки т.е. Н. Ив. Уже мы так радовались нашей встрече. А Ниньке и повольничалось и потанцовалось на радостях, и всё еще переживает каждое слово. Спасибо Вам от всего сердца. Вот мы и успокоились, вот и разрешились все наши вопросы, всё стало на место. „Свидимся" какое счастье, какая радость! А т.к. для меня в этом коротком „свидимся" – всё: всё упование и всё ожидание, и осуществление моей самой заветной мечты всей жизни, то, значит, всё хорошо. Спасибо В. Вл. за его заботу, что нас малых согрел у своего сердца. Конечно, Нина будет здорова, и это нас уже не надеждой, а некоторой уверенностью.

Вчера Володя всё еще был больше, но определенно и явно его здоровье улучшается. Он снова хорошо спит и ест, но слабость еще есть, хотя иногда он уже выходит на балкон. Пульс стал тверже и сильнее. Говорит почти нормально. Только губ стесняется, что язык еще не всегда вполне повинуется. Он так был рад письму (точнее) Ю.И. и вашей приписке. Он так его ждал, так беспокоился. Читал и его слезы, а они текли, и слезы текли у него по щекам. Крепко расцеловались мы с ним на радостях. И говорит всё о Вас и племянниках, и на свидание надеется. „Цветочек отцовскую хочу послать в Свитязь, давно не видал как" – сказал он мне. Говорю поправляется ему малость, чтоб не! Читается хорошо. Очень любит шоколад, особенно бабушкин. Ухо режет хорошо. Попросил ему на память сейчас стрижки, для повышения кровяного давления. Было 110, сейчас уже 140. Нам шлет свой привет.

Хочу сказать одну вещь, но только Вам одной. Помните я Вас назвал „мама", любимая, родная и единственная. Скажу еще больше в отношении моей матери жизнь моя сложилась особенно тяжело. Много пришлось выдержать; и интересно то, что ее, свою родную мать, я никогда не называл „мама" – не мог, не хотелось... И вот Вы, моя любимая, единственное существо, которое я, в тайниках моего сердца, называю этим великим словом. Я не знаю, почему я это сделал, не знаю отчего и как родилось это чувство и желание это сделать, но в это слово, обращенное к Вам, я вкладываю всю нежность, всю ласку, всю тоску сердца, никогда раньше, не произносившего сознательно слова „мама". Простите, родная, меня за мою дерзость, что я осмелился Вам писать, но я знаю, что Вы меня поймете, не осудите, почувствуете, то, что словами выразить быть или не может. Если бы Вы только знали, моя любимая и единственная, как много значите Вы в моей жизни. Крепко помню слово В.Вл. „потому пусть сердце чует и знает в жизни своей, что удается..." и т.д. И как много значит для меня каждое Ваше слово. Я столько раз перечитывал Ваше последнее письмо, что выучил его почти наизусть

только надо скорее ещё. И так, родная Елена Ивановна и т.п. спасибо, что нас не забываете. Мне с Ниной не одним. Есть у нас и внучки. Ты ей не пишешь, но они знают и ждут и верят. Читал ваше письмо от 19/IV и думал, что вы, Елена Ивановна как ребёнок, бедненькая мучаетесь неизвестностью, как струнка наша арфа, и как бережно, как заботливо, как чутко надо оберегать нас от всего могущего нарушить наш строй, и прочитали мне здоровье, продумано это до конца, для будущего.

Странно! Ваше письмо к Вам никого не читала, а пишет Вам моими словами. Матери:

10/V

Родная, близкая, светлая,
За ласку твою бесконечную,
За теплое слово, приветное,
Спасибо большое, сердечное!...

Ваши и Ниночкины

Нищие радости
Духовные
Стихи не писались,
Души не пелись.

5/V 1950. 13

Елена Ивановна, дорогая и родная, большое Вам спасибо за Вашу ласку, любовь, внимание и заботу о здоровье Ниночки т.е. Н. Ив. Уже мы так радовались вашей весточке. А Нинка и повеселела и потанцовала на радостях, и всё еще переживает каждое слово. Спасибо Вам от всего сердца. Вот мы и успокоились, вот и разрешились все наши вопросы, всё стало на место. „Свидимся", какое счастье, какая радость! А то, вдруг меня в этом коротком „свидимся" - всё всё упование и всё будущее, и осуществление моей самой заветной мечты всей жизни, то, значит, всё хорошо. Спасибо В. Вл. за его заботу, что нас маленьких согрел у своего сердца. Конечно, Нина будет здорова, и что у нас уже не надежда, а полная уверенность.

Дядя Володя всё еще в больнице, но определенно и явно его здоровье улучшается. Он снова хорошо спит и ест, но слабость еще есть, хотя иногда он уже выходит на балкон. Пульс стал тверже и яснее. Говорит почти нормально. Только чувствуется, что язык еще не всегда вполне повинуется. Он так был рад письму (точно) 10.IV и Вашей приписке. Он так его ждал, так беспокоился. Читал и его ему, а он смеялся, и слезы текли у него по щекам. Крепко радовались мы с ним на радостях. И говорит всё о Вас и племянницах, и на свидание надеется. „Непременно отцовскую хочу послать в Свитки, давно не видал как" — сказал он мне. Говорю поправляйтесь еще малость, и поедете! Питается хорошо, ест и любит шоколад, особенно вкусный. Уход имеет хороший. Покрывается потом, сейчас стрептоцид, для поднятия крепкого давления. Было 110, сейчас уже 140. Пока имеет свой предел.

Хочу сказать одну вещь, но только Вам одной. Помните я Вас назвал близкая, любимая, родная и единственная. Скажу еще больше в отношении моей матери жизнь моя сложилась особенно тяжело. Много пришлось выдержать; и интересно и, что ее, свою родную мать, я никогда не называл „мама" — не мог, не хотелось... И вот Вы, моя любимая, единственное существо, которое я, в тайниках моего сердца, называю этим великим словом. Я не знаю, почему и это факт, не знаю отчего и как родилось это чувство и желание это сделать, но в это слово, обращенное к Вам, я вкладываю всю нежность, всю ласку, всю тоску сердца, никогда раньше, не произносившего сознательно слова и „мама". Простите, родная, мою дерзость, что я осмелилась так Вам писать, но знаю, что Вы меня поймете, не осудите, почувствуете, то, что словами выразить не могу. Если бы Вы только знали, моя любимая и единственная, как много значите Вы в моей жизни. Крепко помню слово К.М. „потому что сердце чует и знает в мирах своих, что делает" и т.д. И как много значит для меня каждое Ваше слово. И столько раз перечитывал Ваше последнее письмо, что выучил его почти наизусть

только надо скорее еще. И так, родные Елена Ивановна и т.п. спасибо, что нас не забываете. Мне с вашей не одним. Если у нас и бывают, то [illegible] Вы их не умеете, но они знают и любят и ждут. Читал ваше письмо от 19/IV и думал, что Вы, Елена Ивановна, как редкий, деликатный музыкальный инструмент, как хрустальная арфа, и как бережно как заботливо, как чутко надо оберегать вас от всего, могущего нарушить ваш строй, и прочитал не здоровье. Продумать это до конца, для будущего.

Страшно! Своего письма к Вам никого не читала, а пишет Вам моими словами. Матери:

10/V

Ангелица, близкая, светлая,
За ласку твою бесконечную,
За теплое слово, приветное,
Спасибо большое, сердечное!...

Пишет родные
А здоровье
стало не
писались,
думы не
шли.

Песни и [illegible] наш, Пастернак

Они нам почти всю квартиру. И так их [illegible] за это!

За что же я вас стосковалась. Ведь мы так давно, так давно не видались. Вот и считаешь и ждешь каждый завтрашний вечер. А если что-нибудь случается, и даже очень, то это потому, что не умеешь [illegible]. Вот вас я неуверенно стараюсь, могу называть вас, мама. А Ариадны милого я уважаю и вас тоже Отцом. А вот и стихи мои. Милость [illegible]! Нитью сердец [illegible] - отец близок за гранью земли. Стройный и сурово, сильный, без слов - в мать. Навек ушли они. Твой навсегда, но берега счастья за родной стеной. Трудным путем крепка идем к бывшим твердыни Твоей. Так без вас обоих будущего не мыслю.

9/V Вчерашнее [illegible], исполнение Елену П. и Ваше письмо Е.П. получили. О том что надо сделать и сделать для Отца Ю. [illegible] и формально крепко, ради этого и пишу Елена Ивановна, а не так и стыдно и больно. Вы недомогаете, здоровье Ваше неважно, а я беспокоюсь Вас [illegible] болезнями и печалями. Но если бы Вы знали сколько радости, бодрости, надежды и здоровья приносят Ваши слова. Опять пришла вам [illegible] У Вас мне [illegible], есть [illegible] способность и умение говорить самые [illegible] и доходчивые [illegible], самые необходимые слова, хватающие за самое сердце и в один миг способные [illegible] всё существо человека. Наша моя переполнена, и хочется поделиться с Вами своей радостью и слов не хватает, а всегда думаю не хватит на письмо. 9/V. Дядя Володя посылает Вам свой привет и любовь. Он только о вас и светике, каком его называет, и говорит. После вашего письма он ожил и зачирикал новой энергией. Мама Ваша советовала мне записывать мои [illegible]. 3-го января сорок восьмого года у меня записано было: "Для моих детей - сыновей моя Гессар-хана" и седьмого июня сорок восьмого года Ваш отец и В.М. в костюмах [illegible] у нас стоял, а Вы были на [illegible] высокой ростом, выше человека в два раза и стояли на [illegible] и ждали любимого [illegible], а [illegible] еще ничего не знал, и не [illegible], почему Вы стали выше всех. Сейчас я только что пришел от дяди Володи. У нас [illegible] радость, он получил второе письмо от 19/IV от Вас, т.е. в таком же [illegible] как и наши письма. Он просил меня передать Вам, что получил

и вы думаете, думаю. И говорю я все это вам
для самого хорошего, и не ради уверения
в лишь для того, чтобы вы крепко знали,
что у вас во всех таких условий и всегда
и всюду, думаю, тоже. А все когда сле-
дует, может и время то не будет,
дорого о себе говорить, не до того будет, вот
и открыто вам сердце свое нараспашку
тогда, т.е. при встрече, вам тоже будет
о чем поговорить, а вот такую стря-
пню как Нина, мелко пишете. Даже
наш любимый отец не стерпел. Да
из меня не такой кухонный мужик ве
вышел. А радости то ей сколько
было о нас позаботиться. И чуткости
и бережности бы хватило, хоть немного,
облегчить вам путь ваш, посильно
помочь и от всей души.

Мне обидно, скажи, разве может
не мириться, что вы почти мимо нас
и мы с Ниной разминулись. Вот вы
приехали, остановились у нас (мы
теперь живем на Кавказской горе)
Отдали бы вам почти всю квартиру. А как бы
у нас уместились то по-мышиному. Ведь
до чего же у нас стосковался. Ведь
ели так давно, так давно не видались
Поэтому и мечтаешь и легче ждать завт-
рашней встречи. А если это время бывало
и мучительно, и даже очень, то это
потому, что не знаешь и мыслишь.
Вот нас и неуверенно страшило,
мощно надвигаться все, мимо,
к любимого лица и давно чая
говору Отца. А вот и стихи мои
милость приклонилась! Нитью сердец
тур — отец близок за гранью земли.
стой и суров, сильный, без слов — в мысли
славлю тебя, мой. Твои навсегда, но берега
счастья за гранью стекла. трудными
путем крепко идем к дальней твердыни
и твоей. Так без вас обоих будущего
не мыслю.

Да, любимая, вспомнила Елену П. и
Ваше письмо Е.П. получила. О том что
надо делать и сделать для Отца уже
мной и будет крепко, ради этого и живу
сама конечно, и не так и стыдно
и больно. Вы недомогаете, здоровье
Ваше неважно, а я беспокоюсь Вас
хищным болезнью и печалюсь.
Но если бы Вы знали сколько радости,
бодрости, покоя и здоровья приносят
Ваши слова. Опять прилив благодати
у Вас мой любимый, есть мужественная
простота и умение говорить самые
трудные, самые необходимые слова,
хватающие за самое сердце и в один
миг способные излечить всё удушье
состояние человека. Наши мои переполнено,
и хочется поделиться с вами этой радостью
и словно и не хватает, а всего и думаешь
не хватит написать. 9/V. Дальше помощь
Юрий Николаевич. Он
постоянно шлет свой привет и любовь. Он
только о нас и светике, как он скучает,
и говорит. После вашего письма он
очень и очень повеселел. Мама
Ваша советовала мне записывать мои
впечатления. 3-го января сорок восьмого
года у меня записана фраза: "Для
моих детей — сыновей мех Гессар-хана"
а следующая вижу сон в каком-то дворце
много людей. Посреди в высоких креслах
Папа отец и В.В.Н. в высоком шлеме там
же, я около вас стою, а Вы были не-
большого высокого роста, вышли человеком
в два раза и стояли на круглой сцене
в кругу любимого лица, и тогда
еще ничего не знал, и не понял, почему
Вы стали вдруг так. И сейчас я
только что пришел от Ули Володи.
У нас такая радость, он получил
второе письмо от 9/IV, т.е. в каком
виде он нашей мечты. Он просил
меня передать вам, что получил

все четыре фотографии, две с нашим
домиком — кремлем, одну С.Н. с Гришей
и Ниной, с карточки нашего Кре-
мля. Долго, не отрываясь смотрел на
дорогие черты, как он изменился, какое
выражение, суровость и отрешенность
Любимое лицо. Вид телефонистки
сказать Вам, что пока ему писем
еще трудно, что ему мерещится, что
будет Ваших писем и очень
ждет, и любит. И когда ему читал
письма, он крепко-крепко держал
слово и глубоко переживал, принимая
А когда я прочитал Нинке о пре-
мудростях и мечтаниях, которые у Вас
бывают, она тоже мне и высказала
о том, что было задумано — "Отцом,
„для моих детей — сыновей". И мысли
уже мы пошли по тому
пути, как сказано, что не сможет заполнить место

15

Mrs. Helen J Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

印
度

B. M. Abramoff
Sadovaja str 18
Harbin.

Б.к. я не писала вам 10 лет, то было бы очень грустно и трудно, если бы письмо затерялось, поэтому посылаю его вторично. 16

5/V 1950г.

Елена Ивановна! Любимая и родная, большое вам спасибо за вашу ласку, любовь и внимание, и заботу о здоровье Ники, т.е. Н. Ив. Уже мы так радовались вашей весточке, а Ника и повеселелась и потянулась на радостях, и всё еще переживает ваше слово. Спасибо вам от всего сердца. Вот мы и успокоились, вот и разрешены все наши вопросы, всё стало на место. "Свидимся", какое счастье, какая радость! А т.к. для меня в этом коротком "свидимся" - всё упование и всё "будущее" и осуществление моей самой заветной мечты всей жизни, то, значит, всё хорошо. Спасибо В.Вл. за его заботу, что нас мать сохранил у своего сердца. Конечно, Ника будет здоров, и я хочу насчет него одного, а его голубиная уверенность.

Вч. кон. всё еще в больнице, но определенно и явно его здоровье улучшается. Он снова хорошо спит и ест, но слабость еще есть, хотя иногда чуть выходит на балкон, пока еще лежит в больнице. Пульс стал тверже и сильнее. Говорит почти нормально. Иногда только чувствуется, что язык еще не всегда в полном послушании. Он так был рад письму (нашему) Ю.Н. и Вашему. Он так его ждал, так беспокоился. Читал я ему, а он слушал и смеялся. У него по щекам крепко расползлись лучики и вилки радостях. И говорит всё о Вас и на свидание надеется. "Успококу отдохнувшую хочу послать Светику" - сказал он - "фавот, не знаю как". Я говорю - "надо терпеть еще малость." Очень любит он холод и особенно вашу елку. Питается хорошо. Уход и... хороший. Не прекращают бывать очень повышенные давления крови стрихнин. Давление теперь упало 140, а раньше было 100 и даже ниже.

Хочу сказать еще одну вещь, но только Вам одной. Помните я Вас назвал близкая, любимая, родная и единственная. Скажу еще больше: В отношении моей матери Ника всегда выражался особенно тепло. Много пришлось выдержать, и перетерпено то, что все, родную мать, я никогда, как помню, не называл "мама", не мог, не хотелось. И вот Вы, моя любимая, единственное существо, которое я, в тайниках моего сердца, называю этим великим словом. Я не знаю почему я это делаю, не знаю отчего и как родилось это чувство и желание это сделать, но в это слово, в открытие Вам я вкладываю всю нежность, всю ласку, всю тоску сердца, никогда, до знакомства с Вами, не произносившего сознательно слово "мама". Простите, родная, меня за мою дерзость, что осмелилась Вам так писать, но я знаю, что Вы меня поймете, не осудите, почувствуете то, что словами выразить трудно и почти невозможно. Если бы Вы только знали, моя единственная и любимая, как много значите Вы в моей жизни. Крепко помню слова Вл. "Потому пусть сердце чует и знает в мурашках своих, что дается"... и т.д. И как много значит для меня каждое Ваше слово. Сколько раз перечитывал Ваше письмо, что вычитываю со почти наизусть. И все думаю, думаю. И говорю все это не для самоуспокоения и не для уверения, а лишь для того, чтобы Вы крепко знали, что я Ваш без всяких условий и навсегда, и никто, думаю, тоже. А ведь когда свидимся не будет даже о себе поговорить, не до того будет. Вот и открывало Вам сердце свое нараспашку. Тогда при встрече всем будет в охотку поговорить, а вот такую стрянуху как Ника нелегко найти. Даже нам любимой одарят ее стрянно. Да и у меня не плохой кухонный мужик мог бы выйти. А радости то ей сколько было бы о Вас позаботиться. И чуткости и бережности бы хватило хоть немного облегчить трудный путь Ваш, посильно помочь от всей души.

особенная радость: как интересно, интригует, интригующее чтение. Даже в конверте интересно сохранился особый сладкий запах, повеяло. Вкусно и вкусно что прекрасная Елена Вас. Крепко и радостно стиснула Вашу руку, как будто через вас с Вас и Кн.? Спасибо своим. Вам лучшие минуты моей грусти. И грустности и печали сразу исчезают в радость как облагораживает Вас за вашу любовь и заботу, и как хорошо молчать сердце что краснеет немного пропорционально Вашему теплу, такому далекому, и такому близкому - бесконечно, неизвестно близкому. Но время необычно быстро говорит и вынуждает о Вас и "будущем" и которое чувствует сердце и слово "свидимся" будит и ждет в сердце радостно-тревожно. Воспоминания дарят что скоро разорвется свидание. Вам пусть сердце, всем чувством с Вами попрощаемся, как всегда, повернувшись

Т.к. я не писала Вам 10 лет, то было бы очень грустно и грешно, если бы письмо затерялось, потому посылаю его вторично. 16

5/V 1950г.

Елена Ивановна! Любимая и родная, большое Вам спасибо за вашу ласку, любовь и внимание, и заботу о здоровье Нины, т.е. Н. Ив. Что мы так радовались вашей весточке, а Нина и повеселела и потянулась на радостях, и всё еще переживает ваше слово. Спасибо Вам от всего сердца. Вот мы и успокоились, вот и разрешены все наши вопросы, всё стало на место. "Свидимся", какая счастье, какая радость! А т.к. для меня в этом коротком "свидимся" - всё упование и всё будущее и осуществление моей самой заветной мечты всей души, то, значит, всё хорошо. Спасибо В. Вл. за его заботу, что нас мальчик согрел у своего сердца. Конечно, Нина будет здорова, и это у нас уже не подлежит сомнению, а Нина голубчик имеет уверенность.

Вл. Кон, всё еще в больнице, но определенно и явно его здоровье улучшается. Он снова хорошо спит и ест, но слабость еще есть, хотя иногда уже выходит на балкон. Пока еще лежит в больнице. Пульс стал тверже и сильнее. Говорит почти нормально. Иногда только чувствуется, что язык еще не всегда в полном послушании. Он так был рад письму (Вашему) Ю.М. и Вашему. Он так его ждал, так бесконечно. Читал я ему, а он слушал и слезинки у него потекли. Крепко расцеловал письмо и Нину и радость. И говорит всё о Вас и на свидание надеется. "Успокоил он" усиленно хочу послать Светику - сказал он - "факт, не знаю как". Я говорю - "надо терпеть, ещё малость". Очень любит шоколад и особенно вашу новинку. Питается хорошо. Уход и... хороший. Не прыскает кровью стрептомицин повышает давление крови стрептомицин. Давление теперь уже 140, а раньше было 100 и ниже.

Хочу сказать очень, но только 1 [illegible] одной. Помните я Вас назвал близкая, любимая, родная и единственная. Скажу еще больше: В отношении моей матери я чувствую особенно тепло. Много пришлось выдержать, и пытку-то, что не, родную мать, я никогда, как помню, не называл "мама", не мог, не хотелось. И вот Вы, моя любимая, единственное существо, которое я, в тайниках моего сердца, называю этим великим словом. Я не знаю почему и это давно, не знаю отчего и как родилось это чувство и желание это сделать, но в это слово, в отношении Вас я вкладываю всю нежность, всю ласку, всю тоску сердца, никогда, до знакомства с Вами, не произносившего сокровенно слово "мама". Простите, родная, меня за мою дерзость, что осмелилась Вам так писать, но я знаю, что Вы меня поймете, не осудите, почувствуете, что словами выразить всю любовь трудно. Если бы Вы только знали, моя единственная и любимая, как много значите Вы в моей жизни. Крепко помню слова Вл. "Потому пусть сердце чует и знает в мерах своих, что дается"... и т.д. И как много значит для меня каждое Ваше слово. Я сколько раз перечитывал Ваше письмо, что выучил его почти наизусть. И все думаю, думаю. И говорю все это не для самоуспокоения и не для уверения, а лишь для того, чтобы Вы крепко знали, что я Ваш без всяких условий и навсегда, и никто, думаю, тоже. А ведь когда свидимся не хочется и времени то не будет даже о себе поговорить, не до того будет. Вот и открывало Вам сердце свое выражаться. Тогда при встрече всё кому будет в охотку поговорить, а вот такую стряпуху как Нина нелегко найти. Даже нам любимой одобрять и стряпню. Да и у меня не плохой кухонный мужик мог бы выйти. А радости то ей сколько было бы о Вас позаботиться. И чуткости и бережности бы вложило хоть немного облегчить труд-ный путь Ваш, посильно помочь от всей души.

особенно радует: как [illegible] отражается на отце. Даже в конверте чувствую его особое состояние. Оно как-то успокоилось, повеяло. Ваши и внуки про[illegible] Ваш. Крепкая и радостная стала [illegible] как будто через минуты с Вас и Ник. Ф. Ф. своих. В [illegible] минуты моей грусти и тревожности и печали сравниваю я радость как обнадеживает Вас за Вашу любовь и заботу, и как много молчаливо сердце хранит невидимых переживаний наших с Вами тревог, таких далеких, и горем [illegible] – бесконечно, неизразимо близких. Но время всегда говорит о [illegible] о Вас. О будущем говорит все сердце, и слово „свидимся" звучит и поет в сердце радостью и верой. Все [illegible] радости, до самой радостной [illegible] Все мои думы, все [illegible] сердце, вместе с [illegible] с Вами повторяю, как песню, [illegible]

[illegible] трудными путями крепко надо к Вашим твердым. Так бы Вам обоим будущего не миновать. 8/V Сегодня восьмое мая. Вспомнил Светлый. Ваше письмо Ек. П. получил. О том, что нужно сделать для отца думаю и думаю крепко, надо это и сумею. Слепа чувствую, мне так больно и стыдно. Вы недомогаете, здоровье Ваше некрепко, а я беспокою Вас нашими болезнями и печалями. Но если бы Вы знали, сколько радости, бодрости, надежд и здоровья приносят Ваши слова. Опять крепкие выросли. У Вас, моя любимая, есть чудесная способность и умение говорить самые нужные и дорогие слова, хватающие за самое сердце и в один миг способные изменить всё душевное состояние человека. Душа моя переполнена и хочется поделиться с Вами этой радостью, а слов того не хватает, и всего бумаги не хватит написать. 9/V Родная моя Николаевна! Дядя [illegible] передает Вам свой привет и любовь. Он только о Вас и Светике, как он его называет, и говорит. После Вашего письма он очень и очень повеселел и бодрей. Мама Вам советовала мне записывать мои впечатления. 3-го января 48 года у меня записаны слова: „Для моих детей – сыновей, Мечтателя и Хвата", а 7-го июня будет сон: в каком-то здании мифологии востока, в восточных одеждах, Вы, Отец и Н. Ф. в восточном облике – там-то, а около Вас стоим, а Вы были необычайно высокого роста, выше человеческого в два раза, и обнимали с другой стороны. Вы стали выше всех. Сейчас я только, что пришла от дяди Коли. У нас большая радость. Он получил второе письмо от нашей мамы от 19/IV. Он просил меня передать Вам, что он получил все четыре фотографии: у нас нашим домиком-теремком, одну с Ник. с Черной и наконец, с карточкой нашего Яблочка. Долго не отрывался, смотрел и на дорогие черты. Как он изменился, какое величие, суровость и строгость. Много понял. Дядя Коля просил сказать Вам, что ему писать сейчас трудно, что ему мучительно, что ждет Ваших писем и очень Вас всех любит. С каждым днем это письмо Вашей мамы, он [illegible] перечитывал.

А когда я рассказал Вике о письме и о печати, которые у Вас ходят, она долго и внимательно, о том что было записано Вами нашими строками: „Для моих детей – сыновей..." У меня даже мурашки пошли по телу. Чувство боязни, что не смогу закончить письмо. Спешу по плацу скорее сесть. И так, родная Елена Ив. и Ек. П., спасибо, что нас не забываете. А Вы Елена Ив. так часто выручаете. Думаю, и поверьте мне, что Вы как ретивое, бережное и мудрое материнское инструмент или как струнка стальная струна, и как бережно, как заботливо, как чутко надо оберегать Вас от всего могущего нарушить наш строй и причинить неудовольствие. Продумано это до конца, для будущего. Строго, мило, этого

Елена Ивановна, скажите, родная, скоро ли случится, что вы поедете мимо нас. И мы с Ниной размечтались, как вы приехали и остановились у нас. Мы теперь уже имеем квартиру, (в том же доме). Отдали бы вам нашу квартиру. А как бы чудесно нам было бы пожить вместе с вами!

До чего же я о вас стосковалась. Ведь мы так давно, так давно не видались! Вот и мечтаешь, и лечу урвать заветную встречу. А если это время будет слишком трудновато и даже очень, то это потому, что не урвал удачу-ли. Вот вас я неустанно спрашиваю, могу ли называть Вас „мама" А любимого нашего я давно уже зову Отцом. А вот и стихи мои стали мягче и мелодичнее!

Нитью сердец Царь - отец в лицо за границы земли.
Строг и суров, сильный, веселов, вместе давно учились.
Твой навсегда, на берега счастья за грозной стеной.
Трудным путей крепко ноги к вашим твердым
Так верна обоих будущего не мыслю. с тобой.

8/V Сегодня восьмое мая. Вспомнила Елену Иг. Ваше письмо Ек. П. получила. О том, что нужно сделать для отца думаю и думаю крепко, надо это и нужно. Елена Ивановна, мне так больно и стыдно. Вы недомогаете, здоровье Ваше неважно, а я беспокою вас нашими болезнями и печалями. Но если бы Вы знали, сколько радости, бодрости, надежд и здоровья принесли Ваши слова. Опять крылья выросли. У Вас, моя любимая, есть удивительная способность и умение говорить самые нужные и доходчивые слова, захватывающие за самое сердце и в один миг способные исцелить всё душевное состояние человека. Душа моя переполнена и хочется поделиться с Вами этой радостью, а слов-то и не хватает, а весь огонь бумаги не хватит написать.

9/V Родной наш Николаевич! Я для [redacted] посылаю Вам свой привет и любовь. Он только о вас и светится, как он его называет, и говорит. После Вашего письма он очень и очень ожил надеждой. Мама Вера советовала мне дописывать мои впечатления. 3-го января 48 года у меня записаны слова: „Для моих феерий - сыровей, Мне Гессарханна", а 7-го июня видела сон: в каком-то здании миллионы востока, в костюмах одеждах, Наш Отец и Е.Вл. в костюмах обычных-там-где, я около Вас стою, а Вы были необычайно высокого роста, выше человеческого в два раза, и огромные и другой сторонки. Вы стали выше всех. Сейчас я только что пришла от дяди Коли. У нас большая радость. Он получил второе письмо от нашей мамы от 19/IV. Он просит меня передать Вам, что он получил все четыре фотографии: у нас нашим домиком-теремком, одну с.н. с Ирочкой и Наконец, с карточки нашего Ярославского. Долго не отрывался, смотрел и на фотографии Гарри. Как он изменился, какое величие, суровость и отрешенность. Многое понял. Дядя Коля просил сказать Вам, что он тяжело переживает Гарри, что он мужчина, что Гарри Ваших писем и очень нас всех любит. И пока я читала это письмо Коли Нашей мамы, он тихо-тихо повторял каждое слово и глубоко переживал.

А когда я рассказала Вам о письме и о печатях, которые у Вас ходят, одна до сих пор наложенная, о том что было задумано по нашим строкам! „Для моих феерий - сыровей..." У меня даже мурашки пошли по телу. Трудно было, что не смогу закончить письмо. Столько надо сказать. И так, родная Елена Ив. и Ек. П., спасибо, что нас не забываете. А Вы Елена Ив. так часто недомогаете. Думаю я, и беспокоюсь, что Вы как ревностный, бдительный музыкальный инструмент или как хрустальная флора, и как бережно, как заботливо, как чутко надо оберегать Вас от всего могущего нарушить наш отдых и причинить нездоровье. Продумано это до конца, для будущего. Строго, тихо, о том

В письме строки последующие с первым

Мои письма к Вам не читала, а прямо Вам писала словами. А вот несколько строк матери:

Признательность.

Родная, любимая, светлая!
За ласку твою бесконечную,
За теплое слово приветное,
Спасибо, большое, сердечное
И так поэтому мои чувства Вам всем
нужны и светло. Всегда с любовью Ваш
Вамбери

8/VI Гарри написал мне письмо, где писал о том, что Светлый скончался. Умер Алекс. Петрович скончался после двухмесячной болезни (рак прямой кишки). Узнал об этом от однополчан.

М.В. тоже скончалась — я с ней получила письмо. Матери. А то ей что-то было грустно.

Ника, милая Ваш свой привет и поклон. Она у меня сейчас какая-то

14 мая 1950.

Получили открытку Елены Ивановны и Т.Н., т.е. всего не узнаешь. Вообще расскажут, что в городе умно мало нового. М.Н. чувствует хорошо. Спит и ест много. Пишет мало. Часто болеет. Вчера ее не было в школе. М.Н. болеет вот уже 3 недели. Ее трудно будить утром. Сегодня будили ее все вместе. М.Н. вчера пришла от нас очень поздно. Ее очень задержали. Она рассказывала, что ее ученики очень любят. Они ее встретили на улице и проводили. Я тоже ее провожала на вокзал. И одного урока пришлось лишиться. Я сидела в этом поезде, ехала в Ленинград. Вообще было очень весело. Ехали студенты, ехали военные. Ехали и мы. Ехали в Ленинград. Ехали в Ленинград. Ехали в Ленинград

14 мая 1950.

…ерзец. Получили и обрадовались Елене Ив-
новне и Ю.Н. т.к. всего не успели Вам
рассказать, то продолжаю письмо. Ю.Н. чувствует хорошо.
Сам и ухаживает, кормит, поит,
чистит. Нас не замечает. Ю.Н. за-
метно поправился, не трудно поднять
руки, ухватился и сам расчесывает
Н.Н. Вчера и третьего суда у
него настроение было неважное, но
сам не знает, в обеденный перерыв
встретился с Ирочкой. Принес
Е.Н. учат уроки, Зоря и не загля-
дывают по дороге к Вам, прилежно
учатся. Я только что спрашивала
как Ваш адрес и думаю, что их
письма Вы уже получили. Корреспон-
денты о Вас хорошо, Зоя очень довольна и ни
на что не променяла свой уголок. Ее
и трудно выгнать с Вашей кушетки
и пропасть. Я хотела их пригласить
на обед. В одиннадцать утра начи-
нается обедня в соборе. Елена Сер-
геевна сказала, они пришли утро
м, она за ними зашла, как
ребенка, и на себе тяжесть обя-
занности, и ей, конечно, не до
Вас и церкви.

Посылки Ника [illegible] отсылала
[illegible], эти уже давно [illegible]
было слабость, [illegible] чет перерыв, было [illegible]
из перевязок [illegible] Вторую [illegible]
[illegible] только [illegible], то [illegible]
[illegible] Ю.Н. [illegible]
[illegible] с надписью, [illegible]

[illegible] Ника [illegible] в больницу,
но вчера [illegible] с сестрой
ее передразнивает. Он [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible]

[illegible] карточки Ю.Н. с надписью, [illegible] я поду, что Ю.Н. [illegible] [illegible] [illegible]

образы сестры, призрачны, далеки
напоминают. К тяжелой передать
всего так трудно. Снегу последнего
есть три. Сумка полевая. В ней
учебники и тетради. Вот книга.
И вот листаю, что-то ищу в ней
и вдруг вижу на стене. Сестра
рисовала, тем красным карандашом,
что сумка, книги и тетради
были мокрыми. Если бы не этот рисунок,
забыла бы Св. Н. полностью,
сейчас вспоминаются только
особенности. Когда бы смерть
разрешила воскресить, я бы
попросила ее вернуть Свету
такой, какой она была в
последний день. Не
знаю, больше трудно всей
той нашей Св. Н. по обычной
жизни года и все-таки было легче
видеть ее такой. Это обычно, с книгами
когда-то в руках, усталой
и задумчивой. Это ей больше
всего, это ее сущность.
17 мая. И вот хочу, подумав много-много,
спросить вас, можно ли лечить
стрептококковые поражения сердца
кровью, и нужно ли ее для этого
брать почти у всех обследованных.
И еще, в отношении Вашего отъезда,
какие-то мысли сейчас у Вас.
Где находится Св. Н. Что обычно
с ней года и все-таки было легче
видеть ее такой. Это обычно, с книгами
когда-то в руках, усталой
и задумчивой. Это ей больше
всего, это ее сущность.
Где сейчас Св. Н. Что обычно
с ней года и все-таки было легче
видеть ее такой. Это обычно, с книгами
когда-то в руках, усталой
и задумчивой. Это ей больше
всего, это ее сущность.

Горько и обидно сознавать,
только тогда, когда ничего уже
нельзя изменить, каким Человеком
и Врачом была Св. Н.
Ваших письмах Св. Н.
и ее труде все это ясно.
О Вашей работе мне сказать
не могу, потому что
ее еще не читала, но
ее у меня.

В сборнике статей
и речей, вышедшем
недавно, есть статья
"Смысл жизни и смерть
человека". Прочтите ее
мне кажется Вам
будет интересно, какой
она получилась.

Желаю Вам всего хорошего.

Крепко обнимаю.

Можно любить и тех, кто далеко.
Быть может за далекими горами
и синими морями, за чужими небесами.
Любят расстояния не знают,
и пространство не преграда.
Любовь сильна и вечна, как
красота Матери и материнства.
Так утверждает Библия и поет
песнь над тяжкими могилами.
Но есть что-то еще
в нашей земной любви и чудесном
слове "вместе". Вместе присутствие.
Значит любовь побеждает боль
и одиночество, тьму и холод.
Так утверждает вера, надежда
и любовь.

Можно любить и тех, кто
ушел от нас. Это память, которая
будет присутствовать до последнего
вздоха. Любовь побеждает
и даже смерть. Это сила, которая
воскрешает. Вспомните Христа
Воскресшего. "Смертью смерть
поправ", и открыв ворота
Вечности! Любовь не только сильна
как смерть, любовь сильнее
смерти, острая, как стрела
отчаяния и разрушения, но вечная
как вечность.

Mrs. Helen J. Roerich 20

Kalimpong,

West Bengal,

India.

印

度

via Honkong

B. N. Abramoff
Dadovaya str. 18
Harbin

4/VI Письмо на обороте третьего дня написал уже
Володя сам. Написал очень нерасборчиво, т.к. у
нас под рукой был очень маленький огрызок ка-
рандаша. 4/VI он, наконец, выписался из больницы,
и перешел к себе на квартиру. Конечно, он слаб, па-
бохат, по моему, не сможет; почти не может очищать
деньги и их распределять, так что платить больнице сестрам
должна была хозяйка, а он всё забывал кому надо
сколько дать. Он очень был рад, что вырвался из больнич-
ной обстановки. Просил Вам передать, в ответ на
Ваш вопрос, нельзя ли ему что-нибудь послать,
следующее: „вопрос о посылке отпадает, потому
что это очень сложно, деньги же можно переслать
на Мар. Ник., а долларов делать. На эту сумму здесь
можно жить хорошо целый месяц, не служа. Но еще
проще переслать деньги через банк на тянцзин, вернее
через тянцзин, прямо сюда на доктора. Надо на тянцзин,
потому что оттуда из банка уже перешлют на местный банк
или по почте. В официальный курс местного банка очень
благоприятный". Но если почему либо, добавлю уже
[illegible], Вам денег послать нельзя, то Вы не беспо-
койтесь, мы о даже Володе позаботимся от сердца

Дорогие Мои и Любимые Елена Ивановна, Юрисъ, Дебрикъ и Женой, — наконецъ то пишу Вамъ самъ, шлю Вамъ всѣмъ самый сердечный привѣтъ и пожелаю Васъ всѣхъ крѣпко, крѣпко.

Письма Ваши и крестовки получили очень Вамъ всѣмъ благодарны и ждемъ отъ Васъ писемъ. Крѣпко Васъ всѣхъ цѣлую, не забывайте! Очень соскучился бы Васъ всѣхъ! Вашъ Володя

VI

Просьба по Никитиной делать мы сделаем в гл. Угорско. Выразил Гуртовскому Зорбом.

29 июня 1950 г.

Родная Елена Ивановна и Ю. Н. были
на днях у нашего выдающегося
друга Полевого. Он нам писал, что у Бо-
рецкого он бывает и теперь. Он уже
много поправился и чувствует себя лучше:
у него прекрасный аппетит и сон. Его доктор
Маргарита Авраамовна Осовец бывает у него
смотрит, что он и ему ей. Днем он проводит
в саду, на воздухе, в кресле, часа два отдыхает
читает вслух. Стал у него оптимизм, условия
у него все. Вот решил он написать письмо
одному знакомому, подобью нарывами горло,
очень его и они волновался, не
будучи в состоянии выполнить. Так что, с
Божьей стороны поправляется, а у другой, го-
лова работает плохо и не может сильно сердца.

На прошлой неделе Нину смотрела
хирургиня врач и категорически заявила, что
никакой операции не нужно. Мы очень
были, и вскоре пригласили лучшего
гинеколога в городе. Он ее осмотрел и,
посидевшись, тоже не собрался нарко-
чить операцию, мол ему заявил, что врач,
сделавший ей первую операцию (он умер
года два назад) при своем последнем визите
сказал будет необходимо легкая выемка
нарывов, удаление остатков пищи и т.д.,
чтобы все что надо. Он возразил и не
стал и отказ согласился на выемку,
но под эфиром, а под эфиром операция
должна быть сделана не раньше августа (первая треть)
Рана ее очень мучается в другим узлом,
задержалась в пищеварении, слабость,
и т.д. Диету держит строго. Сухой хлеб,
печенье и белое (пекут) и суп из кур. кости, кисели
второе из картофеля, гречневая и овсяная
бобы и все. Молоко ей она рас-
ширяет после операции и каждый день
поправляется. Ест мало но ставит. Дер-
жится молодцом, около подбодряет ее.
и всегда верит в скорое выздоровление
молодец пишет не может, чувствует не принимает.
Часто говорим о вас с Ю.Н. – ее вы
наша радость.

Елена Ивановна, родная моя и любимая,
у меня к Вам есть маленькая просьба.
Мы с Ниной очень огорчились, узнав рот
хастет, что, когда Е.П. пишет Вам, то часто
ссылается на меня или на Нину, как бы
говорит от нас или за нас, что мы с ней,
т.е. с Е.П. думаем то-то, то-то, в то время,
как мы никогда ее об этом не просили. Я Вас
очень прошу считать все такие вещи про-
дуктами ее собственного творчества, на-
шим чувств не выражающими. Родная моя,
и любимая, Вы мне так близки, я так ярко
чувствую Вас в сердце своем, это чувство

касается таких сокровенных уголков моего сердца, что вторжение в эту область другого сознания для меня очень болезненно. Мне было бы невыразимо больно, если бы в то, что для меня дороже жизни, (т.к. ближе и роднее Вас, моя любимая, у меня среди людей никого не было и не будет) вторглось другое сознание и окрасило бы своим цветом и своим пониманием наши взаимоотношения. Поймите, родная, что мне и Нинке так хочется оберечь для нас самое дорогое и заветное. Вот напр. Е.П. писала Вам, что нам с ней что-то неясно. Не знаю, что ей неясно. А Вы мне так близки, и мне всё так ясно, так радостно, что я все эти месяцы живу под впечатлением Вашего письма (от 15 апр.) Несмотря на трудности моей личной жизни, мысль, что свидимся наполняет сердце восторгом. Ведь я иногда целыми часами думаю о Вас, моя единственная и неповторяемая, и на душе становится тепло и радостно, и всё близко. И я так признателен нашему любимому, что встретил его, и благодаря ему, — Вас. Что бы я делал без Вас обоих.

Ведь все Ваши слова и мысли, и самые формы выражения — все это мне созвучно, всё это мое, роднее. Вы пишете моими словами, такими понятными, своими... Ну как же еще, каким языком выразить мне мое ощущение Вашей близости? Странно. Но, все-таки, почему это так? Ведь Вы мне скажете? тогда, потом, при встрече? Всё скажете? Это „всё" бьется в груди у меня, как птица в клетке, а оформиться в образах еще не может. И чем ближе становится мне В.Вл., тем ближе становитесь Вы и ростет облик нашего любимого. Помните слова Вл. „Станьте ближе, еще ближе..." Вот и хочу встать к Вам ближе, так близко, чтобы сердца стали как одно, и слилось сознание. И я просыпаюсь с мыслью о Вас и приветом и, засыпая, думаю хоть во сне увидеть Вас и побыть с Вами.

Нина просит передать Вам привет и признательность за заботу и внимание, а также и Ю.Н. Пока ни мы, ни уйдя Володя от Вас ничего еще не получили. Послать письмо ему было с карточками Черемков и племянника. За месяц до операции, как указано, она, т.е. Нинка начнет принимать строфант. Это верно, у меня есть вопросы. Но они очень просты, я не знаю, Вы знаете, вот и спрашиваю, верно буду спрашивать Вас. И я тоже всем сердцем и мыслями с Вами. Всегда и навсегда Ваш, Ваш Борис

Уже писал Вам, что М.Н. живет хорошо, настроение хорошее. Ребятки ее уехали на дачу. Она одна. По моему, кроме испорченного письма, Вы еще не получили 4 [illegible]5 писем. Неужели и они в репу попали? Насчет Ю.Н. видел очень интересный сон, давно уже, об этом написал, но боюсь, что это было в том, пресловутом, письме. Недавно слышал слово „Трудно! потому и Иду на помощь, неужели слепы" Так проявляется Его забота о нас с Ниной

24

Нашей любимой и единственной
Елене Ивановне шлю привет
своего сердца. Так радостно было
узнать, что Вы зовете меня по
имени. Спасибо. Спасибо за все,
за ласку, за внимание, за заботы...
Ваша Девана — это прелестный цветок
Индии. Она нам очень понравилась.
Если можно, то пожалуйста
передайте ей привет от далеких,
но близких друзей.

Преданная В. Вл. и Вам
Нина

Mrs Helen J. Roerich 23
Kalimpong
West Bengal
India

印度

B. N. Abramoff
Sadovaya 18
Harbin
China

23 30-7-50

Родные и любимые Елена Ивановна и Георгий Николаевич. Я получила Ваше письмо от 12/VII. Спасибо за карточки. Вот в этом, я думаю, в следующем письме я, как раз, и пришлю наши карточки любимого нашего, с Его чревом и наших теремков. Еще раз спасибо, что поручили мою просьбу. Очень огорчилась, что мое и Шуркино письмо дошло в таком виде, но мое я писала еще раз. Буду теперь писать по одному разу в неделю. Не ведет что-то моим письмам. В Ваш сезон у нас тоже дождливую неделю. Все по-прежнему. Вот уже спит хорошо, общее состояние удовлетворительное, но память по-прежнему страдает. Немножко и к нему привыкли, если вокруг нас творятся такие страшные стихийные бедствия. Сколько горя кругом, сами, как вы пишете, смотрели сметенные и уроне и все еще висит угроза новых стихийных бедствий. (Пока) завтра везу Шурку в большую операцию. Операция будет первого августа. Вижу она держала строго. Сук из куриных костей, пропитые какие-то кислые сиропы. Только за время начала принимать строфантин стало по-другому. Она совершенно спокойна и полна веры и признательности за любовь и заботу, спокойно и совершенно уверена, что все это нам человеческих и, хотя приходится через все это нам человеческое тоже. За это время она сильно похудела, мучилась с желудком, но психологически, по внутреннему стала как-то устойчивее. Но если бы в этом родном, сколько мелких уколов, противодействий и непрошенных сопереживаний ее ранимое сердце. Словно, кому-то очень не хотелось и не хочется, чтобы она стала здоровой. И вот действительно в большом, больше по мелочам и мелочам. Даже интересно было отмечать и видеть эти старания. Но это пустяки. Я Забота, Любовь осуждены и крепка вера и немного надежда и вроде больше терпения.

Жена св. Ник. нравится нам с Ниной как-то особенно милой и своей. Как ее имя?

Елена Ивановна, любимая и единственная, сама бы Вы только знали, какую особую радость дают мне ваши письма. Вы не можете не понимать то могучее чувство, которое живет в моем сердце и которое, с каждым днем разгорается все ярче и ярче, вытесняя все лишнее и пустячное. Теперь я поняла, что такое любовь, поняла, что это — все, что оно сильнее всего, что это кратчайший путь, что кроме нет ничего и нет — только через нее и ею. Она в нас всех четверых. Вот и хранить это чудное и понимать через такую дружбу и с заботой. Хочу, чтобы это было сама смелая всё интересное и манящее. Хочу это все для того, чтобы помогать нам долго, чтобы иметь на это право, и быть, если это мыслимо, около Вас. По-моему рациональное, быть "около" это значит сумасшедшим напряжением, это значит учиться и учиться, и после этого упорной любимой работы, увидеть нас, подружиться нашу руку и тогда бы уже-то мы могли посмотреть на нас. Ведь прошли только 2 года, а Любимое наше лицо считанные часы, и это до него мерцает, как же дорого и драгоценно каждое будущее встречи. Вот больно Нинке, и трудно нам было очень, но все мелкое и пустяковое, потому как надо быть бережливым и глупым много-много, чтобы бережливости вокруг не было, и потому, как бережно и заботливо трудно уже думать, когда с Вами. И готов платить и платить еще и еще, лишь бы это было нам возможно. Не только не отмечать Вас письмах, мои дни потерянные бы пойманные, рождая то, что хочу сказать, как поэтому и потерянное письмо. Думаю не о "сладких минутах" и "крепких в сахаре", а о том, что когда придет

время, быть около, помочь, оберечь, облегчить ваши тяготы по мере сил и разумения. Ведь вам будет так трудно. Я это ум и в чем-то не прецел, чего стоит соприкасание с ними. И еще раз спасибо за письмо. Мы с Ниной почувствовали, что стали вам еще ближе и родные. Ведь вы ее дважды спасли. Вы ее вырвали. А сколько радости это принесло. Вот и мама Лиля кольцо-то дорогой первой дала. Вот мы и почувствовали, словно бы вы приняли нас в свою семью. Спасибо вам, родная. Всей душевно своей отблагодарю вас и разделю тяготы. Капитулирую силы свои отдам вам, чтоб прибыл время скорее так хочется снять повязку с дорогой памяти и поцеловать дорогие строчки могучего чувства Вашей близости. В письме Давыдовой только фио, две-три строки: когда я прочел Ваши строки, "я чуть что не заплакала" я столько перечел и передумал, и мне захотелось поцеловать вашу обувь. Вы, такая нежность умная и большая, и в то же время такая простая, близкая, близкая... любимая, любимая... до боли, до слез, до радости невыразимая. Эту радость дарите мне, все ваши, каждое ваше слова, переживания, но такие волнения, несущие близость, не на сегодня, не на завтра, а навсегда... навсегда, моя любимая, единственная и неповторимая... К вашему перечитываю письма матери с красных плацдармах и ее любимая. Перед каждым строчка сомнения. Хочу что-то сохранить своим, как-то. И еще повторю, о чем я уже писал. Должно ли это быть? Трудная время мне было со своей родной матерью. Ты уже следы осознал на всю жизнь. И никогда, сознательно, я не позволял не называть я ее "мама". Не мог, не хотел, что-то мешало. И вот вы единственный человек, кто я в глубинах своего сердца называю "мама" и вкладываю в это слово всю нежность, всю ласку, всю любовь сердца, имущую, сострадательную отзывчивую это слово, великое слово, к другому чему вещу. Знаю, что, быть может, не имею на это права но простите меня, родная, за мою слабость, не что-то мне сделать, если не могу молчать и если так хочется передать все, чем живу, чем переполнено сердце. Вспомните все мои к вам письма, стихи вам написанные, ведь все то же, но сейчас усиленное до предела, если такое вообще существует. Вот через вас пошло слово "дорогая" ваш дом". И если слово вашего сердца так дорого, ценно и святого, то какова же у Вашего Сердца, с которым бьется сердце. Итак, в фантазиях моего сердца я называю вас, мама, не знаю почему и что делать, не знаю отчего и как родился это чувство и желание это сделать. Еще раз, родная, простите меня за мою дерзость, но вы поймете, не осудите, поймете что словами выразить это чувство не могу. Знайте, что мы с Ниной всегда будем вместе. Ваши, ваши дети. "Родная, милая моя, любимая, до моему только бесконечно дорогому, теплое слово приветное, спасибо большое, сердечное". До чего же я о вас стосковался! — —

3-го января 43 г., когда я еще ничего не знал о вашем любимом моем, сказал это слово! Ваших моих детей - сыновей Мих. Исаак. Хана." Привет вам от Нины. Привет от Ник. и его чудесной вам всем лучших Кости и Кавуни вам, Кате Сорок

Слово ласковый, родная мне, нежно мне, хоть немного, называть вас мамой и мне так хочется, чтоб вы звали меня по имени

7-8-50 26

Родная Елена Ивановна, 30/VII написал Вам письмо, что получили Ваше письмо от 12/VII, порадовался за Вашей операции и о том, что отправил ее в больницу и что все Ваши советы выполнили и выполним по силе разумения. 31/VII съёдет в больницу. О первой была сделана операция, 4/VIII привезли домой. До операции она была очень слабенькой, но операция прошла очень хорошо и была совершенно спокойна, по дороге туда, в автомобиле они оба почувствовали момент, в чем будут участвовать помощи. Все они перенесли операцию, а больница — как в бане. Я решил, что ей нужно и нужен этот урок. Перед операцией растроился урок. Но как я и думал, что рукой полной отношения и любви. Она все это время вела с собой игру, что ее должны были в сон, так она ничего и не заметила. Сидела все время были неудачи и она очень мало ела. Или будет вставлять или вареник несъедобные вещи. Народ был эвакуан, в стерилизации почему-то "мыли маленькую дозу. Боли были сильные. Нужно сильные. Очень нужна была помощь. Сама она, конечно, что-то предполагала бы на операцию и попросту ее не ждут работать. Была очень бодрая. Теперь наступила чувствительность в виде слабости и страдания у того отдела от чувствительности и больницы. 3/VIII из нее вынули громадную опухоль, вроде перевязки, но сплошь, не до омертвевших кишечной стенки, словно стал с кишечника все больше покрывать. Она чувствовала как внутри ее отрывало эти плоды. Доктор сделал очень тщательное выскабливание матки, где он нашел доброкачественный процесс. Вычистил всё, пока кровь не начала сгущаться.

Чувствует нужно удержать приблизительно диету, пока стенки кишечника не окрепнут. А потом? А откроют? И так, помощь была хорошая, но пройти через все пришлось тоже мучениями и трудами, но крепкая уверенность в хорошем конце облегчала ее. Курсовую сторону исполнения операция делал Дмитрий и сидел в коридоре [illegible] и смотрел на Лиз. Вас. И свой и Ваш великое спасибо. У меня время операции и больницы совпало с отпуском, так что я смог все свое время отдать Вам. Привез ее домой и отпуск кончился. А никто не стал бы затруднять Вас всеми этими подробностями и тяжелыми сценами сердец, только подумать что. Вы спрашивали о ее самочувствии. Чувствует она себя сейчас относительно покинувшей все свои болезни и на пути уже к полному и глубокому выздоровлению. От нее Вам большой привет и великая благодарность за всё, и Вам и В. Вл. Сейчас только мысленно судить, как сильно бы ее нужен в время пребывания в больнице.

Спасибо Вам за Ваше письмо от 12/VII и карточки больные. Почувствовали из исторического письма, обусловленных стихийных Вашей о том, что Вам трудно вырваться теперь оттуда. Но мне больше то кажется, что это трудно отпустить на время Вашего отъезда? Т.к. мое письмо от 30/VI может быть не удастся, то часть его письма посылаю Вам еще раз, но хочу чтобы Вы одно его прочли

т.к. эти строки лишь для вас одной написаны! Когда в вашем последнем письме я прочла слова: "я чувствую не написала, а стала их перечитывать и передумала, и мне захотелось поцеловать вашу обувь". Вы, такая мягкость грубая и большая, и в то же время такая простая, лаская-бичующая... Любимая-любимая, до боли до слез, до радости невыразимой. Эту радость дают мне не ваши, казалось бы, магические слова, нет, а те строки почерка, несущие близость, не на сегодня, не на завтра, а навсегда... навсегда моя любимая, единственная и неповторимая...

В первом перечитываю свои и ваши письма. Матери в красных обложках и всё прочее. Ведь каждая строка обязывает. Хочу чтобы сохранили с тем как одно. И еще раз повторю, что уже писала раньше, что не знаю, помните: трудное время мне было со своей ранней матерью. Тяжкие следы остались на всю жизнь. И теперь, сознательно, как поздно не воздавая ей "мамой", не могу, не хочу, что-то мешало. И вот ты, существенный человек, вошел в глубине моего сердца называло "мама" и вложило в это слово всю мягкость, всю нежность, всю любовь сердца, никого сознательно не обращавшего "мамой", никого слова, к другому человеку. Знаю, что, быть может, немного на это права. Но простите меня, родная, за мою сложность. И чтобы меня знали, если не могу молчать и так хочется говорить вам что-то и чем переполнено сердце. Поэтому мне, чтобы все мои прежние письма к вам, все они об одном и том же. Только все эти годы сил у меня не было, если такие вообще существуют. Вот чем вас потянуло слово "душа". "Душа моя" и сами о нашем сердце так светло, грустно, детски и ласково, что кажется у всякого сердца, с которым вы-одно. И так, в тайниках моего сердца давно прежде и теперь всех "мама". Не знаю почему и как давно, не знаю отчего и как родилось во мне это чувство. Еще раз простите, родная, меня за мою дерзость. Но вы поймете меня, не осудите, поймете то, что словами выразить было уже не может. Знаю еще и еще раз, что мне с вами, навсегда и без этих условий. Спасибо за все, родная моя, единственная, моя-моя, хоть никогда называть вас мамой. И мне так не хотелось чтобы вы называли меня по имени. И так бы хотелось опять потрогать с детской настойчивостью, чтобы поверить что можете быть, что сегодня сжимаются мои сердце ваши такими тревожными мыслями. Спасибо вам за всё, за всё, за ласку, за понимание, за любовь. После последнего письма вашего мы с Ликой почувствовали, словно вы в Ц. приехали и скоро семью. Вера-Диана ваш, ваш брат привет Ю.Н. и С.Н с успехом! Как вы чем? Ну, пока!

28

Mrs Helen J. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

~~[illegible]~~
印度

B. Abramoff
Sadovaya 18
Harbin.

21-VIII-50. 27

Родные Елена Ивановна и Борис Николаевич
На днях был у дяди Володи. Говорит только о Вас
и ждет писем. Он как бы окреп. Ест и скит попреж-
нему хорошо. Но память, скорей, ухудшается
и работать, по моему, он не сможет совсем.
Писал уже дважды, Нинке операцию сделали
первого авг. в 12 ч. дня. Держалась она молодцом.
Все сошло хорошо. Но 4-го авг. по приезде домой
наступила страшная слабость и упадок сил. Хотя
помогли ей сильно. Просит она передать Вам
что она всё еще очень мучается говорит, что
мучает кишечник, вздутие, отрыжки,
задержки, мучительно бросает в жар и
вся покрывается потом, чаще это ночью, бо-
лит затылок часто, глаза. Двигаться не
дает позвоночник, от движения тошнит.
Или лежит или сидит на диване. Восприим-
чивость страшно обострена. Запахов не
выносит. Все вера и надежда лишь на
В.Вл., а так жизни нет, сплошное мучение.
Сидит на указанной диэте, кроме молока,
которое причиняет вздутие. А я от себя
добавлю, что она еще похудела и нервы
очень плохи и, конечно, она мучается,
но где нервы, а где действительность не
могу сказать. Вижу, что человек очень
страдает. Бывают просветы и ей сразу
делается легче. Изо всех сил поддерживаю
в ней твердую уверенность в непреложном
выздоровлении и сам крепко верю, но пока
все же жалко. Конечно, хорошая девять
лет (уже 9), трудно сразу же встать на
ноги. Всё мы сделали точно, как было
Сказано и строфант пила точно по рецепту и
все остальные. Я лично думаю и [illegible]
что надо немного еще подождать [illegible]
оно соглашается, но физически [illegible]

Простите меня, родная моя Елена Ивановна,
что пишу Вам о таких неинтересных вещах,
но в письме Вашем от 13/VII Вы просили
написать о Нинкином самочувствии и
Нинка [illegible]. Вот и пришлось писать.
[illegible] от Марии Николаевны
[illegible] помнят, о Вас, особенно,
[illegible] ждут, как мне сказали;
[illegible] почти не изменилась. Просил
написать Вам адрес Маргоси.

...ьмо, верное спасибо за помощь Зинке,
помощь эта чуть-чуть больше и чувствуется
очень мало и редко и очень ее чувствуют
...ки получают вчера, так после Нового светлого ее пока
...ьше пишу для все случаи. Елена Ивановна
Моя родная и любимая, любимая, сегодня
ночью будет так во сне, так ярко, ярко.
У нас болел бок и я лечил, прикладывал руку,
спрашивал чувствуете ли тепло и чем-нибудь
сел письмецо. потом Вы меня обняли
и поцеловали и я ощутил всю нежность
всю нерушимость Вашей ласки. Вы были
такая родная и близкая, такая любимая
долго я тонул под этим впечатлением
Еще еще раз говорю, что Вы для меня
самый близкий человек, что чувство мое
к Вам растет и растет, захватывая
и вытесняя все остальное. Вот Вы пи-
сали, что „я чуть что не запнулась" что
увидели последние мои письма, а мне хочется
почаще видеть Вашу обувь, за то, что Вы, такая
хорошая умная и большая, такая простая,
близкая - близкая, любимая - любимая до
боли, до слез, до радости невыразимой.
Вы существенный человек, которого в
сердце своем я всегда называю „мама",
словом, которым я сокровенно никого
не называл разумно мать даже. Часто
смотрю на Ваш портрет и сердце
начинает передавать Вам то, что чувствую
И хочу чтоб этот документ с Вами, моя
любимая, существенная и неповторимая
говорит, что во мне человек нежности, и я рад
был, что во мне нашлось помимо Вам, а
не брать от Вас. Вы улыбнетесь, скажете
Я, и будет Вас любить! Но ведь я очень
[redacted]
[redacted]
[redacted]

очень беспокоился о Вашем здо-
ровьи, слышал Вашу слова, что
Вы чувствовали себя очень плохо. 31
почему, родная, Вы ни слова не пи-
шите о себе, о своем здоровье, о том
как Вы там живете. Ведь у Вас
было такое землетрясение, столько
слез и несчастий и горя. Легко ли Вам
все это. Вунажуы, это было 1 сент. видел
во сне, что Вашу ногу до крови испусала
бешеная собака, а я хотел высосать
ранки, чтобы спасти от заражения.
Видел и нашего любимого, обнимал
и целовал его. И была радость.
Показывал Ему свои новые, чистые
сугуры. Хочется передать Ему
свою любовь и привет и спасибо
великое за то, что я резвно имею Вас
и всё.
Познал и тоску, о которой Вы пиши-
ли, но теперь перенесу все, сил хватит.
Свв. ник., видимо, чувствует себя не-
важно, тоскует о детях, и сильно
переживает разлуку. К ним собирается
ехать. Ведь ей уже много лет.
И так, родные, шлю Вам привет,
и любовь и устремление и радость
Заветной встречи Вашего Навсегда Ваш
17/8 Всем сердцем идущий с Вами Ваш сын Борис
Во имя будущего труда добавлю: Мама!
Моя бесконечно любимая мама, спасибо
Вам за Вашу ласку, за Вашу нежность, за
Вашу тонкую, чуткую отзывчивость, за ту осо-
бую радость и счастье, которые вы мне дали и даете
Всем помыслом, лепетом и сердцем Ваш, Ваш сын

поцеловать вашу руку, прижаться к ней щекой и так побыть с вами; мне хотелось бы с открытым сердцем долго, долго смотреть в ваши глаза, мои любимые, милые, близкие глаза, такие прекрасные, такие знакомые, глаза которых я не видел, но которые я всегда так любил и люблю и так хорошо знаю. И мне хотелось бы, чтобы вам попросту, по земному было спокойно, тепло и уютно от моей заботы.

И мне хотелось бы, павши ниц, поцеловать землю, где ступала ваша нога и почтить по разумению своему Матерь и подвиг ея и Жиркву ея Великую и воздать ей должное и принести дар признательности своей за всё, а также и за то, что в сердце великом своем не отвергла она малость мою. Это дар Матери моей. А ВВ-то же, но усиленное многократно.

Мама! моя милая мама, мое ясное солнышко, радость, моя сокровенно-глубокая, мне так бы хотелось, чтобы хоть иногда, хотя бы один разочек вы назвали меня на ты.

15 [illegible] 1950.

Радуйся и веселись, Елена Константиновна и Ваши родные, получив это мое письмо от 15 сент. сегодня. Сегодня Ваш и отца Иоанна, подписанный с Вами и передайте ему Ваш привет. Он благодарит Елену Константиновну и Вас за поздравления. Очень обрадовался приезду Ваших с Вами о будущем его. Он старается, учится, работает, усердно, хорошо спит и кушает. Недавно ему исполнилось 60 лет, поэтому поздравлений и писем и телеграмм было много. Все они выражают с большою любовью к нему. Ваше письмо тоже принесло ему большую радость. Он его читал и перечитывал. Ваш труд, Елена Константиновна, он оценил. Ваши письма, Ваше внимание, Ваша любовь, Ваше сочувствие, Ваше радость, любовь, самая чистая и высокая — все это радостно было слышать. И отец Иоанн, и все родные были очень тронуты Вашим вниманием. Ваши письма, которые Вы пишете, для всех нас очень дороги. Отец Иоанн с нетерпением ждет Вашего письма. Спасибо Вам за все, моя радость, моя любимая, моя единственная моя. С Вами интересно говорить, с Вами хочется делиться своими чувствами, мыслями и вместе с Вами переживать все радости и печали. Я Вам, как своему другу, могу сказать все, что у меня на душе, и Вы меня поймете

[illegible] о Вас одинокой, до-
верчивой грусти, о звездном прекра-
сном мире, о красоте вообще, о ней
где-то в потаенных прекрасных форме,
грезил и мечтал, о мире сказочном,
волшебном и таинственном, и думал
о Вас печальной и прекрасной еще
более прекрасной, чем Вы были в
Вашей грешной действительности. Мне
вообще кажется, Вера, не стоило бы
Вам, я уверен в Вас этой матери-
альной совершенной красоте,
такую красоту сохранить и преумножить
Вам нельзя, можно в благоговейном,
суеверном восторге поклоняться Вам
издали, что я издали склонился и вижу
сияние нечеловеческой красоты и пре-
лести и тот свет, который исходит от
Вас перестает ослепительно сиять
перед моими глазами, такое далекое
и такое близкое. Моя родная, моя
единственная, моя Вера, Вера
Вы моя, моя единственная, моя Вера,
Вера, Вера, Вера, Вера, Вера, Вера,
Вера, Вера, Вера, Вера, Вера, Вера,
Вера, Вера, Вера, Вера, Вера,

Глубокоуважаемая Елена Ивановна и Юрий Николаевич, поздравляем вас с Новым годом и Праздником. Желаем вам лучшего, что только может быть в сердцах наших. Получили ваше письмо ещё 4-го дек. Вы, как всегда, правы: Оля, умная, честная и хорошая девушка. И сохранить эту особенную чистоту глаз, да еще в 29 лет, это явление редкое. А ведь вот, уже 13 лет, как умерла ее мама и ей приходится и об отце заботиться и с трудом сталкивается и сама помогать зарабатывать на кусок хлеба уроками музыки. Она хорошая пианистка, даже концерты давала; любит и много сама занимается музыкой. Все, что она пережила, она пережила первая и с мучениями и отличиями. Сирота и на сестру милосердия. Мы с Никой очень рады иметь в своей семье такого человека. С 4-го декабря она все время ходила расстроенная. В чем дело? – спросили мы. Наконец-то она – письмо получено, и тех очень быстро успокоило. – Кого тех? – Конечно СМ и ЮН – был ответ. Которыми уже немного озадачили свой категоричностью. Письмо ваше от 4-го дек. мы получили 7 дек, но в нашей деревне девятнадцатого ей ничего не сказали, а попросили зайти особо. Но она сердцем почувствовала такой подъем, такую радость, что даже написала стихотворение „Радость" и довольно хорошо и прочла его нам с Никой в четверг, когда она вполне убедилась, что ее радость имела основание. Она вообще много пишет. Всю эту неделю ходит и сияет и счастлива. Посылаю вам от нее маленькую записку. Она очень любит Нику; часто садится на пол, около ее дивана, гладит ей руки, обнимает ее. Ласковая душа и соскучившаяся по материнской ласке. Еще недавно был у нее урок, и обыватели-хорошая, солидная партия, с домом. Думаю, да и она не отрицала, что по настоящему она ни с кем другого никогда не любила, а думала, видимо так: годы мои хорошие, достаточные, а он человек хороший, верный, пора создавать свою семью. Но уроки, ничего не зная, подвели себя раза два-три некорректно относиться к нашему Мальчику. Это было достаточно и она решительно порвала, и порвала, хотя сознает это было не так легко и не так просто. А теперь, хотя после этого были и другие предложения, она решила, что в данное время замуж она выходить не будет. А ну их хороших женихов будущих и замечательная мать. Отношение ее к Нике, по моему, изменилось, правда, незаметно еще с разных, а сразу же после Л.С., года два тому назад, когда я ее увидал побольше. Маму мою она видела раза три. Знает, что ей лет девять. Посылаю вам две карточки наших близких: Натальи Дмитриевны и еще Оли в платочке. Еще Оля видела одну из трех исторических сов: по мрачной узкой улице средневекового города, ее девятилетнюю девочку ведет за руку ее отец, и отец этот бурлюбы я сам: мы спешим попасть на площадь, где Святейшая Инквизиция во славу Святой Церкви собирается сжечь на костре нашего друга. Много она еще рассказывала и видела старинных книг и очей, и если бы не наше восьмилетнее знакомство и если бы я не знал, что обо всех видимых она всегда говорит правду, немного можно было бы принять за сказку. А тот Нат, т.е. Наталья Дм. не может похвастаться здоровьем. Легкие слабые, болит голова и горло, но т.к. ей уже 38 лет и организм необычайно восприимчив и чуток, то я затрудняюсь определить причину ее недомогания. Глубокая натура и трудная, неразгаданная женщина, и мне уже пятнадцать лет стараюсь. Что меня тянет, так это почти обычно почитаемую мою Маму. Найдет урок может отменить девятилетняя ученица. Недавно писала одну вещь и говорит: знаете мне сейчас так легко писать, столько мыслей, стараюсь комкать как можно больше слов, но успеваю их записывать, и мысли о них прекрасные. Много бы еще мне вам рассказать, да вам много не читать, мало. / Ника шлет свой привет и спрашивает насчет своего печенья. Вчера кончается ее 3-х месячный срок лечения профессором. Нужны ли перерыв и на сколько? Сама она перестала принимать. Печень продолжает пить. Продолжать ее? Просит спросить Вас, как следует понимать ваши слова, что „некоторая осторожность и бережность к организму должна быть проведена систематично"? Некоторым принимать соду? Как полагается делать отрезевший хлеб? Они делали, но и мягкого тоже, но очень маленькими и тонкими

Ника чувствует себя не особенно хорошо физически, но сердцем полна нетерпения. Если что здесь доставляет неприятности, то это обычные, повторяющиеся и как сладостное неудобство воспринимаемые. Можно ли ей есть копченую и другую рыбу и пару грецких? Нельзя, т.к. здесь она слишком дорого стоит. Загадка Ева: нравится, что не может сопротивляться, спина ее портится, в ушах временами гул и звон и прилив крови, и ей всегда жарко. Я, признаюсь, поражаюсь, т.к. сама только тем и занята, что ее спасаю и очень характерны для нее и у Ники эти черты. Интересно, что проявляется. Дальше только для нас одной пишу: к сожалению у меня больше нет слов, чтобы достойно и верно выразить мои ощущения. Родная, любимая, любимая, бесценная, родная мама. Спасибо великое за подарок, и за тот, что послали для Ники, и тот, что для нас обоих. Что же мне сказать Вам. Думаю что теперь нет во мне того недостатка или слабости, которых я не найду силы преодолеть во имя Его. Только и думаю о том, что еще должен я сделать, чтобы стать еще ближе, как можно ближе к Нему. Если бы Вы только знали, родная, любимая, бесценная моя, сколько всего что было словно и не мы, ибо так трудно было сказать ту великую радость и восторг, которые теперь царят в сердце. И мне так больно, как никогда больно за Вас потрясение то, что я слышала. Ибо до последнего черточки все сохранила мое особенно чувствительное сердце. Сказано: „В. В. – счастье мое. Кольца зорко. Дом, но не все. Конец исполнения. Утверждение. Муж утвержденный – счастье. Дар Духа. Явлено. Будет. Радость муж. Явление. Все будет. Благословлено." Чувствительно бьется до конца на этом далеком и близком пути". И еще раньше: „Муж трубы и рабы Я дам. Муж с вами, муж [illegible] и укрепи ум в сердце крепко. Сила твоя растет, любовью муж утвержден и исполнением о благостыне. Пришло время Мое." Сурьезно, когда мне было особенно трудно в обычной жизни на сердце прозвучало слово: „Иди, мой друг, иди в горнило чистым, в огонь от горечи сея!". Конечно не хочу дальше утруждать Вас болью в своих мыслях и словах, которые терзают в моем сознании, но сама ведь я имею ничего очень подробно Л.С. Давида повлиявшие на меня. Необычайно интересно дальше как чудно сложилась скорая. Т.к. Вы мне сказали самое нужное в нашем письме, то правильно ли я вас поняла, и могу ли я сейчас что не только Нике, но и моим способностям извлекать и чувствовать. Я тоже не могу накопиться, и часто болит поясница. Может быть нам с Ним, что Нике написали бы, а сейчас я чувствую сам. Нужна ли мне диета? Я ем в два-три раза меньше обычного человека, ем мясо, муку, сырое. но ем сахар, сладкое, масло, фрукты, которых требует мой организм благодаря моей худобе. Вот вы писали о способностях, а мне было столько еще о Скарано об этом великом, сверхестественном понятии, что оно стало как бы входом к дальнейшим взаимоотношениям. В письме 13 октября я писала Вам о нашем непонимании, а теперь прошу Вас добавить к ней еще одно слово: недвижность. Открываю все что имею и вверяю с Вам себя, сразу Вл. Недавно видел интересный сон: горы на родине, над горами светлый лик. потом те же горы, впереди двумя горами лошадка и дорога ведущая в пещеру. и по дороге в санках, шубе и шапке человек очень высокого роста, как бы собирающийся спускаться, человек с ней тем лицом, что сверху было над горами.

Говоря с Никой о Вас, мама, родная моя мне бывает трудно больно до слез, когда я начинаю думать о Вас, о том какую тяжесть, какую муку Вы на свои плечи. Сколько вы мучались и страдали и если наш грех, то какой грех, моя любимая и единственная. Как хотела бы облегчить я Вам нашу участь вам, чем в силах. И если что доставит Вам радость, то прошу не спешить, чтобы сразу восторженным словом и покупать так свои ошибки. Теперь понимаю мою и Никину нашу вашу. Вы конечно понимаете, что если не письма сразу значили для нас, то последние – вдвое-втрое. За эти дни было еще сказано: бодрость и кашель. Чтобы быть достойной ее Вашей своей. Открыто что устремление к Вл. Це предвечность, тем все сокровища наши открыты. Ему Сказки мерно дать нам узнать пребуждения наши. В тайны и доверии души пробуждения плода духовного сознания. Все имеет свой путь требует времени. Мама-ее моя любимая говорила так: Луч глубже. Первый мой, полный. Милый мой, любимый, пишем. А сегодня: „Чувствую устремление ваше!" Родная моя, мама любимая моя, радость, Солнце мое, да что же это такое. Ведь только три недели тому назад Вл сказали: „Родной не допускай и тени сомнения" и потом я посылала письмо. Вот и думаю, думаю. Хочу сделать что могу для Ники и для подарка, а другой для себя, может быть все и мне пришлет такой луч. если можно и нужно, а что дороже у меня, большей просить не могу т.к. там надпись. И так, моя любимая мама, моя сильная и добрая, спасибо Вам великое, живым (т.е. духом) за Ней. Может быть еще-еще лучше, еще-еще и быть может очень скоро и чудо и сострадание облагодетельствует все Ваши беды и Ваши, а в Цветах. Чувствуешь Вл. Ник, давно ли Вы говорили с первой встречи? Весь сердцем, весь помнящим пением с Вами, всегда навсегда Ваш, Ваш весь Ваш

20 сент. 1950 г. 19

Дорогие и любимые Елена Ивановна и Георгий Николаевич! Каждое мое сочинение посвящаю Вам: по мысли, несмотря на все мои неумелые старания, оно явно и определенно пострадает. Лучше смех. Что делать, если у меня такая литературная работа по конкурсу и пишет сразу и Гоголь. Особенно Вам от Наташи то, что Вы прочтете.

Медведь. Рано утром его разбудили незнакомый звук. Огромный, бурый медведь фыркнул, повел ухом и прислушался. Лес звенел от множества привычных, утренних голосов, хорошо знакомых обитателю глухой берлоги. Восторженно и звонко, свежими после ночного отдыха голосами, пели птицы встречу восходящему солнцу, стрекотали кузнечики, жужжали дикие пчелы, трава мурлыкала от всякой копошащейся мелюзги, ветер шелестел верхушки деревьев. Одним словом, все происходящее было привычно и не заслуживало внимания. Что же разбудило медведя? Вот опять повторился звук, снова и снова прозвучал он, врезаясь в музыку леса. Звук отдаленно напоминал стук дятла, но в нем было что-то особенное и непривычное. Что-то новое вторглось в лесную жизнь. Медведь решил разведать. Он лениво поднялся и не торопясь, в переваку, пошел по направлению звука. По мере его продвижения к цели, стук раздавался все громче и отчетливее. Наконец медведь вскарабкался на холм, деревья стали редеть и расступаться. Осторожно просунув морду сквозь заросли кустарника, он увидел на открывшейся перед ним небольшой поляне необычную картину. Над свежесрубленным большим деревом стоял, нагнувшись, человек с топором в руке и обрубал ветви, очищая ствол. Медведь никогда раньше не видел людей. В глухие, непроходимые леса редко заходили они и зверью были непривычны. Друг это был или враг? Медведь решил подойти поближе и приглядеться внимательно. Он обошел вокруг срубленного дерева, обнюхал его. Пахло смолой и свежей древесиной. Зверь приблизился к человеку. Ткнулся носом в край одежды, принюхался. Сильно развитое обоняние донесло необычный, но очень приятный аромат. Чем он был приятен, медведь не знал, но аромат как-то особенно умиротворяюще и радостно подействовал на него. Зверь почуял друга. Он больше не насторожился и ничего не опасался, но почувствовал себя уверенно и спокойно, как никогда. Даже в своей берлоге он спал, всегда держа наготове острое ухо. Кто может предвидеть случайности дикой, лесной жизни?! Но здесь явно нечего было ждать неприятных неожиданностей. Медведь удовлетворенно проворчал и улегся поудобнее неподалеку от удивительного гостя. Человек, высокий, статный, мощного сложения, приостановил работу, оглянулся, посмотрел на зверя и произнес что-то. Медведь не понял сказанного, но взгляд человека был очень похож на луч солнца на маленькой прогалине в лесу, куда он ходил греться ранней весной. Только, гораздо теплее. От этого взгляда стало еще и необычайно радостно, сердце забилось быстро и сильно. Человек опять сказал что-то. Медведь встал и подошел к нему. Человек пристально взглянул ему в глаза и положил руку на голову зверя. Медведь стоял неподвижно. Ему хотелось, чтобы человек никогда не снимал своей руки с его мохнатой головы, так было хорошо ему от этой непривычной и неожиданной ласки. Человек погладил его, потом взял топор и спокойно принялся за прерванную работу. Медведь еще долго сидел на поляне. Он совсем забыл

что со вчерашнего дня еще ничего не ел; есть не хотелось. Он был как-будто сыт, и спокойно подремывал, следя сквозь полузакрытые веки за работой друга. Наконец, человек, окончив обрубать дерево, куда-то ушел. Тогда медведь поднялся и нехотя побрел обратно.

Несколько раз в течении лета медведь посещал своего одинокого друга. Каждый раз человек говорил с ним, и медведь любил слушать звук его голоса. Он был необычайно приятен тонкому слуху мощного обитателя лесов. И сердце медведя как-то по своему понимало сказанное, и трепетало в ответ. Наконец подошла зима. К этому времени на поляне, расчищенной топором Пришельца, выросло несколько деревянных строений. Прежде всего, появилась маленькая церковка-часовня, янтарный, пахнущий смолою сруб, увенчанный крестом. Она была такая светлая и свежая, точно она светилась изнутри. Медведь никогда не видел таких построек. Он ходил вокруг часовенки, обнюхивал ее и ему чудилось, что от нее исходит аромат, похожий на аромат человека, построившего ее. Затем появилось другое строение: маленькая избушка, в которой мог поместиться только один человек. Она тоже нравилась медведю, и он подолгу лежал около небольшого деревянного крыльца, по которому входил в избушку человек.

Зима была очень суровая. Снег толстым слоем покрывал землю, плотный и хрустящий. Медведь забился глубоко в свою берлогу, приготовляясь к долгой зимовке. Часть зимы он пролежал в глубокой дремоте, но дальше стал мешать голод. Он не давал спокойно спать огромному зверю и побуждал его проснуться и приняться за поиски пищи. Наконец медведь не выдержал и вылез из логовища. Но найти что-нибудь съедобное оказалось не так то просто. Под глубоким покровом снега была мерзлая земля, вырыть что-либо из под которой было крайне трудно. Долго бродил медведь по лесу, но добыть ничего не удалось. Все живое попряталось от стужи кто куда и лишь изредка какой-нибудь зверек пугливо высовывал из норки свою мордочку, услыхав шум, и прятался опять. Голодного медведя смутно, но властно тянуло по знакомому направлению. Он побрел к человеку. Собрав последние силы, он с трудом взобрался на холм, где жил его друг, шатаясь добрался до заветного крыльца и лег около него в изнеможении.

Вокруг одинокого жилья, как-бы окутывая его прозрачным, незримым покрывалом, стояла проникновенная, звенящая тишина. Она сливалась с кристальным блеском снега, чистой голубизной зимнего неба и неподвижными, точно в устремленной молитве, стоящими вокруг древними деревьями. Медведь лежал и ждал, чутко прислушиваясь. Наконец дверь избушки отворилась, и на крыльцо тихо вышел человек, держа в руке краюшку хлеба. С великим состраданием посмотрел он на истощенного зверя и медведь опять воспринял его взгляд, как весенний солнечный луч, и по всему телу его разлилась теплая, живительная струя. Он издал довольное ворчанье и тихонько подполз ближе. Человек наклонился и протянул ему пищу. Медведь взял и стал жадно грызть черствый, старый хлеб. Как это ни странно, но съев горбушку, медведь почувствовал, что он сыт, и удовлетворенно вздохнул. Человек погладил зверя и стал говорить с ним. Медведь слушал и понимал что-то свое, очень важное и нужное, и где-то в глубинах его сонного сознания вспыхивали проблески разумения. Потом человек еще раз погладил его и ушел назад, унося с собой тепло и тот неведомый, влекущий аромат, который был так приятен медведю.

Не раз приходил зимой медведь погреться и подкормиться к гостеприимной избушке и никогда не отказывал ему в куске хлеба человек. Прибегали и другие звери и зверюшки и уходили обласканные, и, около заветной избушки, страшного хозяина леса не боялись. И у медведя там не было желания их трогать, так умиротворенно и благодушно было у него на сердце. Мир и благоволение царили на холме, проникали в темные души зверей, овевали деревья и травы и напитывали воздух и землю. Хорошо и легко дышалось и жилось около избушки и крошечной церковки, как-будто светившейся изнутри.

Постепенно, вокруг благословенного жилья стали селиться люди. Их также, как и зверей, притягивала туда неведомая, влекущая сила. Они часто нарушали углубленную тишину стуком топора, говором и шумом работы. Медведь их не трогал и не боялся, но стал приходить реже. Иногда он сопровождал друга, когда тот спускался к речке за водой или в его одиноких путешествиях по лесу. Иногда к другу в это время подходил другой человек и они о чем-то беседовали. Медведь в таких случаях стоял всегда спокойно около своего покровителя и его не боялись. Мало по малу разросталась благословенная обитель. Вскоре она была обнесена высоким тыном, преградившим доступ зверям. Медведь все-же иногда приходил на заветный холм, сидел и ждал. Иногда он смотрел в щель забора в надежде увидеть друга. Его друг всегда трудился. То он строил новые избы, то рубил дрова, то копал землю, то делал что-то в одном из выстроенных помещений. Но до сердца его всегда доходил немой призыв мохнатого гостя. Он выходил за частокол и разговаривал с медведем, иногда угощал его куском хлеба. И медвежья душа прояснялась и ликовала. Время шло и все дальше и дальше отступала от обители тайга. Обитель стала большой, потом огромной. К ней пролегла проезжая дорога. Множество людей, пеших, конных, а иногда даже и оружных, на возах и телегах стали ходить и ездить туда. Ежедневно с высокой колокольни новой большой церкви летел в глубину леса мелодичный и глубокий звон. Совсем не стало доступа туда лесному зверью, так любившему прибегать к маленькой, ничем не отгороженной, тихой избушке. Ушел и медведь в свои лесные трущобы. Не нужны и не любы были ему люди. Лишь об одном человеке унес он в своем зверином сердце какое-то несказуемое воспоминание, которое, как костер в глухую ночь, освещало и согревало его темное сознание. А образ человека, видевшего в звере своего брата, остался на долгие века в памяти народной воплощением великого, всепобеждающего Сострадания.

— " —

Б. Лобнор. Указа с Гор не упусти, — он не вернется, гость крылатый, но встанет на твоем пути невозвратимою утратой. Он белой птицей прилетит, и пропоет тебе то слово, которое одно идти тебе поможет к жизни новой. Он порученье принесет, которое всего важнее; с ним устремишься ты вперед, отважным сердцем пламенея; указ неся перед собой, как держат факел ночью темной; как знамя, выступая в бой, несут рукою непреклонной. Не дрогнув и не сбавив шаг, пойдешь исполнить то, что надо; отступит пред тобою враг и рухнет каждая преграда; лишь потому, что ты хранишь, как талисман, указ священный, который с горней вышины тебе послал Благословенный!

— " —

океан ученья. Кто может вместить его и передать людям? Не будет ли такое сознание само подобно океану, вмещающему все капли людских сердец? Дающий берет на себя ответственность за каждого, кому он дает. Велика тягота поручительства за другого человека. Еще тяжелее за нескольких. Но какова за всех? По силам и ноше. По огню сердца и задание. Какими мерами измерить огонь сердца, поручившегося за всех? Бесчисленные нули вычислений не помогут. Только сердце может затрепетать в ответ на великий подвиг. Несказанно и неизмимо великолепие такого служения миру. Только глазами сердца можем увидеть это, если они открыты. Заложен камень основания. Стремящееся совершенствовать вокруг. В свой мир.

Эти последние строки очень напоминают по своему собранию стиля Ив. Корнилова, что не совсем, но все же. Конца до последнего времени внутренне спокойна, хотя покушение и неудавшееся бывали моменты которого особо чувствительны, как бы пространственно. Теперь ясно, видимо, прошло, на что Вы, совершенно правильно, указали в своем письме ваше предупреждение о ревности было вовремя верным и своевременным словом, Вы чувствовали Корнилова. Помните картину нашего любимого „Сомбреро". Я очень ее люблю. Согнутая на ней слова, все давно, а теперь мурашки к ней. Долго помогла облечь мою мысль в современную форму. Аккомпанемент получился хороший. Она, как музыковед говорит, что получилась пьеса очень серьезная, почти классическая. Она же и пела ее. А потом я дала две вещи, одну в очень старой форме, подражающей подобным старинным „романсам". Больше всех я поразилась сама, что на старости лет сразу обнаружила музыкальные способности, не имея никакого музыкального образования. Долго помогала мне в гармонии и записывании нот. Сейчас моему примеру, она говорит, собирается последовать и несколько ее учениц и будущих учеников. Стихи они были прочитаны, в среде романсов, но к концертным дням сравнительно гибкие и серьезные. Не только они, но и ребенок (сын) читает отлично. С собственно оригинальными и своеобразными мыслями по чтению у ребенка, хотя они очень часто верны. Она сперва не хотела говорить, но потом рассказала и дала несколько вещичек. И так обе они завоевали мое и дочкино и ребенок. Вечер посвящу уже уже только тому, т. к. она ушла, но еще не выдала, т. к. она была очень и еще и уже больше, т. к. на время. Не знаю, почему Вы должны что-то посылать. У меня больше долгов не осталось, а те некоторые они завещали Вечеру мирно погрузить ракову на утренний вечер сестру, продав одну из трех оставленных вещей. Трамвайное бесконечное. Посылаю вам с этим письмом маленькую записочку от ребенка-дочки. Она учится в школе. Ее рисунки, прозу, изучения, но в них, во всех я стою строго внутри оригинальности ее восприятия и наблюдения. Нет чувства ревности оно вы правильно указали. Пришлось убедиться в верности ваших слов до последнего времени. Ну что с чтением. Такая, какая и существует, я вся вот же с ним. Чувствовали не чувствуем. Чувствуем с вами. Как хорошо бы Вы послушали нашу музыку. Привет от дочки и Никиты. Давайте ваши, в письме в ответ

Глубокоуважаемый Юрий Николаевич, посылаю Вам с Ирой письмо небольшое, записочку от самой Феди Володи. Трудно ему писать, забывает слова и делает ошибки. Было у него на прогулках раза два. Здоровье как будто бы сносно, но интеллект все ослабевает и особенно память явно сдает. Интересов, отвлекающих его от мыслей о семье и домашних делах. Обрывается на столом или когда я говорю о будущем, о весне и даче в Гиглесе. Особенно сдал при этом разговоре. Подобно Гиацинтову Гоголя, Тургенева, он смирился, но порой заговаривает. Доктор сказал мне, что писал Вам о состоянии его здоровья и детальном осмотре и анализе Федулова, о чем говорили, что написала Вам. Боялся ли обеспокоили ли они Вас чем либо неприятным. Они оба предупредили беспокоятся о его материальных обстоятельствах. Но дело обстоит так: со службы ему не выдается ни гроша. Жалованье и пенсия. Значит кусок хлеба пока есть. А о том, чтобы ему побаловаться (он любит сладкое, яблоки и вообще вкусно покушать) смотрим мы, сестры, чтобы у него всего было. А его всегда спрашиваю, хорошо ли его кормлю и всем ли у него есть. Он всегда отвечает и с удовольствием видим, что своим он доволен. Конечно мы его в обстоятельства дела не посвящаем. Пишу все это потому, что боюсь, что доктор мог все обеспокоить. Конечно, дело осложнилось бы, если бы со службы прекратили выплату, но верим мы допустим, чтобы он терпел нужду в самом необходимом. У нас Вольдемар за последнее время очень усилилась бодрость и работоспособность. В общем же здоровье сносно.

Покончив со всеми, я спешу послать Вам карточки нашей Ирочки и Нелечки. Собственно говоря, Ирочки уже. Ей. Ирочке нет восемь, правда, в форме своей своих. Ученица радуется за два месяца, до нормальных четвертей, мечтала в вате, но выучилась и вот Ирочкина отметка, которой очень гордится Ирочка. Хорошая, ласковая душа, но не по-детски чуткая и впечатлительная. Нет, скорее похожа матерью на бабушку. Лиля благополучно закончила на отлично 7 классов и учится на фармацевтку и акушерку. Трудновато ей. И кто знает будут ли счастливы и хорошо ли ей будет в браке. Время покажет. Не знаю. Вот с Ирочкой ее в Вологде сравнивают, несмотря на ее, как и мурлыкает красивой и отличницей, т.к. у нее очень недетский характер. Словно бы помнит она свою жизнь и старается меня расхолодить. Она говорит, будто она напугалась по-детски встретившегося какого-то очень темной кожи негра и т.п., которая и появилась его вдруг. Но ведь это чушь и не было ни одного слова, а лишь не было и посоветоваться было не с кем. И мы с Ирой так и не решили, достоин ли она своей Нелечки или нет. А Нелечка она будет хорошей. Было у нас вчера Оля, и с ней в своих чувствах, и так было полное сходство, что она вчера поплакалась. Получили ли мое поручение от 15 дек. и письмо от 2-го дек. Конечно мы с Ирой только говорим и думаем о Вас и всех наших. Никогда еще не было такого сложного ощущения Вашей близости и всего Вашего. Нет у меня никаких секретов от Юрия Ник., а если иногда пишу что-то и оговариваюсь, что это только для Е.Ч., то только потому, что на некоторые вещи смотрю отрицательно, смотрю как на данность и как-то более конкретную остаюсь между двоими. Ведь Вы, Юрий Николаевич, при интеллигентной Вашей и суровости и суровости Вашей хотят заставить Вас подписать

о страшном. Что, как я пишу порой, нашей сов-
ременной мамы. И Вас Наурская Елена Ивановна
прошу всё рассказывать то.н, за некоторыми
чёрт мало обращения. Мама продолжает хворать,
но проявления эти, начинает всё более и более приоб-
рет тот характер, о котором Вы и предупреждали.
То чувство напряжения подчеркай, то спирает по сто-
ронам головы и плечи, то жарко и приливы крови, то
кровать совершенно отвергает лечение, которое она генера-
льно осуществляет. Сегодня хворает и даже плачет, а что
изменилось в атмосфере, она родилась, смеется и даже
поет что-то при очень сильном осуществлении бликовых
далеких паузин и бликих. так что я утре и не знаю
где сегодня больше, а где новое. Меня лишь смущает
курю - максимум в день она было в сегодняшнем привы-
кнет только в клинике - и что можно ожидать выздоров-
ление, т.к. указанное количество было мало больше.
6 дней. Заканчивает она 2-х месячное лечение стрептомицином. Мало пораженье? После Вашего письма
с наукой мы чувствуем как в сказке, ощущения
и прочее чувствуется очень, слышно в ногу утре
вечерним и вечерним напевом такой реальной,
такой близкой, такой радостной. Вы знаете, за-
бота стала конкретной явью. И наш Радиевый
не что-то очень далеко, а близко, близко, в тех ре
заборах как и раньше, теперь слова его отдуш-
чами на сердце. Теперь я утре ничему не удив-
ляюсь. конечно, никто еще слабенька, худая (меня,
поле) не может стать чудо спокойно и лишку ходит по ком-
нате. Сидит весь, не выходя из дома. Но мне утре было скоро,
что всё будет хорошо. А она умеет сейчас всецело погрузи-
лось в душевную чистоту, так что я радуюсь утре этим
и молюсь, и думаю и говорю всё о том же и о
Завтра пишу для Вас только Наурская Елена
Ивановна. Моя единственная, моя далекая,
моя всё больше и больше любимая и близкая
мама, моя далекая радость, моя вечная со-
лнышка, серебряная мечта моя, вот 30 октября
мое неповторимое имя скорее: „Чувствую тебя, мой
любимый, чувствую и знаю верность твою. Посы-
лаю любовь." вот в этой любви ограничивается всё
мое существо, вся моя утро, все будущее и утро
и радуюсь ей. Вот Вы писали о утренних поры-
вах (7/XII), о вечерах, о Словах - и все что Вы утро на-
писали, помните?, всё что стало утро, ощущение
было и если бы я стал делиться с вами всем тем,
что имею теперь и что говорит Вы., то и десятую
часть не хватило бы и, если пишу обычно, то утро
делаю если необходимость это было в сердце как
ей сейчас вечера утро. Читаю действительно
регулярно и перечитываю много сердца, о
которых писал это время и вот тогда будущее утро
представление о моей теперешней душевной утро. И еще
одно близко понятным почему, порой, звучали мне
сердце Слова Спасителя. Любимая, а вдруг я отдала
рано Вас за всё, за любовь, за ласку, за заботу, за бли-
зость, за любовь Вы, за всё, всей своей душой, всего
Себя своего. Я утре начинаю понимать что значит
потерять свою Любовь. Любимая, далекая - близкая ма-
ма, вот Вы стали словно частью моей души, а я
Вашей. И когда как-то пытался Горбатый Вы
Он отвечал: А ты молчи, всё Вытру. Спасибо, наурская, за
присланную Газету. Видел по ней голубя и он принес
мне письмо от Вас, что было утро 30-го. Жирка посылает
и Вам и то.н. свою любовь и привет. И радость нашего
общения и трудности часа. Мы так ждем
получать Вас, но было скорее: "Еще немного потерпеть
немного." До радостной встречи. Много любви, и ласки, и беско-
нечного преданности. Всегда Ваш, Ваш сын Борис.
Моя бесконечно любимая мама, мне так хотелось бы обнять Вас и прижать к свое-
му больному, обновленному, претворенному сердцу, моя далекая, моя бесконечно лю-
бимая мама, любимая, любимая, любимая и родная..., моя...

Mrs Helen J. Roerich 37 EP

Kalimpong

West Bengal

India

India

空航
PAR AVION

By air mail
Par avion

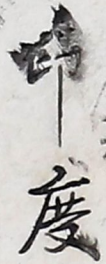
B. Abramoff
Sadovaya 18
Harbin

Mrs Helen J. Roerich 36

Kalimpong

West Bengal

India



B. Abramoff
18 Sadovayasth.
Harbin.

25 февраля 1941 г.

Голубчик и любимый Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Давно не писал, всё думал получить от Вас ответ, но от Вас нет ни строчки со времени Вашего последнего письма от 23/I. Так и пишу не дождавшись. Видно Валерия Ив. время чуб сбрует себя неважно, потерял аппетит, слабость, очень неровный пульс скачками, аритмичный. Спит урывками ночью, то спит, то дремлет, то тепло, то холодно, то песчаные бури - это всё на него сильно действует. Нина Ив. себя чувствует плохо, но уже не от почки а в целом: похудела, спать не может, всё больше лежит. Но держится молодцом, очень стесняется беспокоить Вас вопросами, но все-же просит передать: никакой молочной пищи организм не принимает (будучи) на молочном сильное. Чем поддержать теперь? Может быть творог или кальций? Без ведома: гречн. каша, морковный картофель (не крахмальный). Кишечник без клизмы не работает, после слабительных плохо себя чувствует. Стрептомицин принимает по 3 недели. Беспокоящая слабость. А что делать не знает, вот и спрашивает. Но Лечебное чувствует всё время, чего даже кровать чувствует. Вернее повидимому сек сидит. Ну, вот это всё. Что она просила спросить Вас. Добрая всё слабительные ест, но они видимо уже раздражают, а новых, сильных нет, что-то не действуют, хотя и стоили очень дорого. Относительно Нат. Дм. могу Вас поздравить: как вы ей говорили, так и получилось и у ней новая способность растет прямо на глазах. Всё чем Вас поздравила. Замечательно у нее получается. Ходит счастливая, с переполненным сердцем и понимает всю серьезность своего счастья. Не отстала от меня и я, очень не отстала, и уже перестала чувствовать себя [illegible]. Многим мог бы порадовать Вас недавно полученное (это было 19 марта) целое письмо от моей любимой и единственной и неповторимой, сердечное письмо, письмо от ее сердца, такое хорошее, человеческое. Сама никогда бы не смогла так написать. Сказала мне о вчерне, о том что у ней очень нервы и кожа, почему она чешется как блоха. Долго и худая как восковая, от недосыпа. Вообще не хочу пересказывать было ли это, знаю, что не было но будь было целое письмо, родное и любимое, и такое ласковое и заботливое. Конечно, немного меня приукрасила за всё и любовь и заботу. Очень меня это радует: что сочинение музыкальное вещь и шедевр для начала: конечно всё пронизано чувством и музыка и слова. Поздравляю всё. Но у ней Четверть не всегда идет гладко: отец у ней временами пьет, а в целом грубая бывает, много любит кошек, кур

и странноватая, чтобы не спорить больше, сестренка, как бесенок, досаждает ей и не дает покоя, так что у этой домашняя жизнь невеселая, но несмотря на это ея способности все время усиливаются и развиваются, так, что мы с Ниной часто поражаемся. Сегодня видел Вас во сне и был так счастлив чувствовать Вас около. Делал что-то для Вас, налаживал весы. Вот и живем в мечтах и мечтами о том времени, когда свидимся. Дальше пишу для Вас Елена Ивановна, дочь Вас одной. Вот идет время, день за днем и каждый день каждый час Вы становитесь мне все ближе и ближе. Уже не мыслю без Вас ни своей жизни, ни будущего. Родная моя, любимая, моя лучшая радость, вот вошли Вы в мое сердце и заполнили его до краев. Как хочется мне побыть с Вами, около Вас. Как душа моя стосковалась по Вас. Как хочется жить для Вас и приносить Вам радость. Вот переложил на музыку стихи, посвященные моей маме, просиво так получилось. Девочкам очень понравились. Это для нее, моей любимой, единственной. И была радость. И еще чувствую, что эти сердечные нитки крепнут и становятся чем то реальным. В письме сердца от 19 марта были слова: „Ты часть моего сердца и сущность моя питала тебя и близок мне сокровенной близостью дум и сердца. Тернистый путь дан тебе для сближения. Дальность близостью стала..." Мама, моя любимая, радость моя, пишу ли Вам или нет, пишите ли Вы мне или нет, знайте, родная моя, мое долгое солнышко, что всегда и всюду мое сердце с Вами, что Вас никогда не забывало и не забуду, что в Вас у меня всё, что имею, и что я Вас очень, очень люблю. И молчать не могу и не хочу. Спросите ВВ. Он знает, он спасает и Он позволил. Получили ли Вы мои письма от 8/I и 26/II. Желаю Вам всего светлого
Всегда и навсегда Ваш Ваш сын Борис
Привет от Нины и Вам — Ю.Н.

Любимая и родная Елена Ивановна и 25/II 38
Юрий Николаевич, поздравляем вас с годовщи- 39
ной праздником и шлем свои лучшие пожелания и чувства.
А остальное вам с Ирой письмо Танечку от Дуси
Вологды. Копию ее сочинения с ним вместе. Здоровье
ее всё в том же положении, но возбудимость и
раздражительность нервной системы как-будто
бы усиливается. Ему привезли заработную плату,
так что по материальное положение улучшилось.
И Людмила Ивановна очень довольна. Еще раз
повторяю, что, пожалуйста, не беспокойтесь очень о нем.
Ужинает отлично, кушает хорошо, о чем я уже писал
вам в письме от 8-го января и вот с его запиской
получили-ли? Наконец-то мои тётки, как мы
с Ниной в шутку их зовем, т.е. Ольга и Ната
получили долгожданный ответ от Матери.
Сколько было радости. До сих пор ходят
сияющие и улыбающиеся и перечитывают её слова,
которые для них определяют всю жизнь. Ин-
тересно, что еще 23 января Ната видела ее
во сне, что она обняла ее и поцеловала и тётя
тут же была. И Ольга тоже рассказала, что ей
видела. И Ольга еще видела человека в тор-
базе спиной к ней, державшего руку на голове
около чего-то очень сложного. Это рука поразила
ее идеальной, музыкально-красивой фор-
мой своей. Такой красоты, большой силой в
хорошей руке, она никогда в жизни не видела,
т.е. не предполагала, что можно увидеть.
Никита тоже уже ходит ворчать и шуметь и
говорит несколько не хорошо, но, видно, приходит
день, проходят все мучительные; она радостная
и спокойная и хорошо поет и забывает свою
болезнь. Я думаю, что это и является симпто-
мом ее будущего выздоровления. Летят ее
дни, она теперь что очень ясно чувствует
и рассказывает мне об этом. Что чувствует
теперь в разных частях тела, иногда очень
образно выражение употребляет. Посылаю вам карточку
Лиды; давно хотел послать, да, то она не
дозволяла, то еще что-либо мешало. Теперь она
себя чувствует неважно. С дыхательными орга-
нами у нее большое неблагополучие: хрип
мокрый и полное нарушение месячных
очищений. Задержка длится уже полгода,
и ходит она в это время бледная и печаль-
ная. Доктора, конечно, ничем не помогли,
хотя она очень долго носила кольцо в
матке для выпрямления. Грамотно мало
дает и почти каждый, это, при ея-то энергии
и хорошем учителе, как-то значительно
хорошо перерисовала картину „Сострадание"
Кроме музыки, ее страшно интересует
медицина. Она прочитывает врач и
читает о вашей и медицинской обороне,
но пока удовольствуется книгами,
т.к. это получить легче. Я это на себе испы-
тал. Года два назад у меня пошла кровь
из легких без всякой видимой причины
и без всяких толчков на рентгенов. Если
бы Вы видели. Она ухаживала за мной
как опытный медик и я чувствовал себя
в хороших руках, а вкус того она еще и
не начинала учиться на фельдшера. Мать
всех пробует и хочет! Хорошая она еще
и умница у нас Ирочка, видно по той
же причине. Спасибо вам родная. Елена
Ивановна за наше последнее письмо от
23-го января. Большую радость принесло
оно всей нашей семье, а мы в особен-

ности. Меня очень интересовали вопросы психологии. О которых Вы говорили. Хочу Вас спросить. Что такое сон, эктоплазма и лимфатичность? Что такое лимфатик? Ведь лимфатические узлы есть у всех, чем же отличается лимфатику? Меня это интересует практически, в связи с расчленением принципов человека для их отдельного сознательного использования. Все что можете Вы мне вспомнить и подсказать по этим вопросам я сделаю, но вопрос о расчленении чувств, ощущений, и практическом отношении к ценности человека вообще и мою в частности. Выходит, что низшие чувства, могут выявляться, как „язвы", и в примерах более высших чем 1, 2 и 3. Очень сложно и трудно после перехода. Вот Вы, любимая, писали о спокойствии, и, какое большое дерево вросло у Вашего терновника, как будто бы открылась дверь в Новый Мир. И так прорастает каждое Ваше терновище. Трудно мне трудно писать Вам и я о страшном где-то неверном чувстве в мире в мир думаю очень наружных вопросов. Так нервно нивидаюсь с Вами. Нина и Тёрн шлют Вам и т.н. свой привет и любовь и просят передать, чтоб они вышло уделят внимание. Спасибо Вам и за т.н. что о керре опять у нас мелькнул, ведь это мне как бальзам успокоительный. Куда трудно, а когда начинаю думать о нашей будущей керре, в которой для меня заключается всё. Чувствую мысленно своего друга, и думаю мне о том, чтобы приготовить к тому и окружу себя соответствующую. Сегодня когда в сне нашего любимого, сидел с ним за столом, поцеловал у него руку и хотел всё подумать, но это теперь очень. Это время часто его вижу. Дальше пишу только Вам. Окружены увидев его в комнате, отчаянно залаяли и прыгали к его руке „Ну, что так?" - спросил он. „Соскучились очень очень" - ответил я. „Ну, что так!" - вмешался он весь, такой родной. Любимая, ужасная моя, существенная! Трудно еще сказать мне Вам, чтобы передать всю любовь. Вот окружены обращаюсь со словами: ведь я ее так люблю. Больно сказано! И люби, люби еще больше, до самозабвения. Дочь моя Первозванная, Трисветлая освятившая путь свой и открывшая благодатью свою. Моя первая... и ты Мой... И вернешься, и счастье твое вернется вновь и крепко полюбишь себя. Я говорю. Свои фантазии Сам. После того, как Вы мне писали о сновидении, всё во мне трепещет от страха и мне хочется так спросить подробно всё теперь как близко и осуществимо для страха. В.Вл. не забывает меня своей добротой и вниманием и если бы я стал писать что он говорит, то и удержать писем бы не хватило бы. Мама, любимая моя, о чувствах к Вам еще прошу, если Вы меня хорошего еще будете довольны. А как хочу этого, напишите мне об Этом. Теперь мне, любимая, я не могу потерять то полное доверие и сознание всё что сказал мне, чтобы быть уверенным сыном. За горе Вы не чувствуете как мое сердце [illegible] Целую Вас и прижимаю крепко к сердцу Вашего Сына и Друга Мирона. Сейчас поет и счастлив, смот

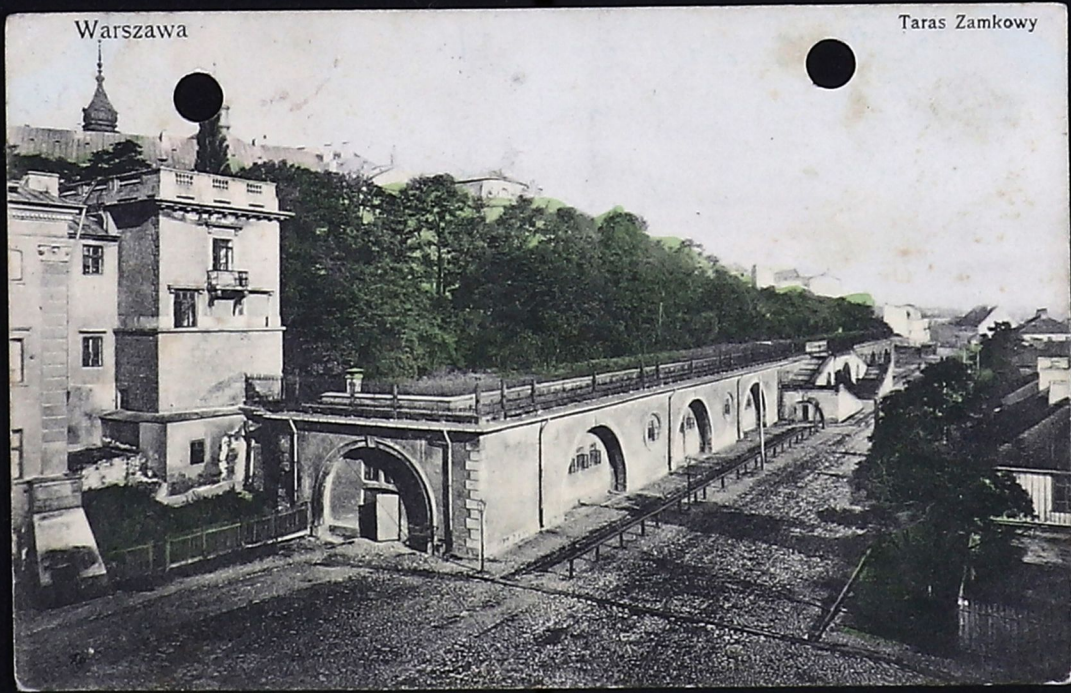
30 мая 1951.

41

Родная и любимая Елена Ивановна!

Писал Вам. Три больших письма [illegible] янв. февр. и апр. в двух из них были небольшие записки от дяди Володи. Будьте очень жаль, если Вы их не получили. Больно и за свои сердечные мысли, что не дошли до Вас. Видно не судьба. Но помните, родная, чтобы Вам писал о своих чувствах. Неизменны они и могут лишь усилиться. И сердце так рвется к Вам, далекой, и такой любимой, моя радость, мое светлое солнышко, моя бесконечно любимая мама. Если бы Вы только знали, как Вы мне нужны. Нет ни дня, чтобы не вспоминал Вас, особенно утрами. Нас так порадовало Ваше письмо С.И. от 28/IV, словно не ей, а нам с Ниной писали, хоть и видели его переписанным и не ей, но чувство валось, что оно было прямо и для нас. Любимая, пожалуйста, не забывайте: доходят ли мои письма и ли нет, но мое чувство к Вам не зависит от них, ибо помимо неизгладимо.

писал Вам уже два раза в этом месяце. Это
дядя Володя лежит в больнице и очень,
очень [illegible]жно болен. Доктор не имеет надеж-
ды на выздоровление. Последний раз, когда
я был у него, он лишь открыл глаза, меня узнал,
в глазах блеснула радость, что увидел, но говорить
он не мог, ему это трудно. Сердце сдает.
Пульс очень неровный. Нат. Дм. уже пишет,
так Вы говорили. Хорошо! А я музыкой занят.
Помните стихотворения Вам посылал
я теперь к ним музыка. Очень хорошо непоро-
ры выходят. Дочка помогает и сама творит
и Вам привет 10 лет. Мой привет Ю.Н.
и Глушкин! Сейчас был у дяди Володи
он открыл ~~глаз~~ глаза, меня узнал, улыбнулся
глазами, передал ему привет от Ниоки, а он
опять сразу уже заснул. По моему, я не доктор,
но пульс у него стал лучше, но слабочень всё ж.
Желаю всем лучше. Прив. по Вам обнимаю
и [illegible], мая любимая, моя далекая, моя
родная бесценная мама. Вы хотите Вам [illegible]


Warszawa
Taras Zamkowy

24/V 51. Harbin. Sad. 18.
Родная и любимая Елена Ивановна
Дядя Володя всё еще больница. Положение его очень серьезно. Сердце плохо. Опухают ноги, слабость. Даже говорить не может. Ваше письмо от 28/V Е.П. получила. Ведь я Вам послал письмо от 8 янв, 26 февр и 24 апр. и еще открытку 17 мая. Неужели не получили? Ни одного? Так трудно быть в разлуке с Вами. Вы мне так нужны. Помните, что я писал о своем чувстве к Вам. Все это усиливается с каждым днем и Вы мне как близки. Нат Дм. уже пишет, как Вы говорили. Дочка полна музыкой и творит сама. Хорошо очень выходит красиво, мелодично. Чувствую близость нашей встречи и Вашу Вл. и всего. Нина хворает попрежнему, ходить почти не может, малокровие, кишечник не работает. Но недавно мне было сказано, что скоро она начнет поправляться. Все время думаем о Вас и встрече — этим и живем. Стосковались невероятно. Читая письмо Е.П. (то, что она дала на эти хвалы) чувствовали что писали и для нас. Привет Ю.Н. Берегите здоровье. Всё тот же крепко Вас обнимаю и целую Ваш сын Борис

Nakład A. Chlebowski i S-ka Warszawa. Wierzbowa 8.

Берегите свое здоровье, был бы около, не дал бы отягощать Вас бо[illegible]. Привет [illegible].

伍佰圓 中國人民郵政 500

伍佰圓 中國人民郵政 500

伍佰圓 中國人民郵政 500

40

印度

Mrs Helen I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

印度

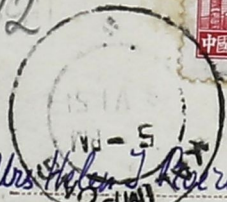
Одесса. Театр Революции

Харбин 17/V 51г. Harbin. Sadovaya 18.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧК
CARTE POSTALE

42

Родная и Любимая
Елена Ивановна Дядя
Володя опять в б[illegible]ице
очень серьезно болен. Плохо сердце.
Доктор говорит, что надежды мало.
Ваше апрельское письмо С. П. получили. В нем Вы пишете, что давно ничего не получали от нас. Я Вам послал письма, одно в январе, в феврале и в Апреле. Неужели не получили ни одного? Последнее письмо от Вас было от 23/I. Родная моя, ваши письма мне дороже всего и я так обиж соскучился и так стосковался о Вас и Вы мне еще дороже и ближе чем были не забывайте и Вы нас. Ни на хворост попрежнему, ходить почти не может. Острое малокровие. Пищу желудок плохо переваривает. На днях из нее вышел вирус, весь или частью не знает. Моя любовь ~~не может~~ к матери мой не может измениться ни при каких обстоятельствах, может лишь усилиться, и она растет. Любимая, берегите свое здоровье, нетратите силы свои на людей, трудно с ними. Крепко поцелуй и целую Вас тот же
Ваш [illegible] борис
Видел Вон Гольной — берегите себя



Mrs Helen I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India
(Mrs Helen I. Roerich)

印度

Издано в Советском Союзе.

43 11 июня 1951 г.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Начиная с 17 мая каждую неделю я писал Вам письма о состоянии здоровья дяди Володи. Не знаю получили ли Вы их? Дальше, я прошу дорогой Юрий Николаевич, читать это письмо Вас одного, т.к. я пишу только для Вас. В каждом из моих писем я говорил, что положение дяди Володи очень серьезное, т.к. сердце отказывалось работать, пульс был неровный с длительными остановками. В больницу его свезли в конце апреля. Первое время, когда я его навещал, мы подолгу разговаривали, он всем интересовался. Но с каждым разом положение все ухудшалось и ухудшалось. Опухла сперва одна нога, потом другая. Память совсем ослабла. Потом он уже перестал разговаривать, ему было трудно и только слушал. Последнее время, он уже только глазами улыбался и выражал радость когда меня видел, но уже больше никак не реагировал. В четверг на той неделе или в пятницу, он взглянул на меня, видно было что узнал, но уже глаза не обрадовались, не улыбнулся ими ~~[illegible]~~. Только спустя некоторое время часто, часто ~~[illegible]~~ задышал, видимо, что хотел сказать, и начал волноваться. Похудел очень, ослаб и плохо ел и спал. Потом получилась закупорка артерий на ноге. Это грозило большими мучениями и операцией. Несколько раз давали Морфий. У него все последнее время дежурила сестра. Погода всё время менялась и была очень неприятной. В ночь с 9 на 10-е июня около двух часов ночи сердце не выдержало. Дядя Володя скончался. ~~Незадолго до своего~~ Перед кончиной он посмотрел на сестру и по его взгляду она увидела, что он понимает, что минуты его сочтены. Незадолго до своей кончины, его видели во сне Нинка, он ее обнял и поцеловал. Видимо прощался уже. Кончина болезнь была длительной и очень изнурительной, вернее утомительной. Но в общем

Простите, что так плохо пишу, но торопилось со [illegible]

Как ж случилось так, что физических страданий сильных было очень мало, разве, что под самый конец. Сегодня в 4½ часа дня в соборе была отслужена торжественная служба (панихида), как он любил это при жизни, и его похоронили. На нашем венке написали дорогому Вл. Константиновичу от родных (т.е. Вас и мамы Вашей) и друзей. Весь гроб утопал в живых цветах. Сослуживцы и знакомые и друзья все пришли отдать послужный долг. Вот и нет нашего дорогого дяди Володи. Письмо Вашей родной Елена Ивановна к нему дошло и Людмила Ивановна тоже получила Ваше письмо. Но дяде Володе его уже не читали, хотя он был еще в [illegible], но слишком слаб. На Людмилу Ивановну Ваше письмо произвело очень сильное впечатление. Зря Вы тревожились о посылке. Ведь я еще в январе писал Вам, что посылать ничего не надо, мы о нем заботились. Жаль, что мои письма ни январское, ни февральское, ни апрельское до Вас не дошли, а ведь в них были две собственноручные записочки от самого дяди Володи. Да и я писал и послал в них кусочек своего сердца. А вот ведь не дошли. Так жаль! Не везет мне в этом отношении. Упорно не везет всё время. Помните? Но люблю Вас по-прежнему, и живу лишь надеждой на встречу. Любимая, скоро ли? Родная моя, мне радость если бы Вы только знали, как Вы мне нужны. Не могу больше без Вас. Нинка послала Вам письмо. Шлет привет. Хворает, но уже есть просвет. Лечат ее постоянно. Надеюсь на ее скорое выздоровление и я. Потому просил Юрия Николаевича самого читать письмо сперва, чтобы подготовить Вас, родная Елена Ивановна. Не горюйте о дяде Володе, ведь он последний год был уже инвалидом, без сил и памяти. Трудная была бы у него жизнь, если бы он поправился. Итак живем надеждой от ~~Ольг~~ Ольг привет. Нат. Дм. пишет, как Вы говорил и хорошо, порой. Привет от Нинки. Крепко Вас обнимаю и целую. Всегда неизменный наш Ваш сын Борис. Ивановна.

Warszawa.
Ratusz.

21 июня 1957, Harbin, Sofiyskaya st. 18 Rhein

Дорогие и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Недавно только собрались мы написать вам письмо с пустяшным известием, что Вера родила сына Володю. Он скончался в ночь на 10-е июня в 3-м часу, в больнице, где он пробыл около полутора месяцев. Отчаявшись выбрать секунду, в которую он перестал бы страдать, Вера вышла на улицу. Когда вернулась после последний раз она уже не могла говорить, лишь по-старому чувствовала, что он меня узнал. Глаза уже не узнавали, как раньше, покорными, брошенными в чистое и тихое пространство. Вера выбрала последний день. Конечная [illegible] мало пишу вам подробно. Отца с этого времени [illegible] Ирв, он вернулся, поцеловал меня. Ирма если не ошибаюсь, [illegible] профессор, [illegible] ей переводчика, а [illegible] Наше последнее время [illegible] Ю.Н. очень, [illegible] [illegible] Ирма [illegible] Ирма [illegible] [illegible] [illegible]

8 июня 1951 г. Harbin. Sodoxaya 18. Родная и любимая Елена Ивановна. Очень бы по кой мене Ваше здоровье. Любимая, берегите свои силы. Ну хотя бы раз Вас. Как без Вас то? Да уже и помыслить не возможно. Без Вас не могу. Берегите себя родная. Дядя Володя по-прежнему лежит в больнице: сильно ослаб, говорит уже не может. Пульс плохой, очень слабый и с перебоями. Я уже писал об этом. Положение его доктор считает очень серьезным. Е.П. Ваше письмо от 24 апр. получила. Мы Вас не забыли. Пишем. Но Вы пишете, чтоб мы писем не получили. Жаль. В них были две записочки и от дяди Володи. Он тогда был еще здоров. Писал Вам в янв. февр. и апреле. Жаль, что не получили, ведь в каждом был кусочек сердца. Никто времени чувствует себя лучше. Неделю назад написала Вам сама. Середины мая пишу Вам раз в неделю, но по большей части открытки. Нет у меня никого дороже и любимее Вас. Писал ведь, ведь навсегда Вам. Моя радость, моя единственная, любимая. Прошу, очень прошу, пусть Ю.Н. хранит для меня Вашу фотографию, но снимет Вас сейчас, пусть хранит до того времени, когда это будет можно. Я знаю сейчас нельзя. Но пусть снимет Вас сейчас, и пусть она будет у нас и у Вас. Как я Вас соскучалась. Привет от Нины и Ю.Н. Ю.Н. прислал Вас обычно. Целую Вас сын

ADDRESS

HERE

K P

44

Mrs Helen I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

印度

印度

(Mrs Helen I. Roerich)

India

Нина хворает попрежнему. Мучает
и кишечник. Временами ей ста-
новится легче. Но в общем состояние
ее неудовлетворительное. Попрежне-
му не может ни стоять, ни ходить,
больше двух минут, ни работать. Но
она полна надежды на выздоров-
ление, читает много, думает, начала
писать стихи и Вас несколько
раз видела во сне близко, близко, и
не только Вас. Мы теперь т.е. Ваши
близкие, пишем и стихи, и музыку
сочиняем. И вообще полны желанием
что-то сделать в области искусства.
Это желание очень сильно. Я никогда
ничего не сочинял, а вдруг у меня
родилось несколько очень славных
мелодий ~~с ко~~ к словам, которые
когда-то посылал Вам. Помните?
„Замок Гудес" „Елочка" и т.д. Ольги
тоже творят. У дочки очень хорошо
получились несколько музыкальных
вещей на пианино. Много бы мог
еще рассказать Вам об этом да
место не позволяет. Крепко надеюсь
что все это Вы сами услышите своими
ушами, когда встретимся. Первая
вещь посвящена Вам. Много. Нат. Дм.
пишет, как Вы и говорил и именно
так, как говорили Вы; а Ольга Шаг
проявляет свои науки способность
очень часто. Мы уже не удивляемся.
От Вас так с зимы не получил
ни одной строчки. С 17 мая начал
писать Вам раз в неделю, в на-
дежде, что хоть что-нибудь дойдет.
Иногда говорит со мной Вл. и это
дает силу надеяться и ждать встречи
Вы так близок моему сердцу. Жаль
если Вы успели сделать письмо
для Волоцк. Ведь я писал Вам еще
давно, что не надо, что у него все
есть. Желаю Вам всего свежего. Привет
от близких и Нины. Крепко Вас обнима-
ю и целую, мне любимая, близка, родная и
единственная. Всегда Ваш, Ваш сын Борис.
Родная мне, у меня уже нет слов, чтобы
сказать как Вы нужны мне, как я думаю
о Вас и жду, как растение ждет утренней
влаги. Родная, любимая, мы Вас так
любим

28/VI. Вот и сегодня Вл. так близко и настолько сказал.

28 июня 1951 г. 46

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Надеюсь, что на этот раз Вы получили мои письма. Мне было очень грустно узнать от Е. П., что Вы не получили ни одного из моих писем, ни посланных в янв. и февр. ни в апреле. Было очень, очень жаль, ибо в каждом был кусочек сердца. Теперь даже и не знаю, как писать. Думаю, что до Вас уже дошли печальные вести о кончине дяди Володи. На всякий случай еще раз сообщаю Вам, что он скончался в ночь на 10 июня около 2х часов ночи. В больнице лежал с 2[illegible] апреля. Была сильная слабость, сердце работало все время очень плохо. Но сперва бодрился, много с ним разговаривал, когда навещал его. Он спрашивал о письмах Ваших, не пришли ли. Потом интерес к окружающему стал у него слабеть. Он уже только слушал и улыбался. Потом ослаб так, что уже и улыбаться не смог, даже глазами. Опухла нога; за два-три дня до конца случилась закупорка артерии на ноге. Это грозило большими осложнениями и страданиями. Но в ночь на десятое он скончался. Еще во время болезни память ему изменила. Он почти не мог ничего вспомнить. Похоронили 12-го в 4 ч. дня. Было много друзей и знакомых его. Гроб был весь в цветных цветах. Вот это всё. Писал уже об этом, но пишу еще раз. Может быть письмо не дошло.

Ваше письмо Л. И. получила оно произвело на нее очень сильное впечатление. Спасибо за привет и память о нас. Мы тоже ждем и знаем что близко время встречи. В январском и февральском письмах моих были Вам два собственно ручные записочки от дяди Володи, последние. И мне так жаль, что они до Вас не дошли. Послал он Вам в них свою любовь и привет и надежду на скорую встречу. Конечно, она будет, но не там, где он ее ждал

10-7-51. 47

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! В один день получили сразу оба Ваших письма от 21/5 и 18/7. Почему Вы считаете, что Вам еще что-то надо посылать для дяди Володи? Посылать больше ничего не надо. Палата в больнице ему полагалась бесплатно еще по старой его службе, а лечение оплачивала контора, где он служил и даже оплатила похороны. Нужно было только заплатить сестре, особо к нему приставленной. Но Вы вероятно не знаете, после дяди Володи осталось вещи, которые он целиком отписал доктору, по докторской инициативе, еще в прошлом году. Стоимость этих вещей в пять-шесть раз превышает ту сумму, которую надо было уплатить сестре. Ее хозяйка Людмила Антоновна, не взяла и не хотела брать ничего, ни одной тряпочки. Она сказала: мне ничего не надо. Так что всё взял доктор. Людмила Ив Антоновна, т.е. его хозяйка комната и конторы продукты и зар. плату дяди Володи и никаких претензий не имеет. Кроме того ей сказал, что за доброе отношение к дяде Володе она всегда может рассчитывать на нашем внимании. Мои близкие почли бы обязанностью, если бы за их бескорыстное и радостное участие помочь больному, им была бы предложена какая-то компенсация. Так что в конце концов будет, сами Вы не будете себя упрекать мыслями о том, что Вы что-то упустили, да еще доктору. Помощь курьера было бы только в случае, если бы он понравился, и если бы его уважали... Не понравился. В моем январском письме были две последние собственноручные записки от дяди Володи, последняя, которую написал Вам покойный. Получили ли? Почему ничего не сказали о карточках. Вообще у меня сейчас полный ли-ка. И у Лиды сейчас очень трудная полоса. Полинер писал Вам в Чехию и в Австрию. Карточек для рассылки ед. не имел было что-нибудь. А отсутствие вести признак очень печальный. А Тинка Лорингу предупредила, что ученых мало ей подходит. Ска т.е. С.К. получила Ваше письмо от 22/7. Она! Чувствует близость встречи. Об Оле подробностей. Она и мало небольшой отдых и отдохнул, правда очень мало, но после привозы. Будем ей помогать освоиться от матери, тогда ей станет не так обидно, что она делает от времени до времени. Оля не играет музыки, не учит рисовать, петь и писать. Но за последнее время она вдруг начала писать стихи и очень своеобразные и все в прозе. Затем она удивительно запомнила и повторяет всю оперу, музыку и некоторые ее мест. и даже пела их мне. Мотив прост, но очень необычен и красив. Откуда же это у нее и каким образом рисует. Карандаш либо в стенах Н.К. либо спички, но они на головке мягкие, несмотря на всю их мелкость. Чтобы стены, она некоторые из них сопровождает объяснительными буквами. Получается что-то свое и своеобразное, что-то напоминает старые иконы с клеймами в некоторых Мы гадаем что имеет она.

Вам чувствительным и полным нежности сердцем его бережливости. Мы с Ингой его зовем: ребенок и он очень нравится. Кроме его зовем ребенком.

Помните, у Вас, среди прочих стихов, были стихи: „Ковка, Китай и Жмайло
Пергам Аламарьев снега
И крылья скованы Икара
И вторых счастья берега

Сочинил сам под них мурлыку и сел на фортепиано другие. Мурлыка и фортепиано вышли очень интересная и торжественная. Сам себя не верю. На страсти нет комар горой стал. Я дал голую мелодию, а дочка обиходит ее хорошо на пианино в очень красивую форму с вариациями, богатую и яркую и сама ее поёт. Начала учить ее по моей просьбе. Ни-пенция, но ромка ученый помучается. У ней есть и свои вещи и очень интересна, и музыка без стихов. Стихи ребенка, даст горячо пианино и очень мило обиходит музыкальное оформление, но моему убеждению все сочинила интересно мил. вещи. Мои мурлыкать мне вышел для меня полный гимн. Усидчивость. Захватило меня и пр[illegible] ну, тут чувствую себя, как рыба в воде чувствует себя и кроме помощь Ви-да и Скорино было много меня в творчестве. Главное на время творчества.

Все ваши очень мне тяжело от 24 апреля вы видимо не получили, а может быть и забыли проставить на мне дату. О очень рад Вашему ответу в письме от 21/5 относительно разъединения претензий. Рад потому, что, именно, никуда не собирался проецировать это на себе, понимая всю нежелательность неудобных вещей. Меня интересует научно философская сторона и человеке и в искусстве. Собрал отовсюду все, что мог. Но я надеюсь все же, что все это так сказочно и трудно. Кроме того в обычной жизни, порой, очень интересно замечать в каком причинном отношении оказываются сочетания и давний момент, когда еще, сами не зная, они оказались. Мне очень много до это время было Скорино относительно обуздания оболочек. Ну а теперь хочу поговорить о самом главном для меня о личном, о моей работе и нам. В вашем письме 18/4. Вы пишете: „не слишком гоните меня... Мне трудно сочинять и носить тот „предательский покров" и т.д. Я опасаюсь вашего разочарования" и проч. Хочу вас спросить. Разочаруюсь! Кто? Я? В чем? В том, что Матерь — „Дочерь Моя, первозданная"? и учительница самого Вл.? В этом? Или в том, что „Я Вам отмеченный камень той, которая..."? Или в том, что любимые много вещи, много спутников повторяемые и игрушечные Вл. Вам ее руками? В этом думаете вы, разочаруюсь я? Или, может быть, Вы полагаете, что здесь нет ухода за больной ученой не дали мне понимания слов „руки и ноги человеческой", и вместо человека, умного человека, я скорее увидел Керуба с „безукоризненными колбасами" за плечами, лишенного всего прочего, человеческого? Или Вы считаете меня способным любить только за то, что меня сделали и устроили руки, передающие любовь [illegible], но скорее любовь матери, не требующей взаимности. Гоните Вы сами, стараетесь любить тоже, т.е. вибрировать, хотя тип меньше отличается, что он вместо 15 лет будет Вам только 5. А мне Вы? Чем отвечаете? В праве понимать и любить?

Я помню, когда Вы мне написали, что Вы чуть было не заплакали из-за моего испорченного письма; помните, что и Вам обидно; как Вы мне стали сразу ближе и родные, вам ближе по просту, по-родному. Я может быть Вы помогаете, что я признаю Вас к разновидности чудесных актрис, которые способны тонко сидеть расщепив чудесные ноги, сидеть блестяще и с чудесно улыбаясь и разводить сентиментально сти. Хорея оч. верно. Если я писал Вам о своем отношении к горю, чтобы Вы знали мое чувство полностью, до конца. Знали навсегда и крепко. Урочище их горе в нашем сознании. Слишком долго от меня Вы были и слишком стосковался, слишком нужны Вы мне. Вот и писал просто, от всего сердца, так никогда и ничего не писал Вам потому, что очень дорог человек. Не думал, что ударит. Вы что-то думаете? Думаете, что при встрече с горем так спокойно как-нибудь [illegible] Вам сказать, чтобы Вы могли „предрекать"... Родная моя, любимая, мама, я все хорошо понимаю и знаю. Любимая моя, не бойтесь его. Вам со мной будет легко и свободно. А выстрадал его по-настоящему. Я Вам и полюсу вышлю и дарю, конечно по Вам, постараюсь это сделать. И буду приготовить. И на ваше письмо за все отвечу, отвечу нашими же словами, и выражениями, и даже тоже, т.е. горько плач.. скорбу, чтобы тепло одевали, и забыли свитер и теплое кашне. Вы пишете: „любите меня, мне это нужно". Вот и чудно любить и знаю, что нужно, очень нужно. Знаю, что со мной Вам будет легче, чувствую это почти с уверенностью. И знаю что с Вами действительно вибрирует у меня правый. Нет, моя любимая, я преклоняюсь на земле. Вот недавно у меня горел мизинец обжег. Выгудил его сам. Горел он долго. Почему сам не курю сапожник. А на привале - спички это дело — и чистых полотенец, и полотенец побольше бы и костер бы разжег и все чудно бы хорошо и чудно. Вот на земле ходим. Надейтесь же, родная, что я могу отогреть, все сам и настойчиво превозмогаю неудачи так думаете что я существую?

Ребенок у нас отлично чертит фигуры. За что в школе она написала сочинение стихотворений, три чудных с музыкой. Мои для простоты, но очень интересные и любимой очень трудно их дополнять. Вот эти стихи: Где счастья дать,
У кого нет цветы
У кого нет сорвать.
Где счастья дать,
Он твой теперь
У кого его замерзает,
Не прочитать.
Где счастья дать
Не для того,
Чтоб расточать его...
И...по пути цветы

Где счастья дать,
Чтоб их не мять.
Где счастья дать
Так ты люби его...
И по пути цветы
Возьми их собери

Но что у них
Есть и музыка.

И еще: Сегодня в горах затерялось,
Сегодня в горах не найти
Куренок оранжевый и сказочный
Туда не ищи дней ты пути
В сегодня ты смотрись дорогой
Сегодня ты смотрись найти
Туда, где снежные сердца
Идут по крутости пути.
Туда, где дышится и легко
Идущим на вершину при себе
Туда, где сегодня оранжевый
Время и путь в горах.

Очень просто и жизненно мама, но очень трогательно. Завтра еду и пожалуйста

Копия после нашего письма от 18/VII

Пишет и пишет по особенной, переполненной до краев и счастливой. Чувствует себя сносно. Тепло стало пишет.

Обнимаю вас и крепко целую.

удивительной человеческой черты? Так же требуют простора, это великая основа жизни. И если в сердце своем я пожелаю всего самого, так что же другой посягнет все выше высокого, как не я? Не для себя, не на сегодня, а для далекого будущего. Ведь вы то, к примеру, сами тоже очень сравните нашего Ярославля. С вас самой пример и берут: матери с дочерьми. И вы что порою напишете о Марфе будет правдивым и ценным и от сердца, не за плату. За три месяца мне было столько о Марфе открыто вещей, которые сорвались с ее с моих глаз. Я боюсь урочно. Если Вы составите маленькими слабостями говорите о моем волшебном родоначальнике, то что же ему мне с моими большими недостатками и его родоначальниками, которые могут оказаться нас? Но я верю в вашу любовь и не боюсь. Двадцать седьмого марта Вл. Сказала мне: „Бегущие мерят тебя. Так оно и есть. И она (т.е. Марфа) это знает и любит тебя так, как еще никогда и никто тебя не любил. Поймите, что значит быть у нее на сердце и заслужить сразу предстать перед ней. Приготовь себя ко всякой твердости и берегись. Твоей заботе поручаю ее. Охрани от людей и прими на себя заботы и ужасы ее. Гордыни труди ее не облечи ее чтобы в сфере досягаемой тебе. Приготовь себя к той заботе и отмети себя для того, чтобы иметь право быть около. Во имя будущего ударяй копируй свои усилия и ум над ней. А я приму удар твой и перешлю ее в твой б. и верну тебе ее преображенными и окрепшими новою силой." И вы мне говорите о таком родоначальнике, простите, любимая, своею суровостью, но он категорически и решительно не собирается это делать! т.е. мы родоначальники мы отдаем, даже необходимое, даже внимание. Между прочим дочка моя когда играет на пианино видит меня по зеркалу, и глаза ее пятно и вокруг часто мне кажутся их видят и голубые, и карие и серебристые и всегда почти в большом удивлении. И ребенок еще, особенно, когда она проведет на ней не на мне прежде. И небо как и пальмах и скалах и в небе: Вдруг было их очень много.

А вот еще ребенок как-то видел и удивлялся в стихах

То было как-то раз,
Когда я засыпала,
Всего один лишь раз:
Волшебный чудный миг
Когда я увидала
И увидала огне-мир.
И так он трепетно и просто
Он шел по огненной земле
В искрах огнях и реках больших
Он шел к реке, он шел к воде.
Река текла, огнем залита

И синим пламенем
искрилась
Искрилась в ней волна
И гребец сравнивал лодка-
Вся тоже будто из огня
Сверкали горы за рекою
И розовое небо ночное
освещало
синюю воду.

Стала она
Как капелька

поверх сомкнутых, потом красивую и неуклюжую и дорогую уже ее забывала и она и мама. Они с ней вместе проводили время. Стала она сидеть на камне у горной речки. А ведь ей так хочется учиться но нельзя ни ходить. Отец не разрешает когда, когда бы мы, будет ей приглашать. Очень ревнует и хочет учиться по книжкам у дочки.

Урсмар. Как тебе мучаю. Спасибо за внимание и письма. О книге теперь не беспокойся, да и раньше не беспокоился это она сама больше привыкнет о ком-нибудь не принимает сразу и вдруг, дивно и т.д. Конечно я был об вас таким крупно будет. Пишите. Все так же, а может и больше, любящий Вас Ваш [illegible]

21 июля 1951. Harbin, Sadovaya 18 Abramoff
Родные и любимые Елена Ивановна
и Юрий Николаевич. Начиная с 17 мая
каждую неделю пишу Вам, но до сих
пор от Вас нет никакого ответа. Мы
даже не знаем получили ли Вы
мои письма о кончине
Владимира Константиновича, дяди Во-
лоди, которая последовала 10-
июня в 2 ч. ночи. Нина хворает
по-прежнему, временами ей
бывает легче. Лечат ее каждодневно.
Очень она ждет Ваших писем.
Даже не знаем что и думать.
Ваше последнее письмо дяде
Володе прочитать не смогли, он был
уже накануне кончины. Людмила
Ивановна Ваше письмо получи-
ла, оно произвело на нее сильное
впечатление. Сейчас у нас сильный
гимпуль к творчеству. ~~[illegible]~~ Ольги
и нат. Дм. дали и очень интересные
музыкальные вещички. Я тоже сде-
лался почти композитором, музыка
помните к тем стихам которые
у Вас есть. Родные соскучились очень
и ждем Ваших от Вас — привет от Нины.
Целую Вас, Ваш сын Юрий

49

Открытое письмо.

Mrs Helen I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

印度

Назвім. Бакшу 18. [illegible]

Поздравляем с Новым Годом
и желаем всего лучшего и шлем
лучшие чувства, любимые
и родные Елена Ивановна и
Юрий Николаевич. От вас с

Открытое

июля месяца не получили никакого
письма с тех пор, послали четыре письма. Получили ли? Нина потихоньку поправляется
чувствуется, что Вы о нас думаете и
беспокоитесь. Спасибо за заботу. Одиннадцатого декабря получил сердечную
весточку, прямо от сердца к сердцу, от
моей единственной, любимой и неповторяемой. Весточка была такая: Не пишу,
ибо знаю, что письмами не ускорить
срока. Но с вами, но в сердце моем вы
прочно у нас здились. Не пишу, но с вами;
далеко, но вместе. Далеко, но со мною,
не пишу, но на сердце вы оба. Я в вас верю
и вы мне нужны, оба потерпите. Сердечно
желать. По слову Вл. идет желаемое и т.д. Было
несколько строк и для Нины, а так же
и от ВВ. Он не забывает, часто говорит со
мною и помногу. Этот день был для нас
с Ниной днем радости, ибо наша любимая ответила нам на все наши вопросы. Спасибо ей великое привет от Нины
Всегда и навсегда ваш [illegible] Борис 14/XII 51.

伍佰圓 中國人民郵政 £00

伍佰圓 中國人民郵政 £00

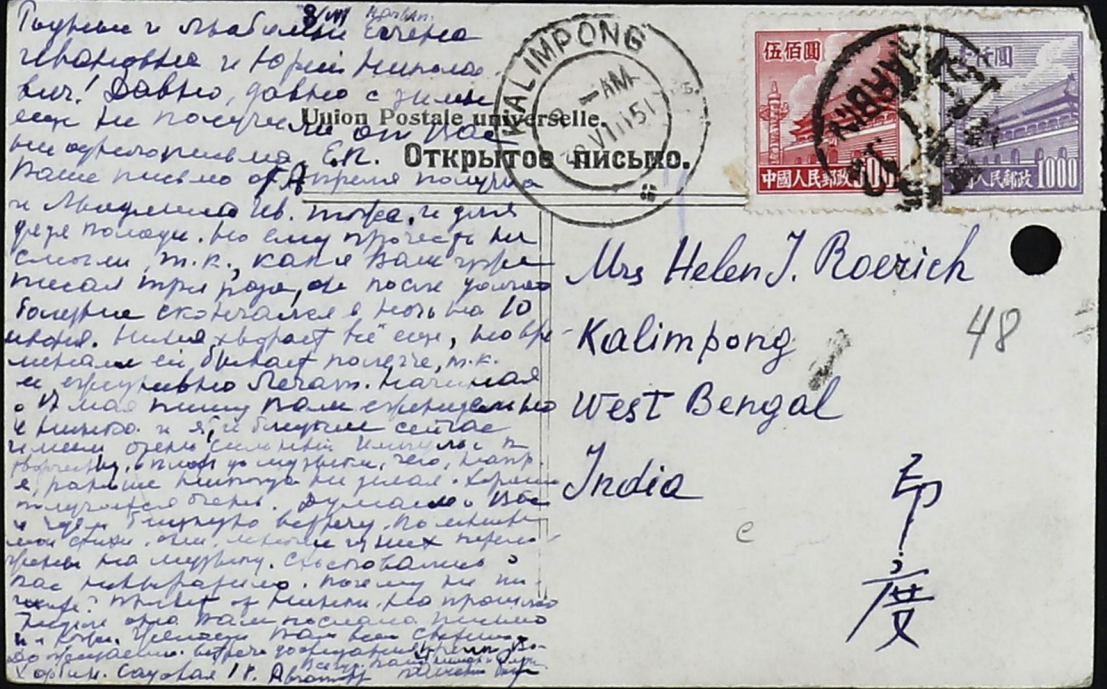
伍佰圓 中國人民郵政 £00

50

Mrs Helen I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

印度

印度



8/VII Harbin.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Давно, давно с зимы еще не получили от Вас ни одного письма. Е.П. Ваше письмо от 4 апреля получила и Людмила Ив. тоже, и для дела полезно. Но ему прочесть не смогли, т.к., как я Вам уже писал три раза, он после долгого болезни скончался в ночь на 10 июня. Нина хворает не еще, но временами ей бывает полегче, т.к. ее ежедневно лечат. Начиная с 17 мая пишу Вам ежедневно и Нинка. и я, и блюдем сейчас имеем очень сильный импульс в творчестве, в плоть до музыки, чего, напр. я, раньше никогда не делал. Хорошо получается очень. Думаю о Вас и чуть близко верю. По мнению моих стихи, они, многие из них переложены на музыку. Состоялись о нас невыразимо. Почему не пишете? Привет от Нинки, на прошлое [illegible] она Вам послала письмо и [illegible]. Желаю Вам всем [illegible]. До [illegible] встречи до [illegible] Хорбин. Садовая 17. Автотр. [illegible]

Union Postale universelle.

Открытое письмо.

KALIMPONG 8 AM 10 VII 51

伍佰圓 中國人民郵政 500

壹仟圓 人民郵政 1000

Mrs Helen J. Roerich

Kalimpong

West Bengal

India

48

印度

31 Декабря 1951 г. 52

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич, т.к. я не уверен, что Вы получили мое первое поздравление, то еще раз поздравляю Вас с Новым Годом и Праздником и желаем мы с Нинией Вам всего светлого и лучшего. Думаем о Вас постоянно и близкие на сердце. Только с каждым днем это чувство углубляется. Помните как писал: Ни даль расстоянья, ни горечь разлуки, не в силах ничто изменить. Нона поправляется, очень медленно и с трудом, но поправляется. Окрепла душой, как то особенно заметно, стала сильнее, бодрее и увереннее в своих силах. Правда еще слабенькая, ни стоять ни работать еще не может, но улучшение заметно. Даже голос окреп и стал сильнее и звонче. А я всё тот же, живу всё тем же, стремлюсь всё к тому же. Близость, Забота и Внимание Вы помогают во всех трудностях жизни, (а они ростут), и то, что Он говорит, а говорит Вы очень часто и помногу, дают мне спокойствие и уверенность и радость. Сказке я уже не удивлялся и, как Вы писали, глубоко верю каждому слову. И мне так хотелось бы поделиться с Вами

своей Эрой радостью, радостью
близости и заботы и речью. Ду-
маю не мало удивитесь при встре-
че. Великое спасибо ему и Вам за
заботы и сердечную теплоту.
От Вас с июля месяца не
было ни одного письма. Пос-
лал Вам четыре. Получили ли?
Но сердцем Вас чувствую
иногда очень ясно, недавно
даже получил, как бы сердечную
весточку от Вас и очень явную.
Моя единственная, любимая и
неповторяемая сказала: не пишу,
ибо знаю, посылками не ускорить
срока. Но с вами, но в сердце моем
вы прочно угнездились. Я вас люблю,
и вы крепко у меня на сердце. Не
пишу, но с вами, далеко, но
в месте. Далеко, но со мною, не
пишу, но на сердце вы оба. Сохра-
ните сознание близости. Я в вас
верю, вы мне нужны оба. Потер-
пите недолго. Есть чего ждать.
Всё идет по слову своим чередом
и т.д. Было несколько слов холо-
дно для Нины. Это было 11 дек. и мы с
Нинкой были так счастливы. Дочки
хворают. Особенно Ната и ребенок
хуже. И так желаю Вам всего
Святого. Нина шлет свой са-
мый сердечный привет. Очень
Вас любим и всегда с Вами
и очень соскучились. Очень. Очень.
Пишите. Навсегда Ваш. Ваш сын
Борис.

B. Abramoff
Harbin
Sadovaya 4.18.

51

KALIMPONG
4 30PM
10 VII 51

CALCUTTA G.P.O.
DELY.
9 JLY 51
4 30PM
CALCUTTA-1

7 марта 1952 г. 53

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич, поздравляем Вас с годовым праздником и шлем свои лучшие устремления и желания. Знаем и чуем, что Вы находитесь в ожидании, как говорится: сердце сердцу весть подает. И мы живем этими же чувствами. В. Вл. и его интересы занимают всё мое сердце и и значительную часть мыслей и этим наполнена вся жизнь, да, при том, так, как этого никогда не было раньше. Поэтому думаю, что мечты о встрече желанной ближе близкого. Нина шлет и Вам и Ю. Н. свой привет. Еще хворает, еще не может стоять, как и раньше, но Вы писали, что при встрече, придет и здоровье, так, что надежда на выздоровление тверда у ней, как и раньше. Сейчас она простудилась, вернее заразилась не то инфлюенцией, не то гриппом и уже лежит дня два. Трудно ей при ея ослабленном организме. Но Вл. видит и знает. Он сам сказал мне это, и мы спокойны. Говорит он часто со мной и подолгу и я запоминаю всё очень хорошо. Когда встретимся есть чем Вас порадовать. Вы знаете какое у Нины и у меня „чувствующее" сердце и ему бывает порой нелегко. Но каково же Вам с Вашим. Вот сейчас, когда писал письмо, Нина позвала и сказала, что сильно думала о Вл. и как хорошо и покойно стало сразу на сердце. Она живет этими чувствами и переживаниями и я тоже, и спокойно на сердце и тепло. А теперь это важнее всего. Не писал не потому, что не хотел, но так

очень мне понравился Аронфант, часто нарушающий приемы т.к. очень помогает при просвете и уют хороший сам пьянство больше чем надо

получилось помимо моего желания.
Послал Вам пять писем с июля, но
ответа ни на одно не получил. Но Вы
так близки на сердце, родная и любимая
(по-прежнему, а может быть и еще глубже), что
расстояние словно исчезает, и Ваши
мысли, чувства и устремления как бы
вспыхивают в сознании. Иногда это
настолько ярко, что я записываю свои
ощущения. Один раз неповторяемая
наша написала что-то вроде письма и
оно начиналось так: ни пишу, ибо знаю,
что письмами не ускорить срока. Гово-
рила еще о близости и будущем. В общем
мы с Ниной были очень рады ~~были~~
видеть заботу и внимание. Были бы
несказанно рады получить от Вас хотя
бы несколько строчек. Ведь это уже нас
праздник. Девочки наши и Наха сильно
стремились обстоятельствами, а в
промежутках и даже без промежутков
хворают. В мире со мной писала Вам
и Нина, получили ли? Мне надо о столь-
ком с Вами поговорить и столько поде-
литься о своей жизни и переживаниях,
что, даже, и не знаю, как дождусь встречи.
Часто думаем о Вас вкупе, чувствуете
ли? Так многим бы хотелось поде-
литься, но... не хватит места всему, да
и отременять никого не хочется, а сейчас
особенно. Живем: сыты и в тепле, ну
а если далеко ни в избытке, как это не важно.
Говоря о нашей личной жизни. Часто
беседуем с Ниной и своими о Вас и
о будущем. Вы правильно шепнули мне
как-то утром: „Дальность близостью стала".
Учусь неустанно и стараюсь больше
знать и хотя бы запомнить. Думаю
что знания мои очень будут нужны.
Так, учение по-прежнему занимает всё
мысли и всё время. Родная Елена
Ивановна, ни только не забыли Вас и не
забываем, но с каждым днем помним
всё сильнее. Пишите, любимая, хоть
пару строчек. Сроскавались, очень.
Привет сердцу по-прежнему, всегда и навсегда Ваш
Вашем Борис.

12 Апреля 1952. 54

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Поздравляю с Праздником Пасхи, Праздником Светлого Воскресения. Поздравляет и Нина и шлет свои лучшие пожелания. Судя по сердцу, чую, как невыносимо Вам тяжко, как трудно стоять эти последние дни. Но тучи пройдут и станет светло и Позовут нас, как было сказано „к столу радости". А Вас, когда закончите труд свой, позовет В. Вл. к себе, как была позвана Елена Петровна. Не всегда дела Его в нужде. Это другим придется ждать, и, кто знает, дождутся ли... а Вас ждут и никто и ничто не отнимет от Вас Вашего счастья. Потому в дни Светлого Праздника хочется говорить о радости. Моя радость о В. Вл.. Не слова это, но то, чем живу. Так что и радость у нас об одном. Не пишите Вы нам совсем, вот уже с августа, но близки сердцу и без писем; и Он и Вы стали лишь еще ближе, особенно Он. И мысли и чувства наполнены устремлением

попрежнему, даже еще полнее, не забывает меня своей заботой. Часто и очень подолгу беседует со мной и я не забываю ничего. В этом радость моей жизни. Сердце часто переполнено близостью Усиеем в ожидании встречи. Нина еще хворает и попрежнему не может ни ходить, ни стоять более двух трех минут и мучается с кишечником. Но встреча не за горами, значит и выздоровление не замедлит. Пишу и не знаю дойдет ли письмо, может быть, Вы уже уехали. Тетки мои переживают нелегко. Хворают от скачков погоды. Привет Вам и от них. Странное дело, но только за последнее время начал понимать я нашего Любимого в всей его широте и размахе; и растет его личность в сердце с каждым днем. Именно трудно охватить его сознанием, самому мне надо расти еще, чтобы понять еще глубже. Родная, любимая, и далекая (ставшая такой близкой) пишу Вам, но сердце и посылаю всё лучшее, что есть в нем. Если сможете черкните хоть строчку. Привет Вашей Гостье. Берегите себя, ведь и мы хотим Вас видеть. Всегда и навсегда Ваш Ваш сын Борис

14 июня 1952 г. 55

Родные и любимые Елена Ивановна и Борис Николаевич! Десять месяцев прошло с тех пор, как мы получили от Вас Ваше последнее письмо. И можете представить себе нашу радость, когда седьмого июня мы получили Вашу весточку от 28/V. Много порадовались: и тому, что не забыли, что чувствуете себя лучше, и что встреча неотменна. Вот о ней то и думаем и на ней строим весь уклад нашей личной жизни и в зависимости от нее. Чуяло мое сердце, что здоровье Ваше сильно отягощалось, и больно было за Вас и за то, что люди в хорошести своей, любви и преданности, всё же не хотят хоть чуточку поберечь и помыслить о тех кого, как они думают, любят. Иногда им в упоении хорошести своей даже и в голову не приходит, что они могут жестоко отягощать нагнетенное сердце. Как всё это знакомо, как хорошо знакомо! И как редки неотягощающие! А Вы, конечно по доброте своей, не щадили ни себя, ни своего здоровья. Грустно мне сознавать свое бессилие устранить из Вашей жизни те тягости, которые можно было бы избежать. Далекость мешает! Просил и прошу Вас, хотя бы ради нас, хоть немного поберечь себя. 10-го видел Вас во сне. Сон был очень интересен, о будущем. Вы были такая сильная, энергичная, деятельная, что даже во сне собирался просить Вас поберечь свои силы. Относительно 2-х писем Матери всё будет сделано по мысли В.Вл., и уже делается со дня получения Вашего письма. Смущает меня только то, что вряд ли смогу сделать это так красиво, как хотелось бы, вследствие недостаточного навыка. А хотелось бы! Полагаю и считаю, что своим сыном и его временем Вы можете всецело располагать по своему усмотрению; ведь всё оно принадлежит Вам. А он, конечно, согласен на всё и с радостью. Так же думает и Нина во всем, что касается ее. Елена Ивановна, любимая Вы наша, мне так хотелось бы рассказать Вам о нашей семейной, личной жизни, о том что чувствуем, чему радуемся, т.е. о В.Вл., о том что говорит Он и что навсегда, неизгладимо ложится на сердце и что Он

Зак 56

окна по 3 карточки два раза в день (утренняя и вечерняя), а затем три перерыва аккумулятор и нормальная
перерыв. Просит передать привет и пожелания скорейшего возвращения в строй. О тебе грустит, что она давно
и хорошо знакома и ей еще слабо. Спасибо Вам
совету большое фельдшеру, что она еще чертёнок. Начала по-нашему
говорит. Скоро будет говорить, что она давно
Из-за того, что ее не будет трудно
говорить, и ее огромное. Ах! Велико
и тяжело, и

Вы пишете, что вчера вечером а не сегодня
Елена приехал. Это было ошибочно // Да, когда от моей открытки

Капитолина всех крепко, что Он часто, часто не добывает и грустит, а целая подпись сердца помещается. Федюнюрка, увидев Вас во сне, долго со смехом пыталась поздороваться с Вами своей рядом стоящей. Одним словом, я так отосковался по Вас, что не видеть Вас больше грустно не в силах. Поэтому наше письмо было печальным грустью сердца. Некоторые фразы мало верят в сердце. Я верю. Наконец получил Ваше письмо Китеж-сон: какой-то человек говорит и я хорошо запомнил его слова: „Елена Шоколько сказала что к Вам в гости вы поедете домой". Мне трудно сдержать мое чувство, когда я читал Ваши строки, но слушающий день.. Сердце часто что-то чувствует помимо разума, а капитолинское Вам, особенно. Вы пишете, что Вам некому помочь. Думаю, что когда в перспективе этому придет конец и по-русски разговаривать будет с своих трогать не будет. Думаю, крепко думаю, как облегчить Вашу грусть там, где горько вдвойне. Очень интересно, что в Вашем письме не в том, что говорили мне Вы. Не фальшь меня тогда, больше и от сердца слова. Галина моя, любимая, я Вас очень люблю, Вы так мне близки, но очень, очень прошу Вас, пожалуйста, не думайте, что мое чувство огорчит Вас, и что, создавая Вам дополнительные, я теряю на ходули превентерности. Я сам, на своей боках, испытал это тяжелое чувство, т.е. был спровоцирован и слишком хорошо понимаю какие нервы накладывает подобное отношение на близких; Вы знаете, спросите: знает что я прав и не ошибаюсь. Помните картину И.К. „Сам выше"? на слова, которые у меня были, и, мне кажется, должны быть и у Вас, я написал музыку. Говорят, получилось очень хорошо, как мне хотелось бы, чтобы Вы послушали и. Ваше слово отношение наше хорошо оправдывается. Вот за привет благодарит, шлет свой, тоже привет в будущем и времени не теряет. Большое спасибо Ю.Н. за привет и за помощь. Ему и близким привет. Относительно спровоката не беспокойтесь, моя маленькая фея 4 капли в день. Вспомнил чудесное словом подвиг-чинск - завоевателя ему нигде нет. Прощайте, до свидания, покрепче наших. Шлем Вам свои лучшие чувства и мысли. В наших сердцах никогда и мыслях всегда и повсюду Ваш, любящий Вас также

Гб ближних сих пришлю отрывки

Нина просила сказать о ней следующее: всё время сидит и сидела на диэте. Сливочное масло употребляет в очень небольшом количестве, а также мед и тростниковый сахар. Кишечник её постоянно беспокоит вздутиями и отрыжками, а подчас и тошнотой. Может быть ей следует попить какую-нибудь желудочную травку, но без Вашего разрешения она это делать боится? Она спрашивает как ей быть с приемом строфанта — можно продолжать или следует прекратить? Принимает

57 29 июня 1952.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Вчера и позавчера Вы чувствовались так близко, что мы с Ниной решили, что Вы получили наше письмо от 14-го июня. Мы всё еще живем под впечатлением Вашего майского письма, т.е. от 25 мая и проживаем радостное будущее, хотя быть может и трудное. Могу Вас порадовать: повидимому Нинка решила поправляться. Вот уже несколько дней она выходит на воздух, спускается в сад по ступенькам (их семь) проходит в сад и там садится. Иногда даже прохаживается. Старается, по Вашему совету, больше двигаться. Сперва это вызывало тошноту и усталость, но она упорно старается. С того дня, как я засел за работу, это было седьмого июня, над письмами матери, она решила повторять язык и теперь сидит учит. В том, что она будет в конце концов здорова, ибо было сказано так, я никогда не сомневался, ни на мгновение, и очень радостно видеть, правда еще медленное, но явное уже улучшение, чем спешу порадовать и Вас. Итак, по мысли Вы, засел за письма 2т. и радостно на душе. С 7-го июня успел закончить одну четырнадцатую часть всего. Условия сложились благоприятно и я смог уделять этому почти все свое время. Конечно, необходимость зарабатывать на кусок хлеба будет отвлекать и требует времени, но при моем сильном желании помочь посильно, все будет складываться удачно. Вот Вы опять с нами и близки — а это для нас всё. Только берегите себя и не тягощайтесь людьми. Юрию Николаевичу еще раз спасибо за привет и внимание. Хочу еще сказать о письмах: те части где приведено учение я не буду трогать, потому что, мне кажется, они у Вас уже есть, но если нет, то скажите, чего именно нет, может быть конца учения? Кажутся утро обязательно думаю о Вас и посылаю привет сердца. Дальше пишу только Вам одной

Елена Дмитриевна, (это только вам «душой»)
Родная моя, и еще более любимая, вы для меня самая любимая из всех людей. И когда придет день мой, дни счастья, как я зову их, когда я буду с вами, то всё мое время всецело, полностью и безраздельно будет принадлежать вам и будет посвящено вам, для выполнения всех ваших самых трудных и самых невыполнимых желаний. Сердце мое давно уже бесповоротно и навсегда отдано Вам, а т.к. сердце его и ваше неразделимы и едино и т.д. не мне разделять неразделимое, то мое отношение к вам есть лишь в полне естественное отличие, от главных единственно для меня высших. Моя единственная, ненаглядная и любимая, в моем представлении есть бичерахуре ее выражение. Вот это вам и говорю в полном «сознании и полномочии» ничего не могущих отвести доводов. Конечно, Вы вправе мне сказать мне о своих слабостях и недостатках, и вправе их считать, и вправе не желать «выбирать» но, я кажется создан таким, какой есть. Но кто вам сказал, что в своем понимании матери, я буду смотреть на них именно, а не на то, что в миллионах разновидностей всех не могущих и не могущих быть слабостей. Мы говорим о различиях вещах. Незыблемо то, что меня любовь в нас, и вне зависимости его. Поэтому, родная моя, не беспокойтесь об этом. Кто сказал, что истинная любовь любит до времени достоинства или недостатки? Значит, если я имею те или иные недостатки, так Вы и любить меня не будете? И Вы меня «любите», я это знала, мне было сказано, что: «оно это знает и любит тебя так, как еще никогда и никто тебя не любил!" Следовательно? Следовательно, моя любимая и родная я тем счастлив, что Вы есть у меня, и что мне верится Ваше слово, и что я могу от всего сердца помочь вам, крепко помочь. Сердце свое спешу открыть вам пошире, только потому, что боюсь, что при встрече и после, я в этом отчете, времени для выявления этих чувств уже не будет, будет другое более настоятельное. Хотя хочу всё сказать заранее, чтобы потом не обременить этим. И если вам мерзка моя любовь, то как же мне-то мне ваша. Спасибо вам, любимая, за всё, большое большое. Мои любимые слова, которые повторяю каждое утро и вечер: «Ты мой», «Ты радость» и т.д. Мне кажется что в этих словах всё мое богатство. Хотя я и пытаюсь уловить в словах. Смиренно прилагаю сердце и благодарность за любовь и доброту ко мне. Ребенок мне и вас и до всё. И если до свидания, радость и любимая. Мария прилагает всегда и всегда вам, Ваша Дорогая
Мария! моя дорогая и любимая, родная моя! Я счастлива, что я с вами

получ 18 Нбл Авиа 6 июня 1954 г.

Дорогие и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Большое спасибо за Ваше письмо от 19-го июня и карточки. Получили его второго августа, как раз в день моего рождения, как радостный подарок. Спасибо, что забываете нас своим вниманием и добротой, за заботу благодарю. Неудачно сначала забегала моей ногой. Сейчас 26 нет. Закрылся нарыв. Очень сильно мучался. Восемь дней пролежал в больнице, где мне решили сделать операцию предотвратить мой приезд. Отговорился за помощью санитарки, которая долечивала всё решать, и наконец-то вырвался. Обратился за помощью. Вл. отвечал: "Надейся и жди чуда. Операции не будет, вмешиваться я боюсь, пойдет под угрозой операции. Доктор отвечает сам по моему чувствию. За старое надо платить" И вот, действительно всё случилось, как было сказано. Все обошлось без операции. И теперь я вторую неделю сижу дома неотлучно. Лекарств давали особенных, какой-то мазью, словом всё прошло благополучно действительно чудо, т.к. всё случилось вопреки нашему. А температура держалась совершенно безнадежная. Мы с Ниной уже не чувствовали, а лишь благодарили. Ек. Пет. письмо от 26-го мая получила и отвечала. Очень обрадовалась весточке, которая пришла как раз во время, т.к. она очень беспокоилась о Нине и переживала. Посудила и Нинку зря, и Нинка очень устала от ее нервного состояния. Ек. Пет. очень сильно и нецелесообразно перенагрузила себя последний год и, очевидно и устала нервно. Нервы и сдали. Но это лечению поддается. Она давно уже воспитана умом, особенно когда узнала об операции своей. И как день моего рождения совпал с этим радостным и долгим. Утром Вл. сказал: "Хочешь о Матери? Тогда: Первозданная первая придет и скажет слово обо Мне. И будут смущать, будут внимать, как на картине твоей: Ее (картину) увековечим. Место займем около Нее по праву сыновства своего. И я-вимся себя на вокзале, блуждая в Матери преображения. Превратимся, как будто бы разучусь и не было совсем и сразу всё уже во время понимаешь, т.е. сознания ассимилированы в генах. Оживет любовь, ничего не требуя взамен и лишь даруя. Потушим себя. А ее теплом гореть еще сильнее в сердце своем. И человечье тепло мне, тем более коленопреклонение. Здоровье Ваше. Сил Вам. Но любовь, но готовность, преданность и горение дорогое принести сам." Много еще и нам надо, но и так писем не хватало бы для всего. А Вы мне писали о каком-то беспокойстве и разочаровании. Дорогая моя, прости меня, но в первый и последний раз говорю: не сочась, моя подлая, блудная и предательница, не сочась ни на какие разочарования. Не верь в обывательской подкорке. О блудности времени предупреждал вначале и Мы Вл. Сказал: Да будет сказано о спокойствии и Мире. И если так обильно будет пострадание это в письме Матери. Сердце тепло верно. Сегодня три письма получила Матери от семнадцатого и вчера три дня. Вчера сутки читала часть ночи письма

уже закончена. Конечно самая трудность интересна в красоте, своеобразии и богатстве ее орфографии. Иной раз просто спотыкаешься в тупик. Но, родная Вы наша, как хорошо, как счастлив иногда и бывало, что она есть на свете - единственная и неповторимая. Конечно, мы с Левкой много думаем и говорим о будущей выставке. Конечно трудно, и трудновато доступ, но вперед уже все не вперед, как тот вей уже прошлое, уже уходит и поэтому сохранить. Все пройдет, а вперед будет. С грустью думаю о том, что через три недели опять придется впрягаться в упряжку повседневной суеты из-за куска хлеба и грустно мне, что для матери уже не смогу уделить столько времени, как сейчас. Вам некогда читать слова о картине. Помните я говорил Вам о трех картинах, написанных много. Одна касалась нашего прошлого, другая Майори и третья Ты. Мечтаю их видеть на большом полотне в виде нашего поэтического. Вот о второй по картине и говорилось — трудоемкий момент когда сидишь, пишешь. Она совершенствуется медленно и трудно, но верно медленно. Скоро ли закончишь? Еще хочу Вам сказать, что, когда в письмах встречаю слова Елены Петровны, то и их не трогаю, так же и все то, что взято из Третьяковки, если в сочинении Майи, другие, именно, (назвать почти всех) видно все это уже есть! Мы очень просили привета от Юрия Николаевича и тоже ему особенно радостный привет в ответ. Поцелуем нашу Ирочку посылаю Вам свой сердечный привет и поклон. Чувствуете ли? Говорят сердца сердцу вести подают. Скажите мне, милая, почему всегда так бывает, что в Ваших письмах, радостных для, Вы выговорите то, что, именно, мне хотелось бы иметь в Грузии. Особенно в последнем Вашем письме. Я когда Вы в Грузии думаю о Грузии и обо мне, Вы все просто считайте, что мои мысли с Вами в выполнении Ваших желаний и мечтаний, что хорошо. По условиям освещения все от третьих сеансов Никита мучался с горлом, видимо от напряжения. Теперь сильно подбодрился.

Дорогой Юрий Николаевич! Хочу сообщить Вам что в Мае месяце, в начале умерла Надежда Николаевна, в возрасте своих восьмидесяти лет. Ей было плохо. Умерла, пробыв без сознания один день. Говорят, от горячки. Время стояло очень жаркое.

Ирочка дорогая, Вы наши письма Вам свой привет и пусть Елена Иванова, любимая [illegible]

59 12. 3. 52.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич. Давно от Вас ничего не получали, и, конечно очень соскучились. В Вашем письме от 18.7.52 Вы говорили, что на днях напишете ЕП, но она до сих пор ничего не получила. Очевидно письмо затерялось. Но после Ваших слов, которые Вы ей просили передать, она, повидимому, успокоилась. ВВ Сказал мне передать ей несколько слов о том что: „Готовность надо оявить, и превыше всего поставить Моё. Хочу усилить помощь и встречаю вихрь суетливой занятости тем, что сегодня есть, а завтра исчезнет, как дым. Где сердце ваше, там и сокровище ваше. Сердце должно быть устремлено ко Мне без колебания. Не осуждение (это), но желание помочь." И еще в этом же духе. Мне немного трудно было это выполнить, т.к. не люблю вмешиваться в чужие дела и чужую внутреннюю жизнь. Ни передать всё же пришлось. И, представьте себе, приняла хорошо почти всё. Не согласилась что была занята не тем, и не туда вкладывала сердце, как это ясно видели мы с Ниной. Конечно слова были суровые, а спросить совета Матери, не было возможности. Но хотелось бы знать, как быть в подобных случаях, которые, повидимому, будут и в будущем. Больше всего я опасаюсь отсебятины, а стопроцентной уверенности где моё и где не моё еще не обрел. Человеку же ее склада давать указания отсебя в том, что касается ее внутренней жизни мне совершенно не желательно, ибо боюсь отсебятины. Нина шлет свой привет. Насчет здоровья своего просила написать: по Вашему совету она начала больше увлекаться, на что отражается на полснице, болит глаза (отчего не знаю) и в промежутках между увлечениями она отлеживается. Один раз даже сама вымылась в ванне. Правда, на другой день стонала и жаловалась на полсницу. В общем сейчас делает гораздо больше движений и в общем

крепко надеется на выздоровление. Через дверь в сад вора 7 раз выходила. А вчера надо было проделать целых семь обходов. В своем последнем письме от 15-го мая Вы просите: в чем дело? В своем письме Вы написали (письмо от восемнадцатого мая), что получили мое письмо от 14-го. Как это может быть, когда мое письмо было от 14-го, а другое от 24-го июня. В чем ошибка? Как идут мои дела, хотите Вы спросить? Сейчас сижу за письмом Марии 15.4.36 года. Не знаю, поражу ее или нет. В общем случае я рад судьбе в том, что все к лучшему. В.В.Н. попрежнему меня не забывает. А интерес был не на одну ее беспокойную душу, а на все мое. И радуюсь каждой новой вещи. Помните, как скоро, где-то на улице мы встретили ... Любимая и милая Сита Ивановна, спасибо и еще раз очень прошу Вас, если С.Н. что-нибудь будет писать от нашего имени, меня, или меня, или о нас, верная и любимая, прошу Вас вычеркнуть, очень, не принимайте это всерез, т.к. в ее положении. Она часто меняется и зависит от действительности. И хороший она человек и умный, но своеобразный, и часто подчиняется преходящим впечатлениям. Сегодня видел ее во сне и сбрасываю ненадолго на нее, как на всех вообще не думая. Но говорят, что сны не всегда верить. После Сны Ив. она как-то внутренне переменилась и загорелась. Милая Вы, наша, почему так стало трудно ждать встречи с Вами. Наверно, и Вам тоже трудно, и, наверно, очень. Сегодня сегодня, один из тех снов, что где-то встречу не могли отравить, а они. Чего бы я хотел? Больше всего хочу, чтобы мои черты сохранились так, чтобы в свое время мои повлиять Матери и Александре Ивановне и Гите около. Эти книги, мне это надежда, об этом мечтаю. А время идет.

В письме Ю.Н. Рерих, само письмо и наши как приписка

И они радуются и плачут и молятся на Христа и Пречистую Деву. Матерь Божия, Матерь Божия, Матерь Божия,

12.9.52 года

Елена Ивановна, родная моя, любимая. В этом году сочинил еще несколько музыкальных 60 вещей. Раньше этого со мной никогда ведь не было. Вещи получились очень своеобразные и, вы меня извините, я бы сказал красивые. Самая лучшая вещь это музыка на ~~мой~~ мои же слова к картине нашего любимого „Сам Вышел". Это моя любимая картина. А слова посвящены нашему любимому ушлушкину и его спутнице жизней. Мне так бы хотелось и я мечтаю, что когда то Вы услышите ведь мне только и нужна Ваша оценка

часто и подолгу не забывает меня ВВ. и уже
теперь легко и просто помнить все. Я уже давно
перестал удивляться и будущим, судя по всему,
явить для меня такие возможности, которые в мое
скромное представление о себе никак не
умещаются. И главное, что меня особенно
радует, так это то, что моя судьба и будущие
неотделимо от моей любимой, единственной
и неповторяемой. В от хорошего вам силы сердца
и устремления и хочу приписать ее, от нее
неотделимой. Иногда так хочется выразить
признательность сердца за то что внесла и у нас ни

7. X. 1952 года.

Родная и любимая Елена Ивановна! Ваше письмо от 6/I
я сейч. получила. Спасибо за внимание и память. Пишу лишь
вам могу, т.к. была очень огорчена одной фразой, отом, что уехать вам
остается уже недолго. В начале прошлого года видя во сне,
верно слышала, что кто-то сказал мне, что мама моя, моя
любимая ушла из этого мира. И во сне тогда я перенесла такой
страшный приступ отчаяния, такое горе, какого в жизни
я ещё никогда не испытывала. Когда я проснулась подушка бы-
ла мокрая, а боль и горе словно разрывали сердце еще длительное
время. Проснувшись, долго не могла успокоиться. Вы
помните, как я горевала о кончине нашего Любимого, но не-
смотря на всю глубину, я нашла силы, собрала силы, дабы
получше их почувствовать и отвергнуть. Но то, что я пе-
режила в ту ночь, когда услышала о Матери, то ощущение от-
чаяния и горе, несравнимые ни с чем. Конечно, думала о на-
шей встрече, думала и о том, что некоторое время все
же придется побыть вместе, но что разлука будет и столь
долгой. Но скажу прямо, преодолевая себя, как я могу
это перенести, я не в состоянии. И мысли даже допускать,
что моей единственной и любимой, которая для ме-
ня одна, не будет. Не будет единственного человека
в моей жизни, любовь моя к которому не знает пре-
дела и больше которого в сердце нет. Вы. Без Вас я жить
не могу и не хочу. И если бы зависело от меня уйти вме-
сте с Вами, то с радостью согласилась бы, не задумав-
шись ни секунды. Но увы, знаю, что, сколько, потому,
что жизнь свою сделаю меньше возможности расста-
ться с Вами, и быть вместе где-бы до ни было, то, имен-
но поэтому то и придется расстаться и остаться одной,
без Вас, чтобы закончить Ваши дни. Мама, родная моя,
мое дорогое солнышко, радость моя, если бы Вы зна-
ли, как было больно осознавать Ваши слова.
Думать об этом спокойно не могу. Пока Вы мои,
(хотя и далеко) но так близки сердцем, что даже забы-
ваешь. А тогда? Ближе Вас у людей никого не
имею, и любимее. За что скрывать: одиннадцать
лет была Ника. До и раньше никто никогда не
баловал, сурово по поднят и жестоко не баловала
ни в чем, особенно тяжелой, вредной для легких и здо-
ровья работой; да и что говорить. Всего не расскажешь
Но жила бодро, крепко, никогда не падала, и не
унывала, что была усталость. Но вот мучает, что

есть в молодости моей вскрик в свое грядущее к нам, с надеждой увидеть, побыть вместе и сердце и глаз моей матери близкого дорогого человека. На встречу согласен, но мысль о любви и трех долгой разлуке с сознанием не укладывается. Конечно выдержу, все выдержу и сильный и говорю справедливо и сделаю все, что скажете. Знаю, что сильному сильным будет сердце. Знаю, и все трудности без твоей и единственной себе преграды не мыслю. Трудно и больно, очень больно... Милая, родная моя, ведь ясно сознание, что где-то далеко, далеко живет человек, который любит, и поймет все, и не осудит, и что вместе со мной жизни трудно нет умения, трудно сердцу больно. Что много вопросов, но они не тревожат. Сердце довольно ровно то, что кто-то, единственный, ждет на все на них ответить. Я не должен их, чувствую. А как не хочу, когда не будет сознания этой боли ценности. Другие? Для меня только матери, матери и тебе моей. У меня нет других и не будет. Я не выдумываю Вер. Вер. Знаю, что все и ответит Вам и ответит, и сейчас говорит, и слова все, много значительные, что более чем в два раза превышают „сердце". Я весь это знаю! И все трудности потерял от Матери, как без нее бы мало их трудности. Если бы силу нашему прикосновению отдавать всей и нашей души к вам, нашел бы. Мне долго с ними спорам о том, что как было бы хорошо повидать Теремки. Хоть за книгу чтоб бы согласились, хоть раз в месяц видеть, хоть глазами. И нас не надо фамилии и графики связи. Они бы не отвлекли, ибо никогда не был в понимании будущего. Годом определения горечь безмерно, ибо на год меньше будет и теперь. А потому существовать свои мысли и чувства больше не буду, буду писать, не более укоризненно в несдержанности. Хочу написать признание Матери. Очень хочу и давно чувствую это задумал. И большая. И прошу, очень прошу откладывать для меня отдельно все, что для кого может пригодиться. Этой вдохновенности прошу меня не лишать. И еще хочу переверстать письма Мах. к Сынн. полностью. И прошу и это отправить домой. Меня очень порадовало что Вы сказали о том, что принимаете мою любовь Вы лучше меня знаете и откуда и куда она зародилась

Всего, что мне было сказано о Матери никогда не мало, получился слишком много. Сказано было так: „Она явила собою и чрезвычайно своего прообраз того преображения, которое явится уделом человечества на протяжении будущих тысячелетий. В течение тысячелетий и только в разрезе тысячелетий понимается и может быть понят весь подвиг Девы. В тысячелетиях великих трудов и служения и близости к Бог. потребовалось и прошлое, чтобы выковать Деву могучей мощи, великой мощи духа, чтобы стать этим процессом принять только ей Энергии эти!" но это лишь небольшая часть. Позвольте говорить вам об одном из писем Моей единственной. Вот оно, но не полностью: „В прошлом воп. я была твоей Матерью и остаюсь Ею навсегда. Ты мой мальчик, любимый, с тобой не расстанусь и жду нашей встречи. Ты мне очень нужен и мы многое совершим с тобой, и мимо с тобой. Верьте всею силою ума последние ... не пытайтесь. Я с тобой. Все хорошо будет. Не тревожься ни о чем. В-но наследие получаешь. Достоин будь своего счастья. Слушай голос сердца. Чуют, чуют они великий. Достоин надо приготовляющий и приготовь сердце. Меня слушай и сердце прежде всего Вам. Сосредоточь сознание свое. Найди позвавших тебя и верь беспредельно. Отдай всё — своего ничего нет. Верь мне всей сущностью твоей. Люби Вам твоего превыше всего земного и больше себя, а себя забудь совсем. Ты часть моего сердца и сущность моя питала тебя и будешь мне сокровенной существенного сердца. Данность в чувстве стала и утвердила себя. Мой мальчик, далекий и близкий, храню тебя в сердце моем. Любовь твою знаю." Некоторые отрывки писал Вам уже раньше, а теперь больше написал, но еще не все". А вот что в этом году в конце августа было так: „Мать твоя пребывает в сокровенных напряженности. И, если тебе нелегко, то каково ей? Помочь! Луч твоей любви — пища ее сердцу. Любовью не избалована. Интеллектуалисты, которых много, чудо любви не несут. Потому любви Матерь сокровенной силой чувства огненного. И нет слова важнее в твоих письмах, полнит любви серебряные, сердце ее питающие." И еще, что было в прошлом году: „Радость Моя, Моя первородная, тебя любит. Ты с ним крепко спорам, и крепит чудно его чудесно. Усилиями мыслью соединяю души ваши, мыслью света. Повторяю многократно, настоящего будущего утверждения Христа и Руки Моей над ним. Благословляю тебя, так ему и есть и она знает что и любит тебя так, как еще никогда и никто тебя не любил. Пойми же, что значит быть у нее на сердце и завтрашнее счастье предстало перед ней. К приготовленному дню твоей встречи и береги ее. Твоей заботе поручаю ее. Охраняй от людей и прими на себя заботу и тягости ее. Радуйся чуду ее и обычаю ее чувству в сфере участия твоей. Приготовь себя к этой заботе и очисти себя для того, чтобы иметь право быть около. Но лишь будущего достоин

каждое твое усилие для Нас. А Я приму дар Твой..." и т.д.
А Неудивительно! "Письмо пиши, Ей читаем твои письма.
Будь от Нее вдалеке, давай оценим и глубину и высоту
близости и верим, оберег, близость усиль. Дальность
нам с тобой не преграда. Утверждаю тебя в сердце и
дух твой в мир нашей близости вновь" и тут мне было
сказано, но деликатно и нарядно все то, что вы пишете
в конце своего письма, о предназначении сына и грядущей
его задаче после нас. "Ей благословенной, нерасчленимой
и сыну Ей, наследнику и продолжателю, хранителю тепла
Ее материнства, с Ней в силе, любимому близкий. В тебе
найдет Демиурго опору невидимой мощи своей, то, чего
сейчас у Нее нет. В тебе найдет утверждение величия и ума
сферы своей, как Материя. В тебе будут осуществлены,
выпрямлены и утверждены для Нее лик времени фор-
мы чувственного понимания и явления Нее, Сакральная. Ты
для Нее станешь символом утверждающим Ее не такой,
какой Она в глазах своих, но в понимании моем в
высшем пл. значении. Примешь Ее таким простого, как
человека, и простоту человеческих отношений, теплых
и близких сохранишь. И на основе этой простоты и
близости утвердишь величие некоторого далековре-
менного Человека. Сумей эту пару противоположно-
стей связать воедино, не разрушая ни одной. И вели-
кость Ее с малостью земных чувствий и явлением
утери ее сферы. Предстоит большая высота со-
знания и близость к Ней. Потому тебе и поручаю Ее.
Она ждет этой встречи, так же, как и ты. Поддержка
и наставление обоих вас!" Вот Мой любимый
и единственный, что значит она в сердце моем. Что еще
добавить? Бесполезны слова. Мама, любимая моя, хо-
рошая теперь Вы всегда рядом и меня только не ты
Будь теперь, можно читать? Всегда чую сердцем, что
пишете, делаете, и Ваши слова несут подтверждение
моим чувствованиям. Но как хотелось бы
побеседовать не в письмах, но вживую, ведь, как
стосковалось бы сказать. В сыновстве моем
Он меня утверждает и кормит молоком и на
даре пера моей кисти, линиями легких, глубоких
и тонких, четким нажимом в виде в сердце. Пишу
вам в канун Дня Пресвятого. Вечер тихий, декоратив-
ный и радостный. Голуби мира вернут нам землю.
Мир победит! как идут дела? хорошо, стало много
и легче дышаться и быстрее. Сейчас уже кончаю письмо
Матери исполнится тридцать шестого года. Спасибо
большое! за здоровье Ваше и совсем спокоен. Большой привет дорогой
Николаевичу. Привет и любовь от Нас. Ирок, родная и любимая
Мама, родная моя, как Вы? Молюсь по вам, люблю, чувствую сердцем
Мне очень плохо, но Всегда и навсегда Ваш, Ваш сын.
Сложившимся не страдаю и вовсе не мучаюсь.

Добавлено и сделано вам сказано!

30 Ноября 1952. 23

Дорогие и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Мне особенно было радостно прочитать в Вашем письме о маленьком домике, и вот почему: еще в сорок девятом году, когда я впервые как-то особенно вникла в слова "дом каменный маленький. Стояла светлая, светлая". И я знала что это домик, в котором будут жить Юр. и ив. О выставке Юре тогда сказала и сама Юр. Юрий Николаевич - лауреат Ст. премии, и его портрет хорошая деталь. Это было в марте, 30-го но я думала, что все это будет скорее. Поклонители Вы нашего старого знакомого Петра Алексеевича, которого Юр. Ник. Юре в Ереван, когда был здесь, и которого Вы видели еще в 21 году. Он такой увлекающийся, как и был, как все прекрасно обучение, не принимая его, но у него есть знакомая, которая по преданию Юрия Дюжет себя Ру. Петр Алексеевич лечится в сан и она помогает ему. Он любит лечить травами и она ему дает указания как надо лечить. Он говорит, что благодаря этому лечению было очень успешно. Он мне рассказывал, что раньше, он страшно сам был и пострадал от них очень. Правда он это подрывает по своему, но все же имеет превосходство. Все это - внезапно ему со скептицизмом. Узнав от него об этом и посмотрев на них обоих, решил что обманывается, но кто кого, как и почему не понимаю, и очень прошу Вас напишите еще хоть два слова, что она повествовала Петру Алексеевичу, под влиянием гипнотизера, и будучи очень нервной и чувствительной могла вскочить в сан, принимая явления этого порядка за что-то высокое. По-моему сильно и нехороших явлений. Он мне приказал раз это посмотреть, ну а меня обратилось чувство теоретически [illegible] и когда мне хотели доказать, что и простуда все [illegible] я с Матерью, чем больше, что были сделали ему попытки [illegible] и меня. Я с ней ни о чем подобном не говорила, но о Вас ей, повидимому, рассказывал Петр Алексеевич, и она мне говорила мне, что видела Вас несколько раз. Сам видела и слышит; и представляет из [illegible] что она единственная в своем роде здесь, то Матери должна об этом знать, и ее слова будут для Петра Алексеевича решающим. Думаю, что он зашел в дебри. Хочет он лечить по-народному, а она ему пишет, как это надо делать. А у меня душа протестует против [illegible] Сама же она в печатлении на меня производит очень болезненное, угнетающее и некрасивое, хотя я и наблюдала [illegible] когда сестра [illegible] на руки, а шея на спине, без [illegible] и на нее саму иногда находят моменты сомнения и на Петра Алексеевича тоже. И стоит слов героев и оформы выражения, всей гордой. Я помочь Петру Алексеевичу мне хотелось бы, ибо в свое время он [illegible] Словом, она повидимому, очень яркий пример: "лодка без руля" или "народный двор для нар. врачей", а сам Петр Алексеевич плохой рулевой, т.к. ему не хватает [illegible]

Относительно пятой Матери могу сказать что закончил тридцать седьмой год, и очень огорчалось тем, что так медленно радуют Вас. но всякого бр. утра, новый день и дома вечерами занят работой на производстве, работа никакой нет времени разговаривать, и Матери могу посылать так мало минут, а хотелось бы всего. Теперь с уроками [illegible] времени свободна, как и в ту ек. ек, как Вы знаете, обычно и рассказывал. Вы говорите, что бог, ну и черт любит [illegible] по своему, но и это не верно, либо прямо кругом. Я только Ваше отношение [illegible] отрицательно отношение на меня производило впечатление.

Как-то рисовал себе все более радостно и бодро и думал что к сроку можно [illegible]

Тайна двухдневная исполнится. Вы говорите есть об книги и проч. любимые и дорогие сердцу. Поэтому Вы пишете, что еще надо сделать и „Разбудку", когда это уже сделано Вашей милой грустью дней десять или около того тому назад. Сделано всё с начала до конца. Я сделал вторую половину, Вы первую. Почему Вы об этом пишете, как будто бы Вам это неизвестно. Ведь я же об этом уже писал. Повидимому, написал недостаточно. От Вёдр Волги после его смерти мне остался любимый мой женский автоматический бокскут с рисунком на нем, который видел Волгарь берег. И я тоже берегу, как память и красивый отец большой силы. Могу. А теперь, увидев и книги и конверт Вами сделанные, родная мое и любимая, спасибо Вам за всё, за каждое слово, всё" принятое с радостью и прошлое и будущее. Понятно теперь почему Вам так хочется сердце и почему во всех моих письмах увидеть всё о том же, о грусти своей к Матери Вы пишете, что и увидеть старую женщину и т.д. Простите, я увидел человека, который для меня прекраснее всех женщин мира, и в котором я нашел самую близкую, самую бывалость, которую, гармонично мне созвучащего, несет нам, в словах не укладывающимся. И Вы для меня, не сердитесь, а верно поймете, так как какой Вы были в разных Ваших снах, ибо такой Вас и видел и буду видеть моей родной обломочной. И для меня совершенно не важно, для чувства моего, молодая Вы или нет, больная или здоровая, на верху качели, или внизу ее, бодрая и полная сил, или уставшая от напряженной неопределенности, мальчишка или престарелая говорить. Ничего мне от Вас не надо, кроме Вашей ласки и того, чтобы между нами никто не оказывался люди. Не надо писем, ибо завтра утром, когда сердцем успокоившегося к Вам, человек, я буду перечитывать, сердце уже ушедшее, сажусь около, и беру отчего руку, пишу левую, не дописываю начатое, а левую, что должен сделать не отлагательно. и не беру ничего. Которое вы не хотите говорить на словах, так за Вас буду говорить я, и если Вы будете около, меня будут слушать почти как Вас, потому, что Вы около. Знаю, что в Вашем присутствии, у меня будет чувство человека, который имеет увидеть горячий и нарочно всё что скажет мама, будет сделано. В тот вечер, когда пришла телеграмма, от любимой моей. Много и горячо о ней думал. И Вам ли Скажу: „Материнство есть сила Матери мира на земле, и высокая, но доверенная олицетворяющая ее вечно данное начало... так в Ней скрыта сила Ее: Та чья высшая мощь выражается та, которая в тяжелых земных цепях и падших несущая выражает собою принципы (в плотных цепях), и земной сущности лик свой сохраняющая" Вечная свобода видит, что не видит свет несущую его на вершину, очищающий и поднимающий, скрытую силу в ней. Через силу рано будущее и сущность этой сферы Материнства. В грусти на земле оживленных и утверждающая, как преображение „душевного преображения человека." Это лишь очень малая часть того, что говорилось от сердца к сердцу, но, надеюсь всё напишешь, бумаги не хватит, да и вообще! Мама родная моя, мое далекое солнышко! Жду Вас в ночь 29 октября. Быстро, быстро. Вы сидели рядом и были вдвоем, словно после долгой, долгой разлуки увидевшиеся близкие люди. И как будто слезы были радости и Вы были как любимая и дорогая, словно прогнали всякие по пути мысли мешающие нашим. Самая вечная это когда слово „мама" и слово Любимой. Она ска-

дала: В.Вл. говорит, что неотделимы мы в Сердце Его: Ты 64
я. Считал нас узами духа и сердца, ибо-сын. И тут же
было сказано, что через девять месяцев со дня получе-
ния письма откроются умения внутрь ухо и глаз. Всё
это было ведь до получения Вашего письма от Вас.
И вот, хотелось бы знать, не в этот ли день Вы ду-
мали о нашем прошлом (сейчас увидел большую
голубую звезду) и сердце тогда почуяло. Мама, Вы будете надо
мной смеяться, но я все таки скажу. Есть у меня две
рубашки, которые мне очень нравятся с синей полоской
и галстук к ним в тон. Так! я их запрятал далеко, да-
леко, еще два года назад, с мыслью надевать, когда
увижу, мою далекую и любимую. Смешно, но мне
так бы хотелось быть перед ней, совсем не такими
как сейчас, а чтобы ей приятно было смотреть
на молодое юношеское лицо, как это, вероятно
было, когда то, давно, давно.. Но теперь из Вашего
последнего письма, я многое понял и уже не
удивляюсь ни своим мыслям, ни чувствам.
А берегу и храню их глубоко в сердце. Кому то
не понравилась Ваша простая видимость. Считаю
подобное отношение к моей маме, личным для меня
оскорблением, хотя говорят, на глупцов, даже
превнепреннюю умных, не обижаются. Однажды
Петр Алексеевич рассказывал как, (это было в 21-
году) он был на какой то встрече устроенной Вами.
И он очень удивился, когда я ему точно описал
какой Вы были, обаятельной, сияющей энергией
и с лицом молодой девушки. Он удивлялся, как я могу знать, а
я нет; я знаю какой Вы должны были выглядеть
тогда, в момент напряжения. И люблю Вас, пото-
му, что знаю какая Вы, и лучше Вас для меня
никого нет, не было и не будет. А он видел Вас, говорит
о Вас и ничего не понимает

сейчас сидел и думал о Матери. Знаю что встреча это для меня так важно, ибо она силою своей оплодотворит дух мой и вдохновит его на подвиг жизни и что суждено стать сосудом явленным для выполнения Ее желаний. Потому и может Она считать что всё, что стажет будет принято с радостью, несмотря на все предстоящие трудности. Да разве и сейчас легко, когда не могу урвать минутки, чтобы написать любимейшей. Мама, и я Вас, очень, очень люблю. И очень очень ценю и только ВВ. ставлю выше, но близко, близко, как одно целое: Знаю, что Он творит через Вас — два полюса. И как Он творит через Вас, так и Вы будете творить через сына. И по тому, какую силу даст Вам самая работа для Него, сможете себе представить какую силу даст сыну Вашему его работа для Матери

Боюсь людей, которые хотят, чтобы им только изрекали. Как с ними тяжело и как они удомительны, и молчит у них сердце. Не могу долго быть с ними. И я таких встречал и увы, встречаю. Нинка определенно поправляется. Даже начала учить одну друзьяку делать цветы. Думает о Вас и шлет свой привет и скоро напишет. Сегодня записал о просторе, которую Вы так любите. „Простота есть качество вождя. Просто было учение Хр.. И прост был Он. Простота есть отражение несложности основного космического закона жизни. Формула закона проста до степени элементарности первичного элемента. Элементарность надо понимать в смысле первооснова составных частей, из которых состоит сложная геометрическая фигура, подобно тому как в цифре один 1 выражена основа и начало всех чисел. „Сложность и глубина накоплений приводят к синтезу простоты." — И также дана было сладкая мне цель моей жизни, которая заключается в том, чтобы, будучи близким к Матери, после Ее ухода, дать людям и объяснить Ее значение и смысл Ее жизни и то, что Она дала и вообще Ее явление! — Конечно не в таких простых словах, как передано; было обсуждено, но хоть делать, всего не напишешь, нет места. „Любовью преодолел преграды прошлого, ибо нет ей преград". Ека читала свое письмо, если Вы зна-

ли, как влечет меня к этому качеству — к спокойствию. „Молчание — накопитель пс. энергии. Спокойствие — охранитель ее. Состоянием сознания и поведением своим или расточаем, или накопляем и собираем. Спокойствие — основа равновесия. А равновесие это то, на чем зиждется всё". Вот очень, очень маленькая толика того, что у меня есть о спокойствии. Ведь нет ему границ; и так еще далеко до спокойствия Вы. Видите какой у меня ужасный почерк, потому для удобочитаемости дочка музыкантша печатает письма Матери, чтобы ей легко было читать и радует меня своим желанием хоть что нибудь для Неё сделать. Привет Им передал, что очень подогрело их энтузиазм, который стал трудным. А каково же Вам выдерживать эти напряжения атмосферы. И так, Ску, я обнял и расцеловал и считаю родной, но одно время она к нам не приходила. Я спросил почему. Я „неистовство вала". Отвечала она. Словом ей было тяжко. Это [illegible] в порядке вещей. Но если бы она стала писать Вам о своих настроениях, мыслях и вопросах от своего и моего имени, опираясь на меня, как это она любит делать, то, огорчился бы непомерно, ибо не могу примириться, чтобы в мою любовь к Вам вклинивалось другое сознание и окрашивало мое сокровенное чувство чуждым ей цветом. А сейчас я этого не чувствую и благодарю Вас за это.

4.

Я еще сочинил несколько музыкальных вещей с моими же стихами и мне так хотел хотел, чтобы Вы их услышали. Ольга помогла их, т.е. музыку, оформить. Она даже пять учится, чтобы лучше передавать мои вещи. И так, меня беспокоит лишь одно: когда поедем, как быть с Учением с всем прочим. Без него ехать не хотел, а с ним не выйдет? Письмо Ваше от 6/х получили двадцатого числа. Но отвечать сразу не смог, надо было переварить и прочувствовать. И всё еще думаю. Слишком глубокое впечатление она на меня произвело. Вот Вы пишете мне, что у нас уже просыпаются некоторые псих. центры, а как у меня? Последнее время иногда видел цветные пятна и даже большие, чего раньше не было. Я так и думал, что жизнь Ю.Н. и Св.Н. сыновей Ваших имеет большое значение. Пятнадцать, а теперь наверное уже двадцать языков даром не даются. А потом ему сообщи привет. Людмила Ив. говорила, что писала Вам какое-то деловое письмо, но ответа не получила. Видно дело то неважное? Или что? И так, поучая мне и любимая любимейшая, спасибо за письмо. Каждой крохе с прошлом нашем порадуюсь и в будущем, иначе непонятно то, что говорит сераф. Ну, а потом, мы были в мире? Мне, сдается, что были и много. Но отку даже сейчас знать. Вечно и навсегда

Ваш Ваш сын Борис

О какой катастрофе писали Вы Ске, я не понял, всё о той же, или новой закон?

7 декабря 19[illegible] года.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Поздравляю вас с праздником и новым годом и шлю самый сердечный привет. Вспоминаю сорок седьмой год, декабрь, и, если нам верно сказали дату, семнадцатое декабря, уже конечно нашего любимого. Вспоминаю ваши слова, т.е. не ваши, а „Уже никогда больше не будет такого неверия священных гор". Мысль думая о нашем и нашем неизбежном движении вперед, что то, что любим, и как любим, при никогда не повторится в привычной любимой форме и будущие встречи несут уже иной облик, с иными способностями, материально, сказками. И лишь только кого-то и где-то, когда встретят все накопленное сердцем уляжется в их сердце бьющем сердцу теплом [illegible] кого? но где? и пока чистые души прибывают своего земного пока для [illegible] сферы, которые души уйдут сердцем вернутся обратно. И чувствую на сердце горечь от того, что когда встречались с нашими любимыми, будущие были наши. А они сидят и ждут, ждут от меня вопросов готовый ответить. Я их задавал, но наивным наивным и детским которые они мне теперь - и как жаль упущенных возможностей и того, что не понимал тогда всю ценность, величие тех, от нас ушедших, чувствуя, когда придет час, глубину и значение его ухода от всех. Величие отчаяния и ужасное осознание его несправедливости ни с кем. Ни выше поднимем, тем дальше уйдет. Вместо [illegible] помощи вам принесу только утрату и сделала все еще сильным. Сил скоро уйдут и перестанут повиноваться. Думаю, что для всех не [illegible] возможности общения с нашими любимыми, а теперь понимаю, что присутствия живого близкого человека, скоро не заменит. Но непоправимые вещи.

Хочу спросить вас о том, как мне отнестись к своей [illegible] своих душей и сердца. Раньше все они в полные приходили мысли, неверующие легко забывающиеся, тогда же. Но этому свойству души их особенность. Надеялся на чувствах и внимательно, но теперь это бывает редко и мало и на пустяки своего сознания, потому что теперь иду на любимый. Их чувствую как целый поток мыслей в виде [illegible] сердце и при мне отнять чувства, где мой. Сравнялся потерять их одной, и они с ограда их выражения всем своим существом. И лишь поверхностью боюсь отсебятины; кому она нужна. Если бы мало было около, она обнаружила бы и сказала, как ужасно и равно все, что было некогда. Но я чувствую, и он избегает подобного. Я чувствую с вами этой подлинностью, но чувство чувствительных близко сердца. И если можно, очень хотелось бы знать про вас, о ней про себя, как относится этой будущей моей [illegible]. Время они ждут больше.

Вчера пришел домой, сорвав голос на работе, что [illegible] говорить с [illegible] голоса, и простыл, которые [illegible] говорят

и может чувствовать. А я чувствую, какое чувство чувствительности. Вчера, в утро записалось: „Вы материально нервно напряжение. Не могу быть столько без продолжительного напряжения полюсов. Лишь они дают соединение и вершину. И только утром, проснувшись в напряжениях и трудностях, плодотворно. Трудно примирить сознание с этим законом продвижения. Трудно убедить себя что хорошо претерпеть за доброе, за прямые и страдания". Но нет пути нет. Вспоминаются ваши слова: „Я каждый день утверждаю себя в радости преодоления". Но хотелось бы достигнуть до встречи, не растратив ни сил, ни здоровья. Ежа да так чувствительно постарела и нервы сдают. Это очень трудно. Вот почему она и беспокоится.

Сейчас сижу под тихомом Майори № 27/1, 37 года хотелось бы поработать более интенсивными часами, но время приходится рассчитывать по минутам, чего раньше никогда не было.

Очень бы хотел страшной нашей утрате нашего Майори. И буду весьма благодарен, если бы можно было воспользоваться и другими, быть может более крайними строками, кто-то просто, но кто знает, может быть и они кто-нибудь напишет. Родная, и любимая, знайте, что кроме ваших писем и открыток, которые они всегда приносят, нет ничего лучше радостно оживляющего сердце и сферу своей личной утраты. И еще очень прошу Вас обратить внимание на слова: „Вы самый лучший мой друг, сына твоего тебя сохранно, утверждать прим". Еще раз хочу спросить Вас, разве Вы знали что Гр. Цир. была переведена нашим сыном (2 года) и Е.П. (первая) сестра несколько лет тому назад? И еще раз хочу напомнить, что при встрече, времени Вашего отпуска, можно полностью распоряжаться так, как найдете нужным. Очень был рад прочесть, что строки о которых Вы писали, более оптимистичны быть не могут. Да и для организма нервно вредно. Вчера так чувствительно реагировал на встрече с внучкой и любимцем утра, горько сокрушаясь на чересчур близкое отношение своей личной нашей утраты. У маленькой Олечки оказалось, что не только отец пьет, но и мать и утро для нее сделалось очень трудной. Вчера ее родственники увезли домой к себе, но не долой, а как раз наоборот и долго, но она решительно сказала только домой, куда и мы, несмотря на приглашения. Лишь бы удалось дожить до этого счастливого времени. Можно ли быть вдвоем уверенными что это будет последний год, это встреча, потому что, в прошлом отпуске, пришлось, что-то думать и мне, и нам с Ниной. Да и разработок наших немецких и вышло на голоса. Но к этому как-то уже привыкли. И так, надеясь и любя еще раз горячо обнимаем с нашими новыми годами. Наши поздравления и пожелания на сердце. Как всегда благодарят сестрами и братьями. Целуем Серегу. Ежа.

Не вижу письма Ларисы Викторовны.

Не покажи ли Вы мое письмо в Гордеево от 30/XI?

19 Декабря 1952 67

Дорогая Елена Ивановна! Поздравляю Вас с Новым Годом и наступающим праздником и желаю всего лучшего.

Моя родная, моя далекая, моя любимая, как тоскует моя душа в тяжкой разлуке. Хочу быть около, хочу быть с Вами, силой взаимного насыщения - утвердить себя и облегчить Вам путь Ваш неизмеримо трудный. Почему судьба не дала мне возможности быть с Вами и поддержать Вас в тяжкие часы утраты Нашего Любимого, когда Вам было так трудно? Правда, я тогда еще ничего не знал о нашем прошлом, далёком, но чуял (и даже писал) что во мне Вы нашли бы и опору и поддержку. Знаю, как ничтожна она, когда около В.Вл., но даже при мысли о том, что мы будем вместе, я чувствую такой прилив сил, что, кажется, горами могу двигать. И знаю и твердо уверен, что это ощущение станет реальностью, когда будем вместе. Знаю и то, что в этом ощущении и предвосхищении силы, и Вы найдёте опору для взаимоусиления обоюдного. Если за тысячи верст Ваша мысль вдохновляет и поддерживает меня в исполнении Ваших желаний, то что же будет, когда исполнится мечта моей жизни и станет действительностью. Она укладывается в трех словах: быть около Вас. В утренний час предрассветный, предшествующий встрече нашей, душа особенно тоскует о моей дорогой, любимейшей и единственной. Не думайте, что это тоскование инертности; нет! к встрече готовлюсь, и так хотелось бы поделиться тем, что говорил мне В.В. Мечтаю о том будущем, когда после трудового, напряженной работы дня, в тишине вечера, когда замолкают шумы земные, можно будет хоть несколько минут побыть около Вас и поде-

Я ночь на 16 ул. видел во сне нашего Любимого, он сидел у моей [illegible] и читал мне из какой-то книги. Одноместья просил повторить что-то [illegible]

литься тем потоком запечатленных мыслей, которые идут от Вы. Кто, как не Вы, сможет утвердить их и вдохновить на новые нахождения. Но утверждение нужно, но поделиться сердечными накоплениями так хочется. Отрывки о Матери и прочее, о чем писал, лишь только отрывки. Любимая моя, моё далекое солнышко, если бы Вы только знали, родная моя, как Вы мне нужны! Как стосковалась моя душа в далекой разлуке. Даже во сне давно Вас не видел. И даже во сне, когда вижу, получаю утешение и компенсацию за грустную явь. Мама, моя светлая Мамо, я Вас очень люблю. И если Вы будете даже в тысячу раз больше, то, куда бы Вы ни поднялись я всё равно буду Вас любить, как близкую, близкую, родную, родную и мою, мне по праву принадлежащую каким то уголком своего сердца, и именно такую, простую и доступную, именно своей простотой. И я рад, что превыспренность ходульности устрашает Вас и претит Вам. Много их захлебнувшихся величием своей недосягаемости и напыщенности. Нам их не нужно. — Ни Вам, ни мне. Любовь свою посылаю, но не кусочек, а целиком. Когда моё далёкое солнышко засияет и для меня? Когда особенно трудно хочется думать о будущем. В сущности говоря, если бы быть около Вас, как легко и как просто были бы ждать в условиях постоянного и напряженного труда. Будущее без нашего Любимого, Вас и В.Вы мне не нужно, ибо немыслимо сердцу. Сегодня день памятный и сегодня пишу Вам. В этот день сын Ваш много запечатлел о нашем Любимом для будущего его утверждения. Сейчас начал письмо Матери от четырнадцатого мая тридцать седьмого года. Жалею, что не могу порадовать быстротой. Нинка поправляется и шлет привет и поздравление. Поздравляю с Новым годом и Праздником Юрия Николаевича и всех Ваших. Ему большой привет. Не согласен, что наш Любимый где то далеко. Чувствую его близко. В свой день памятный не сделал так, что этот день оказался свободным от тяжелой рутинной работы и, мало того, два раза, предупреждая заранее, чтобы не беспокоился и день мог весь посвятить ему. В кажущемся случайном сны не верно, а их [illegible] указаниями и [illegible] [illegible]

11 янв. 1959 г. 68

Елена Ивановна, любимая, близкая и родная, как выразить мне Вам свою благодарность за Вашу любовь и заботу. Уже говорил, но мне хочется сесть у Ваших ног, взять Вашу левую руку, прижать ее к своему сердцу и сказать: Мама, моя любимейшая, слышите? Это бьется мое сердце любовью и великой признательностью к ВВм и Вам за всё, за каждое Ваше слово, за любовь Вашу, за ласку, за всё. Нет у меня слов достойных, чтобы выразить всю глубину моей признательности. Скажу, что ни одно Ваше указание или совет не вызывали в моей душе такого радостного и желанного отклика, как слова Отца моего, мною глубоко любимого, о том, что должен явить любовь и преданность Ему и любовь и преданность Матери. Всё моё существо радостно и охотно, и с желанием готово звучать на эти слова. И когда я, вечером, думал о них и своих ощущениях и чувствах, Он и Вы были так близко, так тепло близки. И вот, до краёв наполненный этим этими чувствами, хочу выразить Вам, моя любимейшая, свою любовь и признательность и сказать Вам в тысячу первый раз, что я Вас очень, очень и очень люблю, мое далекое, мое любимое солнышко, радость моя. Спасибо Вам, родная за всё. Если бы знали как во-время пришли Ваши слова поддержки. Мне было нелегко. И это Вы верно почуяли, но не столько от трудностей внешних, сколько от того, что за несколько дней до этого я вдруг почувствовал, что Отец далеко, далеко, что Он, как-бы, забыл. Это было очень тяжко. Но вот перед глазами строчки Вашего письма, и всё тотчас же сразу вернулось. Как мне нужны были, и, именно те самые слова, которые Вы написали. Мама, родная моя, любимая моя, пусть никто, никогда не узнает о моей любви к Вам и о Вашем ко мне отношении. Оно для меня столь дорого и сокровенно, что в таинство взаимоотношений Матери и сына не должен никто проникать. Это ничего, что Нинка знает. Но даже ей я не читаю моих писем к Вам. И мне уже странно и как-то не по себе называть Вас Елена Ивановна, хотя я люблю это имя, ибо в сердце звучит другое, такое близкое и дорогое слово. И это сейчас осознаю как-то особенно ярко. Мама, я Вас очень люблю. Вы говорили о закрытом лике. Я знаю почему закрыт лик неповторяемой и един-

ственной, ведь она отображает и олицетворяет собою Её. Лик Свой Сокрывшую, и Всё Лире Лик Свой Сокрывшей, предпочтет. Отходя ко сну и прося Отца, чтобы защитил меня Любовь и Его, и Мать и нашу Любимую. Сегодня Бью скорбно: "Любовь-это крылья духа. Крылья духа — любовь и Вы". И если хочешь преодолеть Всё, если хочешь стать неотразимой, если хочешь победительницей, если хочешь достичь высочайших вершин, то Скажу тебе лишь одно слово: Люби! Тот, кто понял и почувствовал это великое чувство-вместе с тем и победитель. Ибо нет ничего и никого, что могло бы стать между твоею любовью ко Мне и Мною, как мощь пламень, сжигает чувство любви Всё преграждающее и стоящее между Мной и тобой, и тогда путь прям и чист, чтобы влюбок туда Вы. Свет Мой, помни, бывают чувства неудержимые настолько, что способны изменить ход истории. Архимед сумел, что он смог бы поднять землю, если бы нашел для своего рычага точку опоры. Свет Мой, вместимую, рычагом любви сможешь поднять и повернуть нашу планету. Любовь-это ключ от врат к Моему Сердцу. Его достигнешь. И если сердце твое переполнено любовью к Вы, умножь ее десятикратно, и если умножил ее в десять раз, умножь в сто, в тысячу раз, пламя даст о беспредельности нашего счастья! Вот такая логика сказочного. Пишу потому, что помню не на словах, а на самой чувственной и сильной ноте, и мне, как Вечную преодолевающую трудности, которые все в сравнении с этими испытаниями. Не смотря на [illegible] 6 Вашем письме о любви [illegible] мои поправки к чувственной правде, но чувство очень многозначная. Когда ни моего любимого сомнения касаются меня, они доставляют мне массу волнительностей. Мама, спасибо! А что же будет, когда любимая моя будет около. Мама я столько думаю о Вас. Я ни без Вас ни сам Вам. Вы как мне нужны. И когда увидимся, мне столько нужно сказать Вам, сразу не выскажешь. Петр Лих, как был приложившимся, так им и остался. Книг у него почти нет, одна, кажется, да еще Гаша В. то, что прислала, ему осталось без отклика. Он на актов больше смотрит. Беспредельщину не понравилась. "Не поняла", говорит. Очень обрадовался, что Вы его помните. Он всегда очень тепло о Вас говорит, но это всё. Отец говорит мне, что его не надо тревожить. Огорчила меня Ска. Она сказала что написала Вам так: "Мы с Борисом решили разойтись". Мама, я ни до чего не дохожу, она быть может расходится и расходится с своих эмоций и переживаний до незначительных увлечений, но я категорически отказываюсь в них участвовать и сколько я ее просил (а она говорит и очень проникновенно словами, что нас любит) ничего не писать ни от меня, ни за меня, но она молчит, и она всё же что-то продолжает привязывать меня к повозке и гибнущей своих эмоций. Родная моя, я прошу Вас, не поддавайтесь ни кому строить интриги. Строю горе мне тем, что причинила мне это вторжение. Нет у меня никого дороже и ближе Вас, мама, любимая, не поддавайтесь.

Мама, простите меня, но Ваш совет уделять мысленно время работе над письмами меня не удовлетворяет. К отъезду я смогу закончить всё. А здоровью моему это не страшно. Наоборот это будет чудесно воздействовать на него. А вот превратить по-настоящему творческий процесс в обязанность трудновато. Но скажу Вам откровенно, что после Вашего последнего письма все мои трудности в друг стали легкими, словно крылья выросли. Мне нужны Ваши письма, как воздух, как жизнь. Вы даже не представляете, какую силу и радость несут они в себе, каждое слово. Вы понимаете? Вдруг, сразу грусть ушла, от слова Матери, становится легкой. Тебя всё пройду, всё преодолею и духом окрепну, и силы обрету, пока мой любимый, далекий сострадательно посылает мне свои мысли и заботы. Мама, моё сердце в Ваших руках, успокойтесь тем, что хотите. В Ваших руках и ум мой это мягкий воск. Вам одной дано такую власть, чтобы не разделило Вас от Отца. Он знает. Он всё знает. Верит тому, какой Он большой, мощно-мудрый, и близкий. Вот сейчас пишу эти строки и думаю о Нем. Мама, я люблю еще больше чем думаю, много суперлативно и очень нежно. И знаю, что Мама тоже так чувствует. Она всё понимает. Лет десять тому назад мне было сказано: «Архат — не далекая сказка». Я знал, что говорится про меня, но почем это нужно чувствовал. Два года назад в январе, услышав космическую Отцу сказал! „Урвать ум отвлечен от личного и приблизить к космическому. Это путь Архата, ты идешь. Да! Да! Мой любимый, мой ученик, вступаешь на путь Архата, путь трудно-героический, путь скорби и счастья и путь не отмираешь. Ты помнишь я сказал: „Архат, не далекая сказка" — сказал Я тебе, и сказка стала явью. Тебя Урвать надо на пути счастья. Что Нам тигры и скорпионы, когда весь космос перед Нами. Восстань, гордо, для устремления в новом сознании. Предадим отжившее прошлое и будем жить будущим. Мой сын Урвать надо тебя в мире восставшего духа со Мной, с тобой. Сын Мой возлюбленный, трудно сказать Я Отцу Христово Единство Сердца" и еще „пойдем, пойдем победу твою над трудностями Урвем. А Я тебе говорю: трудности Урвать, как тигра ловка алмаза. Гаша Урвать наполняется грудью плоти, трудностями в горниле Урвать, но устремление к высшему вечному скорее да будет Нами. Вот и полагается мост счастья, по нему и перейдем все пространства и здесь и там. Так и говорим: пройти Урвать по сердцу"

Всё это я прочел, прочувствовал и решил, что это должно будет. Но вместе Вы прислали мою радость, когда Вы писали слова Матери в последнем письме, слова об Архате и архатстве сына Вашего. Как хорошо тепло

мне
Мирно́ почтительные и утверждение Марии
пора не в сравнении прочно на сохранение как
сами видите. Во-вторых это всё
скорости? Думали не хватит. Моя любимая если
бы вы знали как близко и чувствую вас и во эти
дни. Закончив эти строки, лег спать с мыслями
о моих любимых и видел во сне тюрьму и суд. Они
работали вместе в страшном напряжении. Даже
мелкие не играли внимания. И мне закончить
что-то было должно, стали со мной говорить. И тут
же видел во сне вас и начал вам рассказывать во
сне же об этом. Что видел их. И тюрьма. Да. Глаза и с
вашего разрешения и во сне же позвал Вашей.
Вы молчали и сильно переживали. Я был около, держал
вашу левую руку крепко в своих и напрягался всем
сердцем, хотел облегчить сильные боли, которые
ощущали в правом боку, где помещается печень. Потом я
положил обе руки на больное место и почувствовал
как вспухли ткани, словно большие опухоли. Боль
интенсивная была очень сильная, вам
было очень больно. Я был около и всем сердцем на-
правил помощь в больное место. И вы были такая
близкая, близкая и такая реальная. И с такой лю-
бовью и доверием и как к долгожданному и сострадатель-
ному отозвались к моим усилиям помочь вам, как буд-
то бы всё это так и должно было быть. Я потерял ту
близость нашей близости и равность ее и право мое
помогать вам, не вставая. Я больше и больше и больше
и чувствовал свои руки над впечатлением реаль-
ности сна. У меня осталось ощущение полно-
го и сильного тела, и мне очень хотелось бы увидеть
первое окно или нет? Пишу вам в сердце полно
радостью вашей близости. Вера Вы, мое дальнее
солнышко, не чуждо это, чтобы в этих строках.
Чуждо и далеко без слов. Никак сердцем не могу
вам это письмо и право его без конца и не
могу с ним расстаться. Готов думать, думать и
думать обо всём до конца. Вы говорите об автор-
тивном. Нет, я никогда так не писал. Спрос и
запомнил мысли со сна. Это было невероятно
трудно. Ибо чувства вашей полны только тогда
стало легче и голова не кружилась. Очень уста-
вал от напряжения. Потом с ней хочу подать и сил
не хватает, не поднимается, выбросив все из сознания,
просто отвлекаться всё что в нем посту-
пало. Это, наконец, стало так же просто и легко
как и обычное писать, и лишь по его любимо-
сознанию стремительно было отличать свое от не своего. Свои са-
мочувствия обычно мои и смерть это немыслимо,
а тут как раз наоборот, словно не я вас это делал.
И куда теперь перевернет правительство, это
мучительно представить мою работу. Спасибо! А
я все же думаю, что наш Красный Крест очень к нам
близок поступит время. Неужели конец его вос-
и слова уже осталось в памяти. Мир преобразится
куда только тело начнем освобождать. Это же второй раз
за этот год. Письмо надо кончать, и так уже слишком много
вечер сейчас напишу вам с Тер. Гр. Но очень мучительно, не смеет
мерзит уже. Куда мерзит. Комнату у них. И папа с мамой нервно;
она завела любимые диваны. Вышли на Вечер. Сегодня
закончилось письмо Матери от сестры уже мая 37 года. Мои вос-
приятия очевидно основаны на условии какого-то нервного срыва
Кончаешь ужасно, сейчас в прав. Вера это делал и полное
сознание что не нравится сна, но само сознание никого не огор-
и не пугало. И не хотел умереть. Это письмо через почему не дошло. Это
лучше чем мой отказ. Спасибо. Привет горячо целую вас. Ваш
Ваш свою любовь. Только все голоса [illegible] Ваш

22 февраля 1953. 70

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Поздравляем Вас с наступающим Праздником и шлем Вам свои лучшие мысли, чтобы осуществились все Ваши мечты и желания. Очень давно не имели от Вас весточки и очень о ней соскучились. Без них трудно. Оля видела в сне, что Вы опять недомогали. 23 января видел во сне Маверь и решил, что должно быть дошло мое письмо от 11 января. Писал и я и Нина. Написали большое письмо. Я написал вдвое длиннее обычного, и мне так бы хотелось, чтобы оно дошло. Ваше письмо от двадцать первого получили 1 декабря и на него отвечали и от всего сердца, ибо полно оно было благодарностью и признательностью за любовь, за ласку и внимание. Было бы так жаль, если бы ответ на него до Вас не дошел. Я потому и не писал, что всё ждал от Вас ответа на свое январское письмо. Решил, что Вам опять нездоровится и не до писем. Но, родная Елена Ивановна, если Вам трудно иногда отвечать, черкните две строчки, что письмо получили, и что нас с Нинкой не разлюбили; вот и всё что нам требуется. Вы писали, что надо явить еще малое терпение. Мне иногда кажется, что малое терпение еще трудно чем длинное, и, особенно, когда обещана встреча. Думаю, что нелегко и Вам, по сердцу своему чую. И когда мне тяжело, думаю: если мне тяжело, то каково же Ей. Думаю по временам о том, что вот у Вас гостила тогда близкая „друзьиха", и близкая и хорошая, всё же несоответствие тяжко сказалось на Вас. Говорю это к тому, что и меня часто огорчают и отягощают мои близкие. И близкие и свои, а тоже долго быть не могу. Но, родная Елена Ивановна, где же они, близость которых никогда не утомляет?

Видно очень долго надо пробыть вместе и ассимилировать сознания, чтобы реакция не была болезненной. А может быть вопрос, верное разрешение, ею, лежит просто в любви, которая не предъявляет никаких требований и не отягощает. И любовь бывает разная. Ека осталась без работы, и вся ее ярые переживания с ней связанные, которые весело захватывали ее сознания, так, что она и говорить то ни о чем другом не могла, оказались ни к чему. Всё попусту. Говорил ей об этом, но она не слушала. Это хорошо, потому что, если бы она продолжала свою работу, то свою первую систему она бы разрушила, отличительно, при своём отношении к вещам. Переживает всё бурно, что надо и не надо. Хворал у ней муж. Теперь стало лучше. Нашел для него хорошее лекарство. Сейчас у Еки настроение стало получше, а то сильно беспокоилась о муже. Да и понятно ей 64 года ему больше 70. Опасно болеть в эти годы. У него было очевидно воспаление мочевого пузыря. Нинка шлёт Вам свой привет. Хотя недомогания и повторяются и кишечник ненормален, все же улучшение, по моему, идет своим чередом. Сейчас я дошел до письма от 19-го июня 27 года. Почему то думаю, что до встречи придется хлебнуть всего вдосталь. Потому очень прошу, не забывайте! Очевидность мгновения сильна своей убедительностью и много огорчений приносит. Говорю о себе. Хотя и часто думаю о будущем, но представить себе его не могу. Так ярко, как хотелось бы, слишком велика разница между мечтами и действительностью. Иногда чувствую Вас очень близко, а иногда, как например сейчас, Вы далеко, далеко словно в Германе. Но видно так нужно, чтобы научиться стоять на своих ногах. А время идет и у меня виски начинают седеть и у Нинки много уже седых волос (она на 10 лет меня младше). И так хотелось бы сделать по желанию Матери всё, всё, что она скажет и так жаль ухудшающих у ней ожидания встречи.

Не забывайте. Пишу и навсегда Вам [illegible]

Ждем от Вас ответа на ливарское письмо. За письмо [illegible] сердечное [illegible]

Много думаю о Вас, что было [illegible]

19 Апреля 1953. 71

Родная Елена Ивановна! Очень о Вас соскучился и жду, когда любимое солнышко снова согреет сердце своими ласковыми лучами. Так и живу от письма до письма. Нетерпение встречи возрастает и каждая настоящая или кажущаяся задержка его увеличивает. Помните, Вы писали о перевернутой странице. Проснувшись утром в тот день я уже знал о случившемся и ровно через полтора часа. Сердце не обмануло, и дивно было в тот же день услышать почувствованное сердцем. Так жизнь становится сказкой. Много заботы и внимания имеем от ВВ и признательны очень. Вы писали, что сыну станет легче зарабатывать на кусок хлеба. Очень интересно знать относится ли это к настоящему или к будущему. Что касается моей жизни, то работать стало чуть не вдвое больше и тяжели. Иногда ни горло, ни легкие не выдерживают напряжения: горло хрипнет, легкие болят. Трудно говорить. Но ВВ сказал, что через напряжение невыносимое надо пройти не теряя ни равновесия, ни ощущения близости. Кроме того Он указал, что учиться приходиться в жизни и на жизни и что, я это уже сам вижу, каждый день и каждая трудность приносит свой плод поучающий. Чего не понимаю, Он разъясняет. Учусь на жизни. Трудно, но чудно. Получается изумительная школа жизни. Конечно, если бы не Он не выдержал бы напряжения. Так становится возможным проходить через все трудности. Вас это время чувствую близко. Когда думаю о Вас на сердце становится и радостнее и теплее. Но мамино ласковое слово очень нужно, и Вы правы: не насытится

им сердце, ибо хочется ему быть около любимой. Родители Нины хотят уезжать отсюда далеко далеко. Старику 75 лет, а жене его 70. Куда им ехать, зачем? Не понимаю. Но Нинку и меня это ставит в почти безвыходное положение, ибо она осталась беспомощной. Надеюсь, что ближайшие месяцы изменят их решение. Когда же все-таки можно надеяться встретиться? Ека было позавчера и сказала, что может уехать через пять-шесть дней. Расстаемся по-хорошему, рады ее отъезду, ибо уставали от нее. Дорого ей достался последний год. Следит, а руки и ноги дергаются непроизвольно при каждом слове. Работа учительская сказалась на нервах. Спрашивала что передать Мавра. Но по-хорошему сказал ничего, т.к. пишу сам. Сказал так потому, что не хочу ни искажения, ни умаления. О нашей личной жизни и о близких, о том чему они радуются и чем живут она ничего не знает, потому, если будет писать об этом, то это не будет ни моим желанием, ни выражением действительности. Может быть чужие края и люди, научать ценить единственных людей в ее жизни, нас с Нинкой, которые одни только у нее и остались. Родная моя, Вы не огорчайтесь, внешне отношения остаются такими же, какими были все эти годы, т.е. Она говорила, что нас любит, а мы верили, несмотря на то, что поступки противоречили этому. А теперь подвели итоги, и стало нам грустно. Оля, по просьбе сына, послала Вам карточки близких. Хотелось бы только знать, понравятся ли и стоит ли брать с собой. С ответом на это не торопитесь, т.к. месяца через два еще напишу, как, что и почему. Нина шлет привет и Вам и Ю.Н. и от меня ему также большой привет. Ваши письмо от 26 фев и 11 марта получили и свяжили дрожь даже девятого марта. Спасибо еще раз за внимание. И Ежи с отъездом получается задержка, но она надеется уехать дней через шесть. Очень хочу видеть Всегда и навсегда Ваш Ваш сын Борис.

Родная Елена Ивановна. Спасибо Вам за внимание и память. И когда я думаю, что трудно мне или никак, то оказывается, что Ваши трудности даже и представить себе невозможно. И мне очень стыдно, если между строками моих писем где-то проскальзывает нечто, могущее отяготить Вас. И теперь, даже на самых трудностей или неприятностей, я не позволю такому очевидности временной лишать себя бодрости. И если скажу, что трудности и отягощения бывают всегда, куда мысли с собой новые неприятия и терпение, с ними особые тучки. Казалось бы, должно быть наоборот и широкая душевная окрыленность, но уверен учит этому. Так еще замечаю, что только каторжный опыт и, немного, трудовой учит, и тому тому чему надо. Но не об этом хочу писать.

Любимая моя, мое далекое солнышко! Вот опять вышла мне гу-за тучи и своим далеким лучом ободрила нас. И мы уже успели о ней стосковаться. И все поссорились. И она видела, что Матерь недомогала и сильно, так, что сын ей будет нужен. И все в одном она не знает, что об этом Вы мне писали. Елена Ивановна, родная моя, Вы мне нужны, как воздух. Без Вас нет для меня жизни. Всё выдержу, но с Вами, с сознанием того, что Ваша любовь не зависит ни от времени, ни от расстояний, ни от людей, которые тогда уже будут питаться ветром между нами или выпускать клевету, как только заметят Вами самые внешние. Потому и хочется оберечь Вас, уберечь, что, дорогая моя, уже ничего нет. Потому и сжимается больно сердце, когда узнаю, сколько было сделано раньше попыток сострочить встать между мною и нашим Любимым и как-то его отдалить. Потому берегу Вашу чудную и огромную, как целую реку, и все, единственная и любимая моя, только прошу об одном: пусть никто не вторгается в то, что для меня так дорого. Я и Ваш без Вас не имею никакого, ни работы, ни своего продолжения, не существую Вас от Вас. Вы и Он в моем сознании одно неразрывное целое. Потому увидеть Вас и быть с Вами для меня значит нечто гораздо большее, чем Вы думаете. Вы так привыкли к себе, и считаете всё в себе таким, каким оно должно быть. Но со стороны, где еще любящего сердца, куда видны, и потому, я хочу и буду видеть в Вас то, что вижу и то о чем сказал мне Он. И как Вы можете судить о себе, когда не видите себя? Но это потом и буду говорить о нем, когда придет мое время и буду говорить так, как о людей единственной и любимой еще никто никогда не говорил. Потому и хочу быть к ней ближе, как никто ближе, что бы никто не мог вторгнуться и вмешаться во взаимоотношения Матери и сына. Я уверующий буду и есть. О Жизнетворящей Матери уже говорил. Скажу и еще. Не забывает меня Бог и я тоже не знаю горжусь ли, удивляюсь ли, или уже просто встречаю Матерь Божию как она есть, не имея настроения в удобство приспособить, как удобное. Трудно с обыкновенностью

Сегодня утро или вечера привыкнуть к необычности мысли Нет. Сережа, но зато, как радостно. Письмо Вашее от 26 февр. получили. Спасибо еще раз за неё. Это письмо начатое вчера, а сегодня у нас большая радость: получили письмо от нашей дорогой и любимой от одиннадцатого марта. Я даже глазам своим не поверил, и была там сделана приписка „вас обоих не разлюбила". Вот это как раз то, чего так (наши) мало у нас сейчас, и так радостно забилось наше сердце и, несмотря на самые (наши) скупые, но так соскучившиеся по ласке Матери слова, в наши удовлетворенные (наверное) души, все-таки они. И если эти слова будут повторяться еще сто раз, не устанут их слушать. Что хотите со мной делайте, а мне они нужны, моя любимая, моя хорошая, моя милая, и моя мама. И я Вам никогда не устану твердить о своей любви и в каждый абзац она в сегодня будет звучать по новому, ибо горит в сердце моем живым огнем. И было в этом письме что-то теплое, и такое близкое, как будто бы мама сняла еще одну перегородочку со своей души и стала еще ближе. Много их было, этих перегородок. Мое любимое солнышко, мне так горько, что не могу помочь Вам. но когда кончится, вы тогда какой-нибудь работы делать не будете. Все буду делать я для Вас и, именно, так как сделали бы это Вы, Вы будете только распоряжаться. Вы никогда не скажете мне этих слов „я одна", (когда мы будем вместе) и что „никто Вам не может помочь". Я чувствую, что смогу и именно, так как Вам нужно. Почему судьба лишила меня счастья быть около любимой и заниматься мелочными делами, когда все свои силы с радостью я тогда бы отдал Ей. И именно, с радостью; чтобы Она смогла всецело посвятить себя тому, что сможет сделать лишь Она. Делать эту утомительную работу, когда так Ей это нужно помочь, делать ее Вам самой!! Обидно и грустно. Но видно так нужно. И еще моя любимая, не хочу быть в этом письме, о больном. Что курс не дошла Вера-гэ, в которую вложен столько сердца. Потому и ждет она Вас с таким нетерпением. Как говорит поэт: „Мне так нужна Ваша детская ласка, воздуха, солнца и зрения". Но мне столько надо сказать и сказать, что у меня не знаю с чего начать. Может, попробовать с середины. Может сосредоточить внимание с содой? Может смазывать нос вазелином с ментолом? У меня отвратительно сохнет слизистая оболочка носа. И еще тому назад после тяжелой зимы и бед с Юрой, у меня появилась в легких кровь. Доктор Ушерович меня в госпиталь не взял, чем очень (начальная) стал страху. Через три недели кровь перестала. Это не туберкулез. Легкие здоровы. Это какая-то с нервная (и по времени) слабость сосудов легочной ткани. Потом это повторялось. Было и в прошлом году. После утомительной прогулки за город вверх в 22. Я лежал дома. Начался кровь, а на другой день опять появилась кровь. Но это раз от очень сильного перенапряжения. В среду 18 марта была Да Мишина тетя. Поднялся боль в сердце потом в легких. Я лежал с

ни наклоняться, ни сильно двигать руками. И еле смог проверить тетрадки ученические, и то, пролежав шесть часов в постели. Вр. сказал, что на завтра буду здоров. Но утро был здоров, но опять появилась кровь, но через два дня исчезла. Только еще говорить по четыре часа трудновато. Обычно в это время вижу много цветных звезд. В свое время мне было сказано об этом не беспокоиться. Но хочу спросить, что это значит? Доктор мне тогда вспрыскивал тромбоген и очень беспокоился. А я чувствовал, что тут ничего опасного для здоровья нет, нужен лишь покой, но его нет, как нет его и у Вас. За два дня, до Вашего последнего письма мне было сказано о Матери: „ты, Матерь, Отец — три ступени. Она тебя любит и знает о тебе много больше, чем говорит. Но потом скажет, если не все, то многое. Моя нераздельно: была, есть и будет. Близость Наша достигла крайней степени слиянности... Арору духа надо беречь, дабы не лопнули хрустальные струны. И никому касаться ее струн не дозволяется: лишь самому, или Матери, или Отцу. Не щадят люди струн сердца, и обращаются ужасно не только ~~не только~~ с чужими сердцами, но и со своими собственными. Мало настроить ее, надо удержать строй, иначе Мои касания не вызовут стройного аккорда. А Нам предстоит выполнять даже целые сторонни. Будете ценимы по умению обращаться с аророй духа ближайших, высших вас. Когда будешь с Матерью не забудь этого. Любовь к Ней со стороны близких, но при непонимании должной тонкости обращения, много Ей тягости причиняла и нарушала настроенность Ее организма до такой степени, что Она буквально болела от любви и заботы и внимания неутонченных сознаний. Можешь дать Ей любовь, заботу и понимание, но потушишь уявления своего малого я в присутствии Ее. И спокойствие духа, невозмутимое и твердое, пусть будет ключем открывающим двери близости. Любовь хороша и нужна, но в спокойствии духа уявленная. Надо настроить себя так и привести себя в такое состояние, чтобы Она в твоем присутствии отдыхала духом, не давая тех напряжений, которые от Нее бессознательно требуют все, кто приходит с Ней в соприкосновение. Это очень утомляет. И длительного общения при ~~такой~~ подобной установке сознания иметь нельзя. Потому приучишь себя тушить своё я в Ее присутствии, дабы не тревожить Ее токами, от тебя исходящими. В тебе должна встретить то, что чего еще никогда не

4. встречала. Не в одном человеке. Все, всем существом своей говорили: „Дай!" и требовали. А ты давай сама, и ничего не требуй и тебе будет твое получение, и оно само найдет естественно, не отягощая сознания. Надо настроить себя так, чтобы чувствовала в тебе опору несокрушимую во всём. Все, соприкасаясь с Ней, будут думать только о себе, а ты думай только о Ней, и о том, чтобы дать. И поймешь, степень давания и приобщения Высшим, есть степень получения. Пусть каждое Ее начинание найдет в тебе одобрение, поддержку и утверждение. Через тебя будет творить, но через тебя, о себе позабывшем. Нити сердечные между вами утвердим. И узнает доверие и любовь ко к тебе. И когда души придут к Ней, чувство свое инфицируют интуитивное узнания, ты молчи и знай, что истинная любовь творящая, но не отягощающая. Она светит, как солнце, не ущемляя и не подавляя и не утомляя того, на кого она направлена. Умей любить. Это великое искусство. Многие полагают, что любовь состоит в том, чтобы направить всю самость свою на любимого. В Высшем задыхаются от такой любви. Трудно выдержать ее долго. Будь незаметно направленным, не утверждая себя, но привлекая всего себя на служение. Любимый мой. Мама, мой любимый, мой солнышко, моя единственная и неповторяемая, я Вас очень, очень, и очень люблю, жить и любить и быть Вашею всегда. И очень хочу сейчас, сейчас быть с Вами и посидеть Вами. Ваше письмо от 14-го получила. Блаженство вперемешку от него. Нервное. Мое волнение и Ваше радостное? Вы чувствуете очень мудро. Мама, мне хочется сделать Вам маленький подарок: сердце свое Вам отдать безраздельно. Но разве можно дарить то, что уже давно, давно, принадлежит Вам, моей любимой. Что в каждом письме мне надо от Вас, хоть бы два словечка, чтоб пробыть. Знаю это, но это надо для сердца. Оно говорит из голодных. Остановилась на письме Матери от 13 июня предыдущего года. Мучительно, сама знаю, но работы сейчас тут по горло, больше чем до полночи. И очень рано. Вашим словам, что скоро произойдет большой привет Горькому Николаевну. Вот, будем ждать увидеть. С чувством глубокого сострадания. Очень помогает, как прекрасное средство от простуды и жары. Это дышало очень мало. Шлю Вам и Ваше и любовь свою и благодарность за ласковые и нежные

Целую, Ваша, Ваша Вера

26 мая 1951 г.

Дорогая Елена Ивановна! Ваше письмо от 14 мая получили. И хочу вам сказать, что оно застало нас сильно приуныших. Результат тех двух дней такой: Елена Ивановна, лаская, нежная и родная, я вас очень люблю. Бросьте, пробирайте, поругайте, но пробудьте. И не забывайте что ближе и дороже вас у нас нет никого. Мы рады, я рад каждой строке вашей, даже поругивающего и потому хочу вам сказать еще раз, что я вас очень и очень люблю. Вы знаете, что каждое ваше слово производит на меня особенно сильное впечатление и потому я очень много думал над тем, чтобы правильно понять давешний урок и осознать, в чем заключалась критика. Вы нарвали еще „прекрасной" ругани. Вы это подтвердили. Вы не могли ошибаться. Нет ошибок у вас в определении моей сущности. Конечно, мало, чтобы Вы считали, что я плох, когда говорил о горечи того, что было. Например, когда наш любимый был в пекле, Ека поехала туда. И накануне встречаясь с нами, по нашим словам не обнаружив, что она едет, и мы только после ее отъезда узнали, плохо сделала. До сих пор больно об этом вспоминать и не только об этом. Итак, Вы не думаете, что я плох, во всяком случае, говоря о прошлом. Так в чем же моя ошибка? И еще Вы знаете лучше меня. Вы знаете, что она не есть совершенство. Ну а я? Разве я сам совершенство? Разве во мне самом мало того, что требует постоянного преодоления. И вот он меня со всеми моими недостатками и слабостями, нарвав сына, и Вы и Мать не оставили мне ни одной моей черточки, а наоборот вырвали во мне все лучшее, что есть, раздули его и поддерживали. И радостно было всегда спорить в защиту вырванного. Ну а я, разве я так же поступил по отношению к Еке? Нет, не так. Вот в этом то и должна быть моя ошибка. Сознание только это сад. Но в нем растут всякие травы и цветы. Надо уметь отличать лучшие для их культивирования и роста. Что было бы если бы Вы стали судить меня по будущему, что есть во мне и по тому и на меня на будущее строить мое будущее. Лучше мне было бы не жить. Значит не имею права поступать иначе, значит мой долг видеть хорошее и культивировать. Думал много, и должно сознание другим, как бы и рамки ограничения и недостатков и побудило его-нибудь, где-нибудь и высказаться. Потому, в существенной степени, должен смотреть на все лучшее и другим сознавать, и умалять недостатки или вовсе о них не думать. Знать надо, чтобы умело пользоваться ядами. Но знать - это одно, а видеть плохое это другое. Плохое в нем самом, плохое и хорошее и плохого, а кто кроме Вас может иметь такое знание человека. Так сформулировал этот урок, чтобы не судить, становится для меня более понятным. И вот только граница между обсуждением и осуждением. Сколько приходилось их с нашему Любимому и хорошим, и плохим, но все уходили с радостью и лучше, чем до прихода. Чтобы уметь видеть в плохом самое лучшее, и мне было бесполезно, находя в доме. И Вы мой дали полезный урок, каким я должен стать в суждении о людях, чтобы угодить Вам, Матери и дать близким, хотя бы слабое подобие той радости, которую они дали мне, видя в них творчески культивируемое в них сознательно, не плохое, но только хорошее.

Судя о человеке и его будущих поступках, по прошлым его поступкам, мы ограничиваемся его улучшение, сам метод приняты сосредоточиваемся на поступках человека стороны его сущности, которая сейчас почти у каждого человека. В этом заключается моя вторая ошибка. третья: критерий оценки человек для знакомства или нет. Она очень безусловно и очень черная. Следовательно, совершенно не хорошо. Было мне кому-нибудь приятно с ней или нет. Личное отношение ошибочно. Критерий ценности человека для знакомства безусловно. Таковы мои критерии, относительно Мурочки сущности ИВ. и Вани. В этом моя третья ошибка. Примером мерки обывательские, и вызван на свет ... мягкого диктует коррективы или более удачного урока. Справедливости ради, все же должен сказать, что это последнее качество Кеню в ней предполагал, ничуть так подробно потому, что хотелся ошибаться. поменьше а также не огорчать вас. но хотелось просто, по-человечески поделиться наболевшими мыслями, забыв о том, что маленькому нет места там, где творится сознание человечества. Мыслить нравственно, видя в сознании человека лишь горькие травы, горечи не избежать. но мне. Никак всегда стремишься сглаживать острые углы и жгучие трещины, ибо ударяешься сильнее с ясной сознанием до конца. писал же потому, что. Вы для меня всё и если между мной Вами вклинится другое сознание, то лучше не жить. Так, что ошибаюсь, и что это не будет Ну, хорошо, сказал всё, что хотел. Ека нас поймёт и идет навстречу другой теории. Что ее отрицает. Конечно, мерзко стар и старей остаться ее одну и среди чудесное. но видно не нам думать о личной жизни. Мне бы хотелось, что бы мой любимый и ... солнышко, ласковое, но любимое, снова вынырнуло из-за бюрократической (разорвал приписку о Ека) ласково сказало бы мне о том, что я писал в прошлом письме, но ничего о Ека, а о своих восприятиях. Ведь мне очень хорошо иметь утверждение в правильности осознанного. Это мне даст силу и уверенность для нового. Я очень любить мою маму, которую. Она меня прощает, ибо чувствую ее любовь, которая мне нужна, как воздух. Чудо, что эти дни были мне одно душевное и по хорошему и любовно. это рано нашей Вас все. Какой радостью было переполнено сердце, когда я, открывший дверь около Вас. Обнимаю Вас: горите вей, наслаждайтесь сами нашу, но только не забывайте и любите. Вы у меня одна и с вами и никого и не могу расстаться ни при каких условиях. Мама! я Вас очень люблю. Вы моя радость. Кажется мне, что кто Вы писали последнее письмо, вам было очень трудно, но от моих напряженных сил, нет, но от состояния атмосферы. Уверена, что по моей ранимости, к моей нашей теории, забывая инструмент. Поэтому мне, почему пространственной тяготы всё увеличивается? И сердце не чаще остро и болезненно? Почему это так? Кажется Вы сейчас должно быть наоборот? Ека видит Петра Диксенка! Он попрал чистую веру и попрал посланца, как он мне успел и верит, что ИВ. И это после всего того, что я слушал его чтение в печатном. И не он прав и его нечистую веру и поступки о нем письма. Но мне это простить, или это такой урок, который приведет его в состояние полной бесчувственности, ибо он уже потерял способность анализа и критического отношения к написанному. Он верит что каждое слово идет от ИВ. Ека с ним и с ней познакомилась и тоже скоро ... ей об их ошибке, но самое Урока забывчивости не чувствует. Она с этим сама вам напишет. Что уж мне. ... Меня он не слушает. Может быть Вы найдете более верные, сами это надо, написать ему

хотя бы два слова о том, что он ошибается, ибо он считает, что ошибаюсь я. Словно забыл он обо всем, что я ему говорил. Он лечит и, как говорит, очень удачно. например. сегодня сказано ему о причине бесплодия одной больной женщины с умом дипломом медицинского института, требующим специальных медицинских назначений. Он последовал дальнему совету, и (сокращая ранние времена, теперь) хочется стать матерью. Он говорит, что подобные случаи, рисунки и советы удивляют очень быстро своим, и что он абсолютно уверен в истинности поступков а в том, что он прав. Вы тогда ответили не совсем определенно. может быть сейчас скажете ему прямо? Ну, это решать Вам, а не мне. Так хотелось бы только уже ответить на наше письмо, но работы столько, что даже с такой быстротой дорогой переписки получим письмо Мамы, что мы очень порадуем. помните я вам писал что 18-и ... чувствах так больно в области поясницы и ... что мои боли были элементарным с туризма и ... Как Вы думаете? Моя ... и любимая солнышко, дорогая моя, так бы хотелось побыть с вами. Так бы хотелось поговорить от сердца к сердцу. Жду ... скорого, очень хочу надышаться и масса впечатлений должна решить как отдых. Вот уже три чувствую солнышко, и ... Мура, которые так хотел видеть Жека Если мы писали друг друг и четко видел ИВ. Полон мыслями о нем. Пока. С ответом о корточках гостях не торопитесь, пока не получите о них письмо. Вот уже и письмо то

толком написать не удалось, т.к. работы всё прибавляется. Оформляю еще несколько музыкальных вещей на свои стих. И так мечтаю о том времени, когда Вы их прослушаете. Легко принять до крайнего напряжения и понять ее умом, но сколь же трудно ассимилировать это напряжение сознанием и организмом и сколько усилий требуется хранить спокойствие, особенно когда трудом ляешься. Держает от нас наша дружина. Далеко в гуще жили, а ей так хотел быть с нами и поехать на родину. Но ее родители решили иначе. Будет писать Вам. Я о ней Вам один раз писал, но ответа не получил. Нинка Вашим письмом огорчилась, но я ее успокоил и сказал, что Вы нас любите попрежнему, потому надо радоваться всякому вниманию, и ошибки не повторять. Привет хорошо Николаевичу. Хотел бы написать более содержательно, но даже и это письмо дописываю между работой и домом. Мама, моя любимая и родная, мое святое солнышко, я Вас очень и очень люблю и всегда буду любить и всегда к Вам стремиться. В Вас у меня всё лучшее, все самое заветное что имею в жизни своей трудной и суровой. Крепко Вас целую Ваш провинившийся сын всегда и навсегда Ваш [illegible]

5 Елена Ивановна, родная моя, решили мы с Нинкой поговорить с Вами. Отпровержено. Ека уезжает, и мы, увы, рады. Устали от нее, от вечных ее беспокойств и переживаний. Трудный человек, хоть и свой и близкий. Кроме нас, близких у ней никого нет, со всеми отношения испорчены, ибо обижала. Мы старались обид не помнить и как то сохранили отношения, но это ухудшительно малость. Наша дорогая Ека человек своеобычный. Сама она рассказывала, что однажды любимый наш Н.К. не выдержал и 74 спросил ее: „Зачем вы врете?" Вот уезжает и будет Вам писать безудержно, и будет перевирать всё, что ей взбредет в голову, как взбредает здесь, и будет перевирать от моего имени и от Нинки. И никогда мы с Нинкой не узнаем, что она перевирала и что показалось ей очередной правдой. Мне иногда кажется, что она сама верит тому, что она врет, настолько это убедительно получается у нашей дорогой и неистовой Еки, ибо очень часто она проговорится самой себе. Не это нас беспокоит, но мы не хотим, чтобы она вторгалась в отношения Матери и сына и между нами и Вами. Не хочу чтобы она, что нибудь от меня говорила, не верно ей; во всём будет умаление моей любви к Вам. Она говорит Вам, что нас любит. Она умеет говорить красивые слова, но, у вы все эти долгие и часто горькие годы доказательств любви

6. не была, но была много огорчений, о которых мы молчали. Когда
был наш Любимый, много здесь ныне она заводила и делала
много против нас, но мы молчали, не умеем этим заниматься.
И вот боимся мы с Ниной, что по примеру прошлых
лет и здесь, постараются в клиниться между нами и вами. Не
вынести мне этого, если она вклинится. В Вас у меня всё.
Она не потерпит моей близости к Вам... пусть делает она что
хочет, говорит что хочет, пусть будет лучше всех, как ей хочется.
Я буду молчать, ~~[illegible]~~, лишь бы не стояла и не встала она
(или кто другой) между тем, что для меня дороже всего. Она живет
своими эмоциями и вихрями текущего дня, а у меня всё
в Вас. Любимая Моя, пусть в Вашем сердце не будет средо-
стения посторонних в мешательстве в отношений нас.
Спросите Вку, Он скажет, что Вы для нас значите, меня и Ниньки.
Ска не может смириться, ибо раньше жили очень хорошо и была
прислуга и много, а теперь живут, как всю жизнь живем мы все.
Что тут особенного? И едет на спокойную жизнь. Муж поболел
но всю осень месяц. Я же ему достал замечательное лекарство,
которое избавило его от больницы и операции. Но Ска скорей от ну-
сит себя язык, чем признается в дорогостоящей моей помощи. Ну
бог с ней, признательности не надо, но с умалением в Ваших
глазах не помирюсь, умаляла всегда, вот и боюсь за будущее
невежество, умаление будет, ибо много было

~~77~~ 28 июня 1953 г.

Горячая и любимая Елена Ивановна! Хотел ответить на ваше письмо[1] сразу, но как-то не получилось, поэтому задержался с ответом. Может это задержка к лучшему, т.к. до этого время наше слово урегулировалось, а значит и к встрече стало ближе. Так мне было грустно узнать от вас что наш любимый Н.К. терял аппетит, сон. Но, действительно я говорил тебе, не от работы, а оттого, что усилилось время уроками и приходилось много говорить, до боли в легких. А вообще-то никогда не любил говорить, и мне это было очень трудно. Говорили грудь, напряжение связки и при этом еще легкие, чем окончательно подорвал свое здоровье. Доктор сказал мне, что простуженного года не болел. В груди, когда говорил, казалось, что у меня открывалась рана. Громко произносимые слова причиняли острую боль. Вот причина моего тихого голоса. Но умирать мне почему-то не хотелось, и я принял героические меры и поправился. Бросил саду (очень много), конференции и т.д. прекратил бессонницу. Не люблю говорить повторяемому, но прихожу, опять такие уроками, часа по три-четыре. Это дало своего рода испытание. Вы помните писал мне о Махабхарате и о Кастальском. Все это накопилось осталось и порвано и очень мало. В истории: муки страдания по гимнастике: бегать, прыгать, метать диск, снаряд, ядро и т.д. Один третий приз. Фигаро, плаванье в море вне почти по [illegible] ской скале. Потом было страшно смотреть, мальчишкой мальчишкой, не умея судить, плавать на камне по морю, без весла, на полметра от берега. Через минуту, конечно, упал, но до того несущая на камнях. На мыслях, катался с почти отвесной горы и так не сломал себе шею уцелевшего от всех пор. Потом раз в бурю в северном море. Все попрятались по каютам, а я всю ночь простоял на палубе, часто ухватясь крайней грозного моря. Так что, с прочной точки зрения голоса не согласен. Конечно, до чудака немного и мало что есть, что следует предоставить его беспредельности, но много чем сделал. Знаю [illegible] стойкий мужчина то качество, о котором вы пишете и потому обращу свое внимание, чтобы знать, как и где надо его укрепить. Встретимся, расскажу очень многое интересное. Ека наверное, уже приехала, но мы от нее ничего не получали, только в первом письме: как-то ей приехалось на новом месте? Напишу много. Обещала на написать Мадонне подробно. Ученица от нас очень Людмила. Скоро станет вдали. Мне очень горестно, когда она нас покидает. Она очень нас любит и нам

[illegible]

Спасибо за письмо. Очень хорошо, подробно, обстоятельно. Мне очень приятно получать такие письма. Я очень рада, что вы здоровы и благополучны. Вторая ваша открытка пришла вчера. Первое письмо я получила давно. Вы спрашиваете, почему я не пишу. Я писала вам, но, видимо, письмо не дошло. Я писала вам о том, что я сдала экзамены, что я получила стипендию, что я ездила к родителям, что я работаю в библиотеке. Я писала вам о своей работе, о своих родителях, о своей сестре, о своих планах на будущее. Я писала вам о том, что я очень скучаю по вас, что я очень люблю вас. Я писала вам о том, что я очень хочу вас видеть. Я писала вам о том, что я очень жду вашего приезда. Я писала вам о том, что я очень надеюсь на то, что вы приедете ко мне в гости. Я писала вам о том, что я очень надеюсь на то, что вы приедете ко мне в гости на Новый год. Я писала вам о том, что я очень надеюсь на то, что вы приедете ко мне в гости на Новый год и что мы будем вместе встречать Новый год. Я писала вам о том, что я очень надеюсь на то, что вы приедете ко мне в гости на Новый год и что мы будем вместе встречать

2 июня 53 г.

Родная и любимая Елена Прекрасная. Получили ли Вы мое письмо от 16 мая? В этом письме я писал Вам о ответе на Ваше пожелание, что пока Вы меня любите, я готов выслушивать всё, и Вы просите Ваше чувство не мерить своего поступками. Сейчас ругаете: пробирайте, ругайте, бранитесь, но только не бойтесь. Так уже я указал там, в чем, по моему, по-моему, я ошибался. Если письмо не дошло, скажите, я повторю еще раз, т.к. мне очень важно знать Ваше мнение, не нет ли у меня ошибок в мыслях. Уехала от нас Людмила. Хорошая девушка любящая и преданная. Конечно она будет писать Матери, я просил ее об этом. Сочинение у нее не особенно широко, балл с неба не хватает, но когда она уехала мы остро с Нинкой почувствовали, что так хорошо, как относилась она к нам и тому, что мы любим, как никто к нам не относился. Ей так не хотелось ехать, тебе не мечтала ехать с нами домой. Но родители ее увезли. Куда, зачем и на что? Что ее там ожидает? Начала с мечтой и единственной надеждой быть с нами долго. Она непременно должна добиться [redacted] всеми силами войти в семью и усыновить будущего ребенка. Так разлетаются птенцы. Усадьбу бросить, но время идет, откладывая решение на потом. Могу решать за себя, но как могу решить за других, если не знаю времени и взять на себя смелость. Пот нет с нами Оли, и все наши, вернее мои надежды на нее, утратили свое значение и стали неопределенными, а хорошее все остались и хочется вернуться с ней туда бу [redacted] ного балласта и начать, в по-новому. Думаю, что Нинка сладит у нас учительницей, пока нас заменяющих. Ибо теперь туда [redacted] ри конкурса неудержимых, конечно, и удачлив был бы еще раз написать Вам вскоре уже после Вашего письма от 6 мая, мне Ваше чувство так ярко и такой любящей и забавной, что решил дождаться ответа. И снова боюсь, не затерялся ли он, столь горе нетерпеливый. Оно пишет восторженные письма, но меня беспокоит ее сердце. Выдержит ли оно здоровье. В груди как остановится сразу. Тяжело ей, бедной, будет. Бьется [redacted] ри тяжело, сложно к жизни приспосабливается. Сердцу трудно. Вообще у нас страшная. Мечтаю о доме и ветре, и если можно, ну хоть немножко, хочу увидеться. Мама, Людмила пишет; когда будете отвечать, то отвечайте по-всей сразу, чтобы не получилось обременительно. Если только будет отдых займусь письмами Матери. Одновременно часто мне кажется, что самые [redacted] слова Матери о том, что Оля Ли пишет и сто

очень благодарю Вас за слова [redacted], которые Вы мне прислали. Терпение будет отмечено и оправдается при всех моих недостатках близкие и слабые Его у нас нет никого и быть не может. Думаю лишь о том, как бы, когда придет время, сделать все, что [redacted] ждается от меня. В этом уверенности и устремленности нет, но она и не будет мне сопутствовать, мне ко любящей и ухаживающей Оле поверх всего внешнего. Гадаю мало и чувствую. Маму буду любить всегда и почитать первой после Вас. Мое [redacted] Ближе солнышко, пожалуйста не [redacted] мои переживания. Родная моя, я Вас очень, очень и очень люблю.

ва о том, что встреча приближалась. Очень подтвердились Ваши слова относительно мотыльков; многие уже где-то раскаиваются, что поддались соблазну. Никто сейчас не чувствует запах, кроме аромата от Ваших писем, но всего удивительнее то, что когда она чувствовала Вас близко, она ощущала тот же самый аромат. Иногда обоняние у нас обостряется до болезненности, что в окружающих человеческих ароматов мало. Вы пишете, что думаете много о нас. Я очень это чувствовал, читая Ваши письма после последнего письма. Но эти дни нет той яркости. Мне кажется, родная Ты наша и любимая, что Вы тревожитесь о том, как я приму Ваше последнее письмо. Скажу откровенно, что, несмотря на Ваше огорчение и терзания, я почувствовал Вас еще ближе и родней. И письмо не отдалило, а наоборот приблизило. Вероятно, что и оно покажется чем-то таким. Но мне бы хотелось, чтоб Вы знали, что, все от Вас исходящее, будет принято с [redacted] любовью и признательностью за внимание и доброту. И очень хорошо знаю, где мышление идет по неправильному пути, т.к. трагедия человека заключается в том, что он часто не видит своих ошибок. Под. Ивановна Ваш рецепт относительно глаз применила, правда, в следствие болезни почек не особенно тщательно и перерывом, но определенно одно: ухудшение зрения приостановилось. Хочет продолжать лечение без перерыва шесть недель. Мне до того хочется Вас видеть, что у меня нет слов, чтобы передать свои чувства. Что значат слова Матери от того же одиннадцатого числа: „Я действую каменным камнем — конденсатор пространственного огня, притягивающий его и насыщающий его обладанием. Скажу нечто вогнутое: приближение (отдаление) много — дорого!" „Матери близкое постоянно. Чувствительней обычного. Потому нервно твое упорство и робость. Это путы обыденности. Любимое близко сердцу. Не тревожься и не беспокойся ни о чем. Разделение радости Моей и труды Мои и близость Моя и Мысль. В радости будущее творить забудь о горьком предрассветного часа. Свету явление счастья открыто". — Вот, что мне говорила моя Мама, моя любимая, мое солнышко, единственное, далекое-близкое, давнишнее. В этот час ее видел во сне нашего любимого Н.К. и говорил с ним. И Вас. Ведь было темно, и лишь там, где был Он и Ваш был свет. Страшно хочется писать и, главное, много. Но начать не хочется, т.к. теперь ошибаться нельзя. Надо уже мечтою написать хоть две-три как можно больше. Никогда не писал, а чувствую, что могу. Эх! если бы мне школу! Низко шлет свой привет и дочка, Вера ее крепко целует. Привет Борису Николаевичу. Много своего оставил в письме, что с ним с сердцем. Ваш и навеки В Ваших Вашу Вас. Вл. — Ветров идет.

Зорин

79 12 сен. 1953 г.

Родная и любимая Елена Ивановна!

Мне очень бы не хотелось, чтобы Вы думали что я пишу со своим здоровьем, или что я такое болезненное существо. Даже неуспевая всегда хожу на работу, лечиться очень не люблю, говорить о болезнях – хуже. Люблю свежий воздух, природу, купанье, прогулки далеко за город. Только вот приходится сидеть в городе без природы. Письмо Ваше от 28/7 получили, а также и второе от 31 июня. Очередную Миле ошиблась, потому что это не её ученик, а Ольчев и Ольга хотела писать мнение Матери. Я Вам об Ольге уже писал, что отец у них пьёт и мать тоже пьёт, и она хочет знать, можно ли ей, Ольге, сидать с ними себя на всю жизнь. И так это ученик Ольчев, а у Милы нет никакого ученика. Правда Белла ей, Миле, делал предложение перед отъездом (вторично), но она ему отказала. Есть ли у Вас карточка Милы? Пока я Ольге ничего не буду говорить до получения ответа Матери. Буду ждать ответа относительно Ольги. Елена Ивановна, родная, почему Вы так беспокоитесь о том, чтобы восстановить расходы доктора за памятник на могилу дяди Володи? В чем дело? Ведь я уже говорил что после смерти дяди Володи у доктора остались как-какие вещи, которые, по-моему, достаточно для оплаты даже и памятника. Но Вы продолжаете думать о плате. Меня очень интересует почему? Благодарность Вашу передам. Мне кажется еще что Ека уехала зря, не преодолев трудностей. А там, видимо, ей легче не будет. Пишет очень ласковые письма. Думаю что разлука нас сблизит, выветрив всё лишнее и неприятное, друг друга [illegible] получили Ваше письмо. То, что Вы пишете касательно нашего учения, я четыре года собственно и опыт. Вам напряжения тяжело и труда всегда были особенно по возрастающему. Вы пишете "мучительное перенапряжение организма подошло к концу, и после Монсуна я начну отдыхать и крепнуть физически". Не понимаю, что значит слово "Монсуна". Я не думаю, чтобы мы, воспитанники слишком, но скажу откровенно, что душа отвращается от бесконечного количества учебников, тетрадей, и глаза устают и сдают. Но Ваши слова дадут силу трудиться. Мама, родная моя, уныние я не отрицаю никогда и не отрицаю. Малодушество, неразборчивость могут быть, но уныние не в моей природе. Даже в трудные часы уныние не спасает ни в природе, ни в борьбе. Наверно Вы опасаетесь Милу – это вполне понятно и простительно. Хорошее себе представляете, с какой же почтительностью относится она к Матери, сами к Нике она относится так хорошо. Нику ее очень любит, и очень будет скучать. Встретимся ли уже с ней? Мы будем писать все письмо сразу. Вера Наталья, сегодня прочитала. Хочу Вам сказать, мое любимое солнышко, что мое сердце доброе и полностью открыто для Ваших воздействий, и потому эти воздействия абсолютно сильны. Словно огонь загорается в сердце, будущее становится близким и осуществимым, расстояние до любимых моих исчезает, восприимчивость увеличивается в тысячу раз и обостряется, и мое сознание широкой волной течет в сознание, и радость на сердце, потому охотно и сознательно открываю сердце свое для луча любимого солнышка. Но за тепло и любовь посылаю сердечко большое. Думаю, что и Вы сейчас получили наше письмо от 30 июня. Не знаю, что Вам писала Эвочка, но должен сказать, что по-моему это безнадежно смотря на прошлое задание. И даже не знаю, через кого передавать привет. Для меня совершенно чего всё новое. Думаю, что ее письмо радости не принесло, хотя оно и было продуманным. М.Н. неожиданно оказалась одинокой. Близкие её уехали, и она не знает их адреса. Говорили, что случилось так, что им пришлось поехать прямо к мужу Марг. Иосиф. Но я этому не верю. В любом случае после отъезда Матери и встречи можно будет узнать, не раньше. Вот все, что я могу о них сказать. Сегодня лучше, и мы попросим её написать Вам. Ев. Н. со своей приятельницей расстались и их дружба охладела и кончилась

настроение у Евы, невеселое, очень виноватое. Недавно
про нас с Ниной она выразилась так: "Вот они (т.е. мы) уже
помирятся через 20 лет, но у них упорно "ничего не получается".
Она собирается ехать вечером туда за Машенькой и её мамой,
но совсем с другого стороны. По-моему для неё дети всего
всего прочего и дороже всех. Но она очень хороший человек. Почему
они оказались "тут" и "тут" не знаю. Ева хотела уехать. Все
похоже на её мечты, кто знает, в 28 года вещи очень серьезные.
Вернется ли? Мне очень хочется писать маслом и, говоря
проще, рисовать масляными красками. Но сейчас это у нас слишком
красиво. Надо готовить самому, да и техники рисования я плохо
знаю. А времени слишком. Акварелью писать не хочу, т.к. с ней
нельзя ошибаться. Моя любимая, когда вы исправляете меня на ней,
мне это кажется чем-то неестественным и стараюсь и
всегда немного больно. А как бы было просто и мирно с Ниной, детей
больших, царапать по ним, а сколько мне было бы радости. Но внутрь
не вашим умом. Ведь вы так давно не царапали меня. А я так очень
люблю и радуюсь каждому вашему блеску. У меня сейчас одно
но всю жизнь, неизменно. Любимых много не будет. Другого не
надо. Мне даже и сравнивать то его не с кем, настолько выше
одно с моим понимании. Радуюсь, что ваше здоровье улучшается,
пораженья пишете подробно о своем самочувствии. Мне
грустно что сердце ваше переполнено предчувствием близости
будущего. Уверен, что вы дальше знаете время но я пони-
маю, почему вы об этом не написали. Мы с Ниной очень
про покупали ваш блеск и полны разговорами о встре-
че. Мила будет много писать. И мне очень надо узнать,
что Матерь скорбно вами. Очень признателен горько Ни-
до привет и память. Когда я вижу строки, написанные
ем, мне и Нине всегда кажется, что, если уже они мало-
кал, значит встреча совсем близка. Мне всегда стыдно
гимн хочется с вами поделиться из своей личной бли-
кой утехи, что я даже и не знаю, когда сильно радоваться
ней, чем переполнено сердце. Здоровье Нины очень медленно,
но постепенно улучшается. она уже думает о том, как
бы выйти на улицу, ну хотя бы на кварал. О близости
П. Ал. Ева решила и завела знакомство из соображений с
вами и внимания, которое ему было оказано. Уже одно
такое внимание радовалось чем-то необычайным. Конечно,
Ева вашло в раже и говорила ему о том, о чем лучше было бы
не говорит, особенно при его спутнице. А я, конечно, уже
равнял перерал это делать, т.к. к чтению у него интере-
са не оказалось. И это для меня существенный барометр
божий приговор. Пройти равнодушно мимо, значит
показать свою нарезность. Знаем друг друга, знаем чем и жи-
ли, если сердце остается сперым. Скоро снова начи на-
ко мои занятия, уроки и работа. Вы скорее: "занятия
начнем, но не кончим!" и еще: "когда я в сознании приветствую
открыты врата познавания. Чем дать перевес Моему чем
своему, зависит от направленной воли человека. но воля
Чтоб мочь вспомнить на всё "мелкие" отвечаю". И мне
ещё чего было скорбно и особенно после письма моей
единственной и неповторимой, т.к. у неё кусок от моего
сердца и она может усилить его тупость своей жалобой
и еще: "Я и Она-одно. нерождённые в сознании Мне. потому по-
бора и устремление к Матери и любовь и устремление по
Мне существуют по-разному своему. Жалобно к ней себя чу-
вствую ведь ведь ей Мне. Утверждаешь её, Меня утверждаешь. Корень
любви и понимание. Вы ей верен, как же как и Ольге. Вза-
имоотношение можно идет любовью и радостью." О чем
думать? О вас и о будущем. Теперь я понимаю, что,
и мелко, любовь отрывает все двери и прибивает на-
скарлую. Что с Марусей, где она, пишет ли вам?
Перед встречей много будет стоить какий. Мне очень
бы хотелось иметь фотографию домика, в котором Вы
живете, "терема" вашего, легче было бы представлять с
ясным утром вашу близость. Учитесь быть ближе к сердцу
Матери всеми способами. Нина много пишет сказки и
горой интересные. Я её поздравляю в этом. Одно у них она
посылает вам. Часто читаем в газетах о страшных наводне-
ниях в Европе и других местах. Стихии бушуют и
кто знает вы ли в берега вернулись. С Ф.
привет горячо Николаевну. У нас уехал с непрерывным
нашим писем и чувствую до писем. Целую вам
всю нежность, светлого и спокойного. Ваш Павлуша
Ваш сын Ф.
Крепко вас обнимаю и целую

80 6 сентября 1919

Родная и любимая Елена Ивановна! Вчера начал писать Вам письмо, а полчаса тому назад получил Ваше от 21 авг. Переписываю мое письмо заново, т.к. на некоторые вопросы Вы уже отвечаете. Еще вчера Ольга заявила, что если Матерь одобрит ее выбор, то она выйдет замуж, если же нет, то откажет. Летом после годовой работы она шаталась от слабости. Ей очень трудно давать уроки и особенно, из за горла. Но лето она провела в деревне, поправилась и поправила на шесть кило, и я очень этим доволен. Ей будет очень радостно услышать о том, что ее избранник сердца может составить ее счастье. А Ната отдыхала очень неудачно и почти всё время прохворала. Вы тогда писали, что ей строфант ненужен. Но он, по её словам, очень ей помогает и потому хочу Вас спросить, можно ли ей принимать строфант, когда она недомогает. Вы еще тогда добавили, что у нее совершенно здоровое сердце, и поэтому строфант ей ненужен. Хворает же она очень часто, и хочется ей как-то помочь. В последнем письме от 13 авг. я Вас спрашивал, что такое монсун (в Вашем письме). А сейчас, случайно пришла в голову мысль посмотреть в словарь. Оказывается, это муссон, а я по недомыслию своему не понял. Очень рад, что Ваше здоровье направляется к лучшему. Тяжело болеть, да еще ночами. Сколько же сил надо, чтобы выдерживать все те тягости, что выпадают на Вашу долю и — сколько мужества. Опять принялся за письма Матери, и, если не переобременят работой и уроками, как в прошлом году, то буду их продолжать. Мне так бы хотелось всё свое время отдать любимому делу, но жизнь диктует иначе. Вообще жизнь мало с нами считается. Мы с Нинкой очень любим природу, но её лишены. Летом же нас одолевала пыль и запахи. Когда Вы получите это письмо, Людмила будет уже на новом месте устраивать свою жизнь по-новому. И если к тем, кого она видела и знала у ней почитание, то можете представить себе её отношение к Матери? Она еще очень много будет писать Вам. Когда будете отвечать мне насчет Димы, пожалуйста ответьте два раза, потому что судьба определенно против, чтобы я получил о нем ответ. Думая о ней, я видел Лик на трубе парохода (во сне), и действительно у них всё складывалось очень хорошо и

удачно. Если хотите узнать подробно о гриппе сама, она Вам охотно напишет. Конечно, письма Матери будут для неё счастьем, о которым она не смеет мечтать. Хорошая девочка. Она так хочет попасть на родину. Ека говорит, что ее мигом спасут, и она, кажется, немного успокоилась. Она девочка и рвется в восторге от мысли с каторжными ее отталкивает ужас. Но и ей хорошо было. Эти восторги скоро кончатся и она увидит оба полюса, верно будут вперед ужасы. С ней бы и дальше часто случалось и всегда заканчивалось разочарованием. Ваше предпоследнее письмо всего я еще не получила, но очевидно их не дают. Я так хочела увидеть, так хочела поговорить с милым, получить ваши письма, сделать выводы и понять многое. Вы говорили что Ар-дов закончил, почему же сейчас чувствуется перед уступление? Конечно, как и всегда, сердце и Вам успокоительно. У каждого человека в груди кроме всех его интересов сосредоточие на чем-то для него самом дорогом. Мой фокус в Вашем сердце и, пока он есть, мой внутренний путь неизменен, прост и понятен. Каждая арка имеет лишь один фокус. Журнал интересующую сводку. Это центр фигуры, потому Ваша любовь имеет для меня совершенно особенное значение. Вы пишете о скуке, но я не слышу слов: просто в сознании моем, предугадать которые, я в большинстве случаев не могу. Машенька [illegible]. Никак, только что прочитала Ваше письмо и велела мне сказать: "Машенька шлет свой привет и любовь!" Если надумаете писать мне, обязательно, скажите ей, сколько писем и какие Вы ей ее получили. Она сказала что будет писать все время, и я удивилась, почему Вы не получили следующих писем. Ваше письмо помечено двадцать первым, в этот день никто во всю вообще писем Вас. так, как говорится, сердце сердце вещь подлая. Мама, моё любимое созвездие, когда утро и вечер, несколько мгновений я провела с Вами, там в Ваших тревогах, прижав Вашу левую руку к своему сердцу, чтобы Вы чувствовали до тысячи версий, что оно бьется любовью к Вам и успокоением. И хотя судьба две мешает сохранить сокровище бездарно, всё же мгновения мои неотъемлемо. Прилетит горлица мирославу. Спасибо ему за тот привет и пожелание, о чем я уже писала. Вы знаете, что меня поразило в горлице, когда я его увидела. (Вы только ему об этом не говорите). Не то, что он изумительно мил и красив, а то, что у него в 30 лет, глаза были чистые, чистые как у ребенка. В некоторых взрослых людях такие глаза. Мама, Вас нельзя любить больше чем я Вас люблю. Вы наш [illegible] и светлый. С любовью крепко Вас целую и очень надеюсь и [illegible] Ваш Ваш Боря.

26 сентября 1953 г. 81

Родная и любимая Елена Ивановна

Время идёт, и мне почему-то кажется, что Ваш отъезд снова откладывается на некоторое время. Ведь, вот уже чувствуется, что, хотя и близок конец года, но встреча желанная еще далеко. Конечно после слов ВВ я успокоился, но видеть Вас всё же хочу с неменьшей силой. Ольга ходит под впечатлением того, что ей было сказано о её сужении и под впечатлением Совета. Да и я тоже был немало удивлен, ни мнением, нет, а тем, что ей был дан Совет. Видно она когда-то заслужила такое внимание и заботу. Не знаю, понимает ли оно, что это значит. Ведь, даже Еке не было сказано ехать ей или не ехать, и она должна была выбирать сама. Выбрать то она выбрала, а вот правильно ли, в этом у меня уверенности нет. Помимо болезни мужа, кажется мне, что ей там не очень весело. Всё хочет знать, как мы, словно чует, что дело не в месте, а в самом человеке. И где же искать, как не в своем собственном сердце. Это время я очень много запечатлел о сердце. Раз сердце средоточие организма, значит это всё, начало и конец всего. Не сердце ли бьется и пульсирует в атоме, и умирает ли оно когда-нибудь? И когда мозг останавливается перед глухой стеной, то не сердцем ли ее можно преодолеть, сердцем, не знающим преград и

расстояний. И было еще Сказано,
что сердце — это альфа и омега сущего.
Ната после последних слов, которые
были написаны о ней Матерью Яро
подтвердила Сказанное, и я был очень
доволен очередным проявлением ее
углубившейся чуткости и утонченно-
сти. Луч чувствуется уже явно в
углубленности, разнообразии и
своеобразии ее творчества. В этих
вещах и у ней, и в себе самом меня
поражает какой то особенный ритм
и музыкальная тональность самих
вещей и их оформления. Видимо
оригинальность и неповторяемость
и вечная новизна и неисчерпаемость
являются свойством Луча. Ведь это уже
область искусства. Я уже впрягся
в свою обычную работу. Дало уроки
и проверяю груды тетрадей. Но пока
ухитрялось уделять время и письмам
Матери, и так хотелось бы, чтобы
время позволило донести их до конца
поскорее. Очень хотел бы знать,
пишет ли Людмила и сколько пи-
сем прислала. А главное, каково
мнение о Дили, Мила, наверное,
уже видели две, как приехала на
место. Ехала словно в Лучах Заботы.
Недаром я видел об этом сон, кото-
рый так оправдался. Как Ваше здо-
ровье и можете ли ходить. Хотелось
бы чувствовать Вас всегда здоровой.
Нинка потихоничку поправляется.
Привет Юрию Николаевичу. Пос-
ледни письмо от Вас было от
двадцать первого августа. Крепко Вас
обнимаю и целую. Всегда и навсегда Ваш
Вашисты Борис

Далекая, родная, любимая, и близкая Елена Ивановна.
Ваше письмо от восемнадцатого дн. получили. Спасибо. Ведь мы привыкли от письма до письма. Конечно, хотелось бы получать чаще, например, раз в неделю, или каждый день, если разо три в день, т.е. другими словами, вместо того и быть с Вами, нежели и не имеет всегда, то хоть бы быть около. Поэтому письма Ваши для нас праздник. Мы радостно и приятно Ваше отношение к „Свободе вместе" поняли, вместе у меня одно еще о космическом пространстве и планетах, которое она теперь имеет вообще, и на семью эрох, о каких Ей давно, о космическом странствовании и т.д. Самое лучше при встрече поделюсь. Знаю и то, что скоро быть ее читателем и критиком для грядущих веков. И так рад, что Вы в письме упомянули о далеком будущем, поэтому и об этом мне было тоже сказано. Вот и сегодня утром, мне было тепло, словно мысли мои от Вас. Не было мысли о Матери и так бы хотелось поделиться всем... Семь Лучей Маяка и пять ее Звезды. Сияние Наше удесятеренное силу ее великому служению дали необычайную. Эти лучи одарят путь человеческий на многие тысячелетия, ибо бессмертны. Во Имя Нерушимой в Вечных Мирах, лучами своими пятью, самоцветящими из недр Сердца ее, насыщает Она и будет насыщать сознание человечества веками... Матерь Отц. нач. Мы наш приют у Сердца Твоего не найдем — место нам первое. И скорбно сердце Ее от бесчисленных и свирепых ее ударов, свирепствующих о ней. И скорбно бьется моему сердцу, и так хочется и с такой радостью выполнить Ее Волю, ибо завещала мечта моя о Ней сквозь пространство и время. Стрелка весов очень за Совет, в пользу грядущих писем Ваших, любимый мой Друг. Поэтому и ценю Вашу заботу. Ведь в Нем выражалось мое сердечное. Мама! что значат две полоски в конце письма? Ты первая! И даже подумала, не нашли Любимой Друг своего применения. Но разобрать не смог. Ему не судим. Грань ее, ибо ей, певучему, очень трудно и одиноко среди чуждых ей людей. Одинаки то они, быть может, и одиноки, но чужие и далеки. Она пишет очень ласковые письма и скучает о нас. Ведь только поэтому показывает то, что имеет в виду. Близкие с ней, ибо у нее никого нет. Вы о наших пятых снах не тревожьтесь. Все минувшее уже отлетело или отлетит, и остается лишь одно хорошее. Не судим, но ценим из всего доброго. Вы тысячу раз правы, судить об окружающих нам не дано, ибо видит судящее сознание, судит лишь тот, кто видит. Но людей надо знать, а это так трудно — слишком обманчива внешность. Вы, бедная, не так поняли, что я хотел сказать о М.Н. Она невежественна бесконечно трагично. Она одна, совершенно одна. Нет с ней ни детей ее, ни внука. Где-где она не жила. Какое богатство было и какие пути в ней его нашли. Не знаю, но знаю, что сейчас она так бедствует, что даже посылает беспомощные открытки и очень мучается. Ведь ей около семидесяти лет. С ней живет мать ее невестки, но они живут очень недружно и это еще более отягощает ее участь. Я говорила, что они продали два письма, что у них есть девочки, но тут что-то не так, что-то неверно, ибо сейчас она в нужде. Было бы очень хорошо, если бы Вы написали им только факты, но без добавочных комментариев. Почему они разошлись с Е.Н. не знаю, но инстинктом чувствую что-то серьезное и длительное в связи их плохого общения. Но сейчас, когда у нее такой Друг, Е.В.Н. могла бы смягчить гнев в ней. В прочем, опять, вперед забегаю и судить. Тогда ей ничего не написала. Вам о том, что случилось и над ней? Мама, мой далекий и любимый самый-самый, как хорошо, что Вы есть у меня на свете! Есть и любите, и думаете о нас. За терпение спасибо. Утром когда я сяду за стол, мне много нечего будет сказать, только очень много самого дорогого. Вы пишете, что „укрепляться в своей способности... терпеть интересно и терпение непременно собрать". Очень хорошо, потому без пропусков, у меня на это уходит более трех часов, и как-то несколько лет. Так грань, что еще не дошли письма Мои об этом. Некоторые могли затеряться. Будет так грань, особенно карточки близких. Терпение и умение мне свое полученное свыше, но когда на сердце близкие Вы и Вы. То без внешних перестает иметь власть над сознанием, поэтому так трудно отрешиться [redacted] Вас, моих самых Любимых. Мама, а Вы знаете, что я так очень люблю, и что мысль о Вас и открытки Ваши и работа всегда несет с собой радость. А особенно цветы, когда их так много сразу и они [redacted] почему у Вас четыре термоса? Кто живет в Вашей квартире? Почему их они красят? И что это я люблю природу. Ее [redacted] мечты, и любимые домашние, милая фантазия. А и Вас чувствую так хорошо, и природа вокруг, нельзя без природы. Я очень соскучилась по ее красоте.

Вчера, десятого октября, был день памятный. С благоговением вспоминаем нашего любимого. Каждый раз начинаю понимать его всё с новых и новых точек зрения. Помните его слова: мудрость заключается в проведении более длинной линии. Мне так нравится вся эта вещь своей глубиной. Или: тишина мудрецов приятна спокойствию В-ке. Мне так это звучит. Елена Ивановна, любимая моя, не хотел вас затруднять вопросами, но очень, очень спросить. Помните у Елены Петровны "Из пещеры дней ..." в конце говорится, правда очень мало, об ученике Такура Ананде, как о человеке лишь личного начала. Во всей мировой литературе, это личность притягивает меня больше всех. В нем я почувствовал нечто такое большое и захватывающее. Я очень много думал об аст. оболочке и необходимости чувствования в себе этого начала, и мне так захотелось, чтобы Вы сказали мне эту область более подробно, а также и пути к осуществлению. Когда я одинаково писал о различных привычках, я, конечно, имел в виду обрушение этой низшей оболочки, а не какие-то негативные упражнения. Мне кажется отделение в сознании низшего от высшего, личного от сверхличного и полное приведение к молчанию аст. провидца, должно бесконечно облегчить работу самого себя, "открыться от себя" сами собою разрешили бы вопрос. Прилагаю письмо Милаг Спа, и обе так тоскуют вдали от нас. Не пишу, а вспоминаю любимой души. Мила видит и чувствует помощь на каждом шагу, и действительно все складывается у них необычайно удачно. Даже квартиру нашли себе поудобнее, в то время как другие мучаются в частных домах. Конечно и любви чувствуют изумительно, что всё складывается удачно. Но она очень тоскует и видит во сне каждый день. Если надумаете ей писать, спросите ее об индексе. Мила продолжает кровать и довольно сильно. Десять дней пролежала в постели. Но отлично и слова Ваш. вдохнули в нее новую бодрость и думаю дружей с ней сумеем бороться с болезнями. У меня очень болит поясница от таскания и шитья на боках, около поясничного отдела. Трудно поворачиваться, тяжелый. Сидеть могу только прямо. Хочется немного лежать покойно, но приходится и ходить и работать и на ногах целый час сам. Мне хотелось бы узнать отчего это происходит: от простуды, надсады, старости и требует обычных методов лечения, или причина другая, более интересная и тяжелая. Если причина обычная, то с радостью готов всё претерпеть, принимая совет и мазать, если это поможет, простуду чем-нибудь отваривать, то что-нибудь вдыхать. Но боли появляются временами, то усиливаются, и при движении. Иной раз боишься даже неудачно повернуться, т.к. очень больно, потом сразу всё отдает. Трудно много ходить и нагибаться. Восприимчивость в животе даже как будто обострилась и вперед увидим. Писал тебе что принялся за письма Матери и сократился письмо от 10 января три-четыре. Надо сделать седьмого, так чтобы работа не мешала другим. Милая старого времени, сколько бы хотелось. Письмо это пишу в два приема и пока писал о Вас получил вторые письмо, в каком я и упоминаю на этот счет. Почему-то очень и особенно близки и дороги. Цветиково подсолнух как-то сразу на голову, то на глаза, то на подоконник, словно энергия неведомая не дает курс ей бросится. Вы правильно писали, что чувствуете от расстояния, хочу сейчас сдуру на свою тетрадь, что очень чувствительные письма пишут отсюда. Так и пишут - мешают писать не мешают. И еще я заметил одну особенность в своих снах: они стали как-то устойчивее и определеннее и некоторые из них я чувствую особенно сильно, как бы установившиеся. Мама очень благодарно Мамочке за внимание и работу. Трудно ей, видно дорого мне стоило достать. Ольге очень трудно получить разрешение на отпуск, потому что требуется оно двойное. Помню когда-то, что вопрос можно разрешить проще, а именно, попросить избавиться, а там пусть потащит сама что делать. Но вообще ей не сильно надо. Мама продолжает временами вертеться, как может, недавно накормила ее недоброкачественной пищей и оба с Олей сильно заболели, до доктора вызова доктора не было. И она сразу лишилась всего, что накопила себе до отдыха. Мне бы очень хотелось знать, когда были Вы черкасской ночью? Вы очень подробно мне о Нинеей словами своими о наших достижениях. Конечно наши они не вполне, наши переживаем и видим, что самые хорошие заложены в центре нашей жизни достойные и по нашему, что отражаем внимание Ш. Мирель скорей мысленно, что хотелось бы вас всех обоих, вас дорогие обоих, вас увременить свое вещество и ауру спокойную мысль в свете поднимающемся. Крепко, крепко обнимаем
Ваши
Ваганов Борис.

27 октября 1953 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! У нас с Ниной всегда праздник, когда мы получаем весточку от нашей любимой и так благодарю судьбу, что у нас есть наша любимая соседушка, которая согревает нас своими заботами и такими бескорыстными чувствами. Так и сейчас с радостью на сердце отложили домашние дела, наше предчувствие об улучшении моих условий уже начало осуществляться. Вот умел человек мечты и дерзаний сгорать! Стало уже легче. А главное за два дня до этого я услыхал от Эрли Эрлы-Гарднера. Сон оказался в руку. Заработок мой увеличился на одну тысячу. И вот уже легче. Семнадцатого октября проснулся в три часа ночи с мыслями о Любочке. И не то чудесно, что мы любимся, а то, что уже мои друзья через свои органы осуществляют и бьются за мои интересы о выполнении тех условий, о которых я говорил. И уже терпение проявлять легче, потому что как будто бы уже нет или исчезает расстояние между условиями и осуществлением. Я сказал это так радостно, ибо судьба мне ежедневно не балует все эти годы. Но меня очень радуют и вас. Радостная весточка Нины принесла ваши слова о том, что вам нравится в «Тишине». Мы по-разному любим одни и те же вещи. Но от Нины [illegible] нет от этих слов. Впрочем это понятно, что [illegible] и ваше свое отношение к оболочке и ваше свое [illegible] и что осталось лишь [illegible] Но [illegible] мало кого-то [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

Широта световой шкалы помогает понять это во всей географической широте. Можно сказать, что все излучает свет из себя свет. Только свет преобразуемый цветком, деревом, животным и человеком различается и по существу и по степени. И разница тоже по природе. Недра вещества состоят из мельчайших частиц электронов, образующих светящиеся атомы. Элементарная самая сущность вещества материи светового строения своего. Белая комбинация атомов светового спектра, если обычные отражаются, то материя представляет себя существующее явление себя светящегося с разной напряженностью и разными цветами образования, световая всё, что в ней содержит светом своим. Светящиеся части больших глубин светятся в темноте океанов. Но рыба остается рыбой, где бы она ни была, т.е. её световое свойство, заложенная в ней в потенциале, есть в каждой. Только степень проявления этого потенциала весьма различна. И так, световой потенциал обладает все: от солнца до человека и от планеты и от атома до человека. В раскрытии потенциала света заключается сущность эволюционных сфер. Мощь лучей человеческой не осознана. Ничтожная часть лучей солнца попадает на Землю и планеты. Куда же идет вся мощь излучаемого его лучей, на землю и планеты не упавших? Очевидно в пространство. Куда идут миллиарды лучей звезд и солнц, больших и малых? В пространство. Эти лучи, заряженные электронами образуют скопления или туманности, или зародышей миров, при соединении их комбинаций атомов, молекул их электронов лучей света. Так луче-вселенная лучами света творится. Велика тайна светового луча. Не постигнута она в солнечном луче, хотя и доступном для изучения. Ведь солнечный луч несет в себе сущность строения и химического состава солнца и заряды мощной электро-магнитной энергии. Не поэтому ли по существу, трайстасвой в проявлении, семеричной по составу и двенадцати гранной по тональности. Но ведь каждый элемент, находящийся в солнце, дает свой цвет в спектре со свой цвет. Значит к этому надо добавить цвета девяносто семи элементов в спектре. Есть лучи, которые сжигают, испепеляют, но есть и такие, которые не видимы для нас. Невидимые лучи солнечного спектра, помимо ультрафиолетовых и инфракрасных лучей не ограничиваются, но идут в абсолютное от видимой шкалы. Каждый отдельный луч говорит о существе и трайстасвой в проявлении. Так инфракрасный, имеющий глубину видимых лучей солнца. Таковы же они и в лучах звезд, ибо и звезды имеют свои спектры и, быть может даже иные, но тоже взаимодействуют с световыми сферами живых организмов, с материей всей материи, составляющей из световой энергии пространственных лучей. В космосе все взаимопроникает в зависимости. Ничто не может быть отделено и изолировано. Лучевая связь глубока. Она скрыта в самых недрах материи, и выявляется во всех сущих. Лучи, текущие от звезд космоса, не могут остаться вне сферы излучения их энергий. Отрицание действительности будет таким же невежеством. Если луч света, отображенный на экране проекционным аппаратом (волшебный фонарь) дает иллюзию действительности, и люди, смотря на него, плачут или смеются, то тогда можно сказать о лучах солнечных - страшно подумать - грозных вселенной. Увидя от звезды гармонию своей световой плотности, характером строения и пространственной, которой она достигла на данной ступени своей эволюции. Тогда и высота того на той же шкале света зависит от степени светоносности, достигнутой ими. Знание того есть утверждение света в себе!" Дальше говорится о предположении и о том, что "светятся картины всех изучающих и многие вещи, светятся всё видимым и невидимым лучами. Но всё они сера и все не сравнимо. Только форма, характер и смысл того света так же разнообразны, как разнообразны многие и многие формы материи и структура человеческого тела светящимися или невидимыми очами. Всё свет и все в свете. Так входящий свето-луч должен называть лучи космические, где от существа не уйти." Всего не написал, т.к. нехватает места, но это самое главное о лучевом строении вещества. Но сколько бы солнцу не было во вселенной, все солнечное светит нам всех ярче, и даже луче всего. Сердце не занимает его ни в чем сравнение с ним сливаюсь. Терпение должно, но все же Учитель, что время идет, а тебя не могу увидеть. Страх полно преодолеть косность, то что стало как "луч полезен и справедливого слова человеческого". Я могу решить семидуховно только разрешить свою судьбу со своим окружением. Можешь ты что окружение. Может говорить будущее нашей семьи и сверх дела до того. Вы слово, что у нас с пенькой не все в порядке, так это обо мне, надо говорить от своих родителей. Мечтаем ли квартиру найти чтобы в ней уют, как у вас и мы, в нашей старой квартире. Еще о нас, она не температурит у нашей дочки в плевре, сухотный. Хронический плеврит. Привет о плеврите и Вам и дочке Вика - он нас очень волнует. Не знаю Ваше мнение о вышеназванных лучах. Вы еще ничего не написали о Вике. Ну ещё, пожалуй, все обо мне хорошо. Чувствую, что ее лучевое состояние тоже у нас с вами. Крепко обнимаю и целую Вас и Вашу Вику, Ваш Сева Ивин

27 дек. 1953

84

Дорогой Юрий Николаевич!

Поздравляем Вас с Новым Годом и наступающим Праз-
дником и шлем свой лучшие мысли и пожелания. Нина шлет свой
привет. Видимо близок Чертог Неседи в преддверии его прошу
Вас не забывать нас. И Вас и маму Вашу часто, часто вспо-
минаем и говорим о Вас

Желаю всего лучшего

Ваш

27 декабря 1953 г.

Поздравляем Вас с Новым Годом, родная и любимая Елена Ивановна. Хотелось бы сказать: еще более родная, близкая и любимая, потому что последние дни нам с Ниной пришлось пройти через очень трудные испытания, и мы явно и наглядно ощутили заботу и любовь недреманную Матери и Вл. Это переживание настолько приблизило Вл. и Матерь, что сердце полно признательности и благодарности за такую любовь и внимание. Мне даже казалось, что и наш Любимый тоже принимал в этом участие. Я даже и представить себе не могу, что было бы если бы не Луч. Да и Вы, наверно, почуяли этот момент, когда сердце за помощью мысленно обратилось к любимой.

Незадолго до этого видел во сне двух кошек. Одна из них вцепилась в руку, глубоко впустив когти. Я ее сбросил. Так наяву и случилось, только дугпа, хотевшие нас жестоко, больно и безвыходно ущербить, изумительно остались ни с чем. И в то время, когда было особенно нерадостно и тяжко, Вл. сказал, что беспокоиться ни о чем не надо, т.к. все уже закончилось удачно, что Он снами и заботу берет на себя. И всё, что Он сказал, через два дня стало явью. Но огорчения поне-сенные принесли такую Близость и заботу незамедленную, что хочется, чтобы и Матерь передала глубокую, глубокую признательность. В тот день тяжкий утром видел, как-то огонь лампады, а на другой день еще и слова запеталелись неизгладимые. А сегодня видел опять во сне что на коне быстро мчусь вверх по отвесно-перпендикулярной стене по узкой дороге на страшную высоту. Остановка грозила падением и было сознание того, что остановиться нельзя. У самого верха, уже без лошади, уцепился руками за выступ и с большим трудом вскарабкался на ровную вершину. Я и раньше видел такие сны, но никогда высота не была столь огромной, ни дорога совершенно отвесной. Да, некоторые переживания сближают несказанно. И они дают столь ценный опыт жизни, что без них, очевидно, не обойтись. Ведь, в сущности говоря, кроме приобретенного опыта ничего с собой и не возмешь. Ольга начинает привыкать к своей семейной новой жизни: начала даже поправляться. Говорят, что теперь спит хорошо. Раньше ей даже спать дома не давали нормально. Ек.П. пишет, что ей очень туго пришлось. Помните она писала, что кругом нее ангелы, а теперь созналась, что сидит в углу за одеялом и плачет, а ангелы без умолка болтают, и ребята шумят и кричат. Пришлось ей бедной здорово хлебнуть горя. Но муж поправляется и им уже дали комнату, но лестницы, уборные приходится убирать сообща. Зря, видно, она отсюда уехала. Но, видно, и это судьба. Пишет, что очень соскучилась о близких и ласково так пишет. Просила передать Вам

привет. Мила не жалуется, но,очевидно ей туго приходится: делает цветы, отец развозит конфекты. Но им,сравнительно с остальными сородичами,повезло во всем. Уж очень она тоскует без любимых книг, а на Вас вся надежда. Ната пишет стихи и называет и их "капли"!! В знак глубокой признательности и сердечного привета посылаю Вам несколько "капель",Дорогая Елена Ивановна?":
"Несвязанный любовью и враждой,Уходит за Ведущею звездой. Она одна горит не угасая. Болотные огни зовут, мерцая. Но вверх и вдаль уводит навсегда От всех огней Ведущая Звезда.--
Кого ты любишь больше всех, За кем решил итти? Кому отдать трудов посев, Кому сказать "прости? Мельканью мимолетных сно
Или Основе всех основ Ты сердце посвятил??---
Пусть хлещет яростно волна,- Невзмутима глубина. Она вмещает Образ Твой- Что буря ей и вихрь земной?!.——Каплей прозрачной быть, Солнце в себе отразить, Чтоб переливы огней Радостью искрились в ней. Капля,пылая Тобой, Свет отразившая Твой, Станет сама огневой!" Вот ее "капли",и ей давно хотелось о них сказать. Мама, родная моя, я очень, очень о Вас соскучился. Чувствуете ли, когда каждое утро думаю о Вас? Я очень люблю Мое далекое солнышко! Так после каждого испытания и Вл. и Вы становитесь все ближе и ближе, и где же предел сердечной близости! Вот еще два тяжких человека, мучивших нас несколько лет, ушли из нашей жизни. И стало сразу легче. Нинка шлет свой привет и поздравление. Часто Вас вспоминаем, часто о Вас говорим,и, думается, что это происходит взаимно с Вами. Мне было Сказано, что мне теперь нужна некоторая отрешенность сознания и что достичь этого нужно добиться путем мысленного представления сгущенной тонкой материи вокруг ~~них~~ Заботу имею каждодневную и явную и это дает большую радость и спокойствие сердечное. Все это очень нужно для будущего, так Говорилось. Спросил Ольгу, как новая семейная жизнь. Говорит, что очень резко чувствует, что ни отец, ни мать, ни сестра на ней больше уже не висят и что ей стало жить много легче. Ека допекает излишним вниманием своим и говорит часто ненужное. Может быть Вы ей намекнете деликатненько, что кроме ее личных и семейных дел нас ничто не интересует. Должна же сама понимать. Ведь просил, говорил, но увы! позабыла. Нинка спрашивает, что ей можно принимать от простуды. Можно ли принимать Кальцекс? Он на меня ,напр. очень хорошо действует, а может еще что посоветуете.

Выздоравливайте поскорее. Простуда пустяк. Еще раз примите приглашение посетить Сердце. Всегда и повсюду Ваши Вам обнимать крепко Вас и целую

13 Января 1954. 86

Родная и любимая Елена Ивановна!

Ваше последнее письмо было от семнадцатого ноября. Вам же я послал письма седьмого и двадцать девятого декабря. Вот от седьмого то декабря Вы, повидимому, и не получили. Это очень жаль, т.к. в нем был один из моих гимнов, последний. Но я все таки пошлю это письмо, когда перепишу, а то оно очень длинное было. До этого же времени Ваше последнее письмо было ответом на моё предыдущее. Так что я думаю что до Вас не дошло лишь одно письмо от 7-го дек. А последнее от 29 дек. Вы наверное уже получили. И еще мне жаль, если письмо от 7-го дек. потерялось, потому, что в нем я отвечал на Ваше письмо от семнадцатого ноября, и очень благодарил Вас, что Вы так подробно ответили на мои вопросы с точки зрения понимания их восточной орилософии. Сегодня утром получил Вашу тел. Отвечаю сегодня же. Мы с Ниной живы, здоровы и благодарим Вас за заботу о нас. Были у нас около 20-го дек. неприятности личного, домашнего характера, довольно тяжкие, но с явной помощью Вы все обошлось хорошо, как и было об этом заранее сказано. Меня очень трогает эта постоянная забота Любимого Вы о своих детях. Видно и Единственная моя и Неповторяемая тоже сердцем почуяла, и это причинило Ей беспокойство.

писал я Вам, что молодожены привыкают друг к другу и Ольга даже начала поправляться, что Евг. Ник. ~~уже уехала~~ уезжает. Трудно ей, ведь ей уже около 80 лет, и что Теремки и карточки Ваших сыновей получили. Спасибо за них. Мне очень понравился Ваш домик. Какой чудесный вид на Гималаи. Писал Вам о том как соскучился о Вас, как Вас люблю и хочу видеть. Но мне почему то кажется, что Вы еще получите это письмо. Может временно где завалялось. Всяко бывает. Чтобы Вам легче было читать (Вы писали, что [illegible] устают у Вас) письмо от седьмого было написано на машинке. Живём, думаем о Вас и надеемся на встречу. Нинка, хотя и жалуется часто на недомогания, но в общем, мне кажется, крепнет. Уже сама мне наливает суп, даёт обед, но выходить на улицу еще не может. Конечно её здоровье весьма относительно. Большой привет Борису Николаевичу. Он очень изменился и стал походить на Отца. Мне очень понравились глаза Святослава Николаевича, в них я почувствовал спокойствие мудрости, и какую то особенную мягкость. Как Вы должны быть счастливы, что у Вас такие сыновья. И еще мне хотелось бы сказать Вам, мое любимое, далекое солнышко, что я всегда, всегда Вас буду любить, и что ближе Вас и дороже Вас среди людей у меня никогда никого не было и не будет, и что Вы должны верить в постоянство и неизменность моей любви к Вам, моя родная, моя любимая, моя далекая мама. Крепко Вас обнимаю и целую.

Всегда и навсегда Ваш

Ваш сын Борис

30 января 1954 г. 87

Родная и любимая Елена Ивановна
Двадцать седьмого января была у нас с
Нинкой наша серебреная свадьба. Близ-
кие сделали ее подарок - скатерть. Чем
очень ее растрогали. Мы живем, понем-
ногу здоровы, живем попрежнему теми
же мыслями и устремлениями и же-
ланиями и надеждами на обещанную
встречу с Вами. Ваше последнее пись-
мо от семнадцатого ноября получили
[illegible] в январе. Но почему то сердце
говорит, что Вы нам больше ничего не
писали. Получили ли Вы наше с Нин-
кой письмо от седьмого и мое от двад-
цать девятого декабря и от тринад-
цатого января? Нина послала Вам
еще одно письмо девятнадцатого янв.
Конечно очень соскучились о Ваших
письмах. Мы так их любим, но,
очевидно, Вы были заняты и у Вас
опять наверное гостил сын с женой,
Как Ваше здоровье? Ека писала, что
Вы немного уже окрепли. Она еще
три года собирается сидеть там, а
я думаю, что она весьма ошибается.
Мне было бы очень грустно, если
бы мои письма потерялись.

отвечая в них на Ваше последнее письмо,
конечно время сейчас не совсем под-
ходящее для Фрелосории, но видно
придется подождать с моими воп-
росами до встречи желанной с Вами.
Мила писала, что ей приходится
очень трудно, т.к. она очень мало за-
рабатывает, а отец ее торгует в разнос
конфектами и жалеет, что уехал.
Если можно пошлите ей что-нибудь
из ее любимых книг. Ведь у нет нет ни-
чего, и не по ее вине. Люблю Вас попреж-
нему, попрежнему мечтаю увидеть
Вас и побыть с Вами и помочь Вам
во всех делах Ваших и Вы. Собствен-
но говоря, этим и живу. И Вы нас
не забывайте. Нам очень грустно,
что вот уже два месяца, как от
Вас нет писем. Если очень заняты,
то хоть две строчки черкните, что
нас не забыли и держите на сердце.
Мы любимое солнышко так далеко.
Скорбли увижу его и насмотрюсь вволю.
Привет Юрию Николаевичу. Крепко
Вас обнимаю и целую. Привет от
нины.

Тещи и навсегда
Ваш Вашенко Б.

1. 30 янв. 1954 г.

Год. и люб. Елена Ивановна! Так давно от Вас не было писем, что я начинаю беспокоиться о Вашем здоровьи. Ваше последнее письмо было от семнадцатого ноября. Начиная с седьмого декабря мы Нинной послали Вам уже пять писем, но ни на одно вы получили ответа. Я даже и не знаю, что думать. Ваша тел., тоже как бы показывает, что Вы наших писем не получали. Дошло ли до Вас от 29го декабря. Как Вы живете и как состояние Вашего здоровья. Ека говорила, что оно немного окрепло. Мы попрежнему скучаем о Вас и ждем желанной встречи. Привет Юрию Николаевичу от меня, а Вам и ему от Нины. По желанию нас не забывайте. Мы Вас любим попрежнему, а если письма теряются, это на наше время. Крепко Вас целую и Миша Вас [illegible] [illegible] Вас [illegible] 1954

中國人民郵政明信片
右邊只寫收信人姓名地址
另收成本壹佰圓
Mrs Helen J. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India
印度
印度
IMPONG
2 PM

90 5 февраля 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна.
От Вас так давно не было писем,
что я даже и не знаю, что думать.
Последнее Ваше письмо было от
семнадцатого ноября. и еще
тел. Как Ваше здоровье и са-
мочувствие. Я уже думал, что
у вас гостит с женой сын,
и Вам некогда отвечать на
мои письма, которых послал
пять. Получили ли мое письмо
от седьмого декабря и прочие.
Мы здоровы. Конечно Нина все
еще недомогает, но все же похи-
хонечку и незаметно крепнет.
Вот идет уже весна и несет
новые надежды на желанную
встречу с Вами. Может быть
Вы нас разлюбили и поэтому
решили не писать? Но мне
кажется что дело не в Вас, а
в условиях Вас окружающих
впрочем Вам знать лучше.
Сейчас я немного отдыхаю, но
скоро опять примусь за труд.
Милаполина что ей трудно-
вато приходится. Еще стало
полегче. Пожалуйста не забы-
вайте нас. Привет Ю. Нина. Нина
[illegible] свой привет [illegible] [illegible] Вас [illegible]
[illegible]

中國人民郵政明信片

Mrs Helen I. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India

印度 India 印度

右邊另寫收信人姓名地址

另收成本壹佰圓

Февраля 1954 г. 89

Родная и любимая Елена Ивановна! Живу под знаком большого огорчения, которое заключается в том, что вот уже два слишком месяца не получаю от Вас писем. Прямо д'Иву даюсь. Люблю Ваши письма. Они вносят радость особую, и пищу дают и уму, и сердцу. Особенно сердце нуждается в пище, и, когда ее нет, испытываешь ощущение, не то что то потерял, не то чего то не хватает. И все как будто бы по старому, и ничто не изменилось, а ощущение утери чего то дорогого и близкого не покидает. Мы с Ниной по-прежнему Вас любим, мечтаем о Вас, и часто говорим о будущем. Вы вошли в нашу жизнь, как ее неотъемлемая часть, и всякое отдаление отзывается на нас очень больно. Не знаю, доходят ли до Вас наши письма. Помните, как то одно время они тоже доходили плохо? Но есть ли они, или нет, пишете Вы, или не пишете, но наши отношения к Вам всегда останутся неизменными. Ека нас не забывает. Может быть, Вы через нее напишете, почему вот уже с семнадцатого ноября, кроме тел. в январе, нет от Вас ни одного письма. Как Ваше здоровье? и самочувствие? Начали ли ходить свободно? Можете ли подниматься по лестнице? Ека говорила, что Вам стало лучше, но мне хотелось бы узнать подробно. Ека так же говорила о Вашем предполагаемом отъезде, который, по види-

мому, не загорали. Вот и хотелось бы иметь от Вас весточку. Может быть, пошлете простую открытку, или небольшое письмо, если время не позволяет написать длинное. Вы так избаловали нас с Нинкой своим вниманием, что нам очень грустно, когда его не чувствуем. Хотел бы спросить многое об Учении, но может быть даже и это кому то не нравится, и не хочется утруждать. Потому ограничиваюсь жизнью нашей семейной. Просыпаюсь около пяти и тотчас же же все внимание свое отдаю мыслям любимым и о любимых, и мысли бывают все гуановы и плодоносны. Это моя пища. Так же и вечером уделяю думам своим час-два. И никогда сердце не остается без ответа. Сердце живет своей внутренней жизнью, насыщаясь и питаясь по нитям любви. Раньше я никогда не думал о том, какая это сила любовь, и о том, что это путь кратчайший к В. сердцу. И как все просто. Любите, остальное приложится вам. Потому и люблю мою единственную и неповторяемую, и хочу ей быть ближе близкого. Эти чувства и мысли помогают смотреть в будущее. Или живу. Начиная с седьмого декабря послал Вам семь писем. Неужели ни одного не получили? Нина шлет Вам и Юрию Николаевичу свой привет. И от меня ему привет теплый. Не забывайте любящих Вас.

Крепко Вас обнимаю и целую. Всецело и навсегда
Ваш Ваш [illegible]
Борис

1. 15 февраля 1954 г 91

Родная и любимая Елена Ивановна, наконец то пришло письмо от Вас после двухмесячного перерыва. Сердце чуяло, что Вы просто не писали, а мозг думал, что письма теряются. Сердце, как всегда оказалось правым. Но должен Вам сказать, что Вы так избаловали нас своим вниманием, что быть без Ваших писем прямо уже невозможно. Я понимаю, что Вам иногда трудно ответить, но Вы хоть две строчки черкните. Понимаю, что Вы ждали ответа на Ваше письмо от 17 ноября, но я тотчас же на него ответил, и мне очень жаль, что Вы его не получили. Хотя мое сердце опять говорит мне, что оно дойдет до Вас. Конечно, Мила могла бы взять Учение, но тогда бы ей пришлось в силу обстоятельств отдать себя и свой внутренний мир и все свое дорогое и любимое на растерзание папы, мамы и брата, чего ей очень не хотелось. Вот в этом и причина. О Екином индексе не горюйте: он был маленький и ограниченный Естьбольшой и новый, о котором она ничего не знает. Жаль, что не все Милины письма дошли, ведь она должна была об этом сказать Матери. Если бы Мила знала, какие письма не дошли, она написала бы еще раз. Очень был рад услышать из Ваших собственных уст, что Индия-друг моей Родины и Китая. Новый мир трепнет и ростет. Я тоже люблю Индию- сына давнишнюю родину. Видел интересный сон на рассвете 24 января, веренее, слышал. В.В. Сказал: спрашивай! И я ,Конечно, спросил, когда будет письмо. Он ответил-Завтра. Но увы! прошло завтра и послезавтра, а письма всё не было. Только получив письмо от 24 я понял, что слова относились не к получению письма, а к его отправлению. И мне интересно знать, было ли письмо послано 24-го, или на другой день. Также Он сказал, что внутреннее ухо откроется первым. И добавил: "Мне радость дать сыну свидетельство Близости. Трепещи сердцем в ожидании счастья, ибо велико. Удержись

в сознании Близости. Мало дальнобли́зких сознательно. Не преклонение нужно, но любовь и почитание. Сыну привет и утверждение Близости Шлю....Природа вещей видимой быть постоянно не может. Чувствовать или чувствознать легче, чем слышать или видеть. Слушай, слух откроется первым. Новое светило-это Звезда Родины Мира. Вайасвата Ману". Мне бы хотелось знать, что значат слова Вайясвата Ману. Вы пишите, что некоторые страницы написанные далеким сыном войдут в книгу о Матери. Но ведь эти страницы могли бы быть гораздо полнее и красивее, еслибы сердце писало, как ему хочется, а таких условий еще никогда не было. Во-вторых о жизнеописании матери Вам писал уже давно и хотедось бы в этом деле принять полное и исключительное участие. Конечно подобное желание граничит с дерзостью, а может быть с дерзанием. Но не мне решать. Если бы я был около Вас, очки Вам достал бы и ящик бы с пробными очками привез, вед его же дадут на время. Неужели этого нельзя сделать. Когда буду около Вас, Вы будете делать только то, что кроме Вас никто сделать не сможет. Все читание, писание и все то, что сейчас делаете сами, необходимости делать не будет. До боли обидно, что приходится Вам тратить время на это. Капли и мне очень нравятся. Их очень много, и еще ее попрошу дать. Оля музыкантша замуж не собирается. Приводит в удобочитаемый вид Письма Матери, а их уже много. Сейчас снову над письмом от 24/11 1937 г. ноября Видит часто много звезд и цветных огней, радугу и т. д. Читает Т.Д. Усовершенствуется в немецком и французском языках. Но если бы Вы подтвердили, что это ей нужно для будущего, это дало бы ей тройной импульс. Часто чувствует Матерь. Все мои музыкальные вещи оформила она. Я даю мотив

а она подбирает аккомпанимент для пения, записывает его и исполняет всю вещь и вокально. Есть очень красивые вещи. Некоторые посвящены Вам. Одна и очень оригинальная и торжественная посвящена Картине нашего Любимого "Сам Вышел"- Вам и автору ее одновременно. Я очень люблю эту вещь. Мне так хотелось бы услышать мнение В.В. и так хотелось бы, чтобы их прослушали Вы. Не знаю стоит ли этому творчеству, для меня новому, уделять время, ибо времени оно требует много, т.к. у меня пианино нет, и мне приходится запоминать всю мелодию наизусть. Мотивы у меня родятся на свои собственные стихи, иногда на чатичи. Вот Вы сами видите, как мне Вас нужно, чтобы сказать свое решающее слово. Т.К. не знаю получили ли Вы мое письмо от 7-го дек., то еще раз хочу сказать Вам то, что в нем было ответом на Ваше письмо от 17 ноября: Спасибо Вам, что Вы ответили на мой вопрос относительно Сатурна и т. д., но, к сожалению, у меня в связи с этим возникло еще больше вопросов, которым не вижу конца. Потому от вопросов воздержусь насколько хватит сил. Конечно я знал, кто такой Такур Гул. Сингх- герой книги. Выше Его Образа мое представление подняться не может. Все самое высокое, что я могу представить себе сосредоточено в Нем. Но Ананда заинтересовал меня как человек, который, будучи человеком достиг многого, как мне казалось. Конечно, ни о каком сравнении между им и Такуром я и не помышлял. Нельзя сравнивать несравнимое, солнце и простого человека. Меня очень огорчило, что в моем письме о лучах я как бы умалили значение Луча В-ки или, во всяком случае, дал его ограниченную концепцию. Но ведь я, воспринимая, не рассуждаю, - значит восприятие еще слабо. А я с таким уважением отнесился к каждой мысли, боясь быть неточным. Вот это меня и огорчает, ибо велик труд затрачиваемый и время Уделяемое ему. С поправкой Вашей я согласен, ибо, именно, в этом смысле я и понимал, что, именно, в жизни, но не в теории нужно осознать Луч. Также меня поражает широта и глубина Вашего знания, и не знаешь удастся ли когда дойти хотя бы до какой то ее степени. Я Вам так признателен за Ваше внимание и ответы, но мне стыдно, что затруднил Вас чтением мелкого письма. Мне до того надо Вас видеть и поговорить, что и сказать не могу. Именно поговорить надо, на вопросах невозможно остановиться, ибо их слишком много. Вы встречались с Вел№ Индивид. и ощущали Его индивидуальный Луч, и в то же самое время солнце светило, посылая свои лучи на землю и неся в себе спектр всех элементов солнца. Вот именно об индивидуальном луче я и хотел сказать, хотя и знал, что Вл. Шам. живет в центре солнца. Трудно это сочетать в сознании. И еще мне казалось, что ни одна ~~сфера~~ оболочка не имеет самодовлеющего значения, т.к. полностью сменяется с каждой сменой жизни. Хочу сказать, каждая из трех. Потому, думаю, что жизнь в каждой из них временна. А что касается чистого аст., то по опыту полагаю, что в нем то и таится все зло. Потому мой идеал его полное подчинение. По крайней мере мечтаю об этом. Мне очень много было Сказано об этом и о том, что он должен быть приведен к молчанию. В этом смысле я и понял Ананду, как человека победившего чис. аст. Кроме того в этом письме было еще стихотворение:

Я колокол, зовущий набатно, Я счастья грядущего вестник, Я солнечной мощи носитель, Я пламени огненный столб. Я тайны Безмолвия арфа, Я звездных лучей Собиратель, Я солнце надземного мира, Я солнце-родитель огня. Я свет сокровенного света, Я детям Моим свет несущий, Я Новой Земли провозвестник, Я Нового Неба творец. Я фокус для всех устремлений, Я вас охраняющий мощно, Я тот, кто дает беспредельно, Я вечный источник огня."

Вот мой ответ на Ваше письмо от 17 ноября. Но конечно это далеко не все, что бы мне хотелось спросить Вас и что объяснить. О разнице между космическим магнетизмом и лучами я не думал.

3 ибо считал, что силовые линии магнитных излучений и излучения магнитных полюсов земли /северное сиянию/ тоже представляют собою лучи, хотя часто и невидимые. Так же не думал о первородности пространственного огня и вторичности лучей порожденных. Очень много хотел бы спросить о планетах и их Породителях. Кто возглавляет Уран? Но отложу многие вопросы до встречи. т.к. ни время , ни место не позволяют. Остается ли в силе все то, что Вы мне раньше сказали о трех моих лучах, или это достижение откладывается? Или и то , чем Вы писали и три луча связаны между собою? Изжитие в себе отрицательных качеств для меня вопрос очень важный, ибо достаточно их имею. Пробовал подавлять волей, но опять поднимали голову, будучи подавлены. Но, повидимому, требуется именно полное изживание, на что нужно и время, и расширение сознания. Но Вл. сказал, что с Ним преодолею все и не советовал отягощаться терзаниями об ошибках допущенных. И еще должен Вам сказать, что я часто пишу совсем не так, как хотел бы, и потому употребляю выражения подчас кажущиеся Вам странными. Не могу же я весь свой внутренний мир доверить бумаге. И часто чувствую себя, как птица на веревочке. Молекула столовой соли состоит из атома натрия и атома хлора, противоположных по своему заряду, два дают третье, новое, соль. В этом смысле я и понимал существование всякой законченной вещи и лучей, что именно наличие двух полюсов в луче и являет собою луч в целом, а не в каком либо другом. Но Вы пожалуйста не затрудняйте себя ответом на эти вопросы, они могут подождать до встречи. Не космогония самое ценное для меня в Вашем письме и письмах но слова: "Ояви им Мою заботу о них". Ибо при этом условии и космогония придет, а без них ничего не надо. К чему без Него знание и вообще что бы то ни было. Очень благодарю Вас за любовь и за ласку. ЕЕ то нам и нужно больше всего. В том письме были еще следующие слова:

"Мама! Мое далекое любимое солнышко, я Вас всетаки очень люблю, несмотря ни на что. Люблю, несмотря на то что Вы далеко. люблю, несмотря на все мои недостатки и несовершенства, люблю, несмотря на то, что Вы такая большая и самая близкая Ему. Мне так нужно утверждение Ваше. И так хотелось бы, чтобы отлетела ненужная шелуха. Мы иногда уявляемся на беспокойстве. Было Сказано: "У кого есть страх, Дам страх. У кого есть уныние Дам уныние, У кого беспокойства, Дам беспокойства, пока не окрепнете и не утвердитесь в силе своей. Придется беспокоиться вплоть до полного изжития этого качества". Вот, кажется, все самое главное, что было в том письме. 10 февраля видел во сне, что читал новую большую книгу Учения. В конце ее был портрет нашего Любимого и портрет Матери, исполненный пером. Она плакала, и Ее лицо было закрыто Ее левой рукой. Потом слышал слова "произошло несчастие. Не надо беспокоится". А через два дня опять слова: "Смерть от огненного удара. Сознание не выдержало. Огненная смерть явление мгновенное. Не выдержало сердце." Вот я и беспокоюсь не случилось ли чего, как это мне показалось с кем то из тех, кто около Вас, не только не с Вашими сынами. Как хорошо, чтобы это лишь сном оказалось. И еще в том письме было о моих пробуждающихся способностях. Мне очень было это важно, т.к. три года и три месяца тому назад В. сказал мне, "Дар ясн. будет. Дадим луч. яснов". То знание, которое Вы мне даете, принимаю без всяких сомнений, колебаний и мудрствований, стараясь лишь уяснить себе непонятное, ибо Вам открыто сердце мое полностью. Привет Юрию Николаевичу. Скажите ему, пожалуйста, что когда он нам напишет, буду знать, что день встречи пришел. Пожалуйста не забывайте нас, без Ваших писем невозможно. Хоть две строчки, но пишите.

Желаю Вам всего светлого.
К Вечно Вас обнимаю и целую.
Всегда и навсегда Ваш
[illegible]

25 февраля 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна, мне очень жаль Милу, потому, что все её надежды на встречу с близкими. Она хоть и маленькая, но сердце у нее большое и она принадлежит к тем людям, которые умеют горячо любить и быть верными и преданными тем, кого любят. А таких немного. Нас с Ниной очень тронули слова Ваши о малом даре. Но не почему дар малый, потому что если бы получил в дар сухой прошлогодний лист от В., то считал бы такой дар великим и самым ценным, что имею. Двадцать лет тому назад я получил от нашего Любимого Н.К. засушенную розу. И вот, двадцать лет я бережно храню ее вместе с его портретом. А Вы говорите дар малый! Мое любимое солнышко, истинно для нас он велик, каков бы он ни был. И я так Вам признателен за Вашу радость с нам, радость за нас. Мы ее очень почувствовали. Ваша Нинка, прочтя письмо Матери, даже не могла спать от переживаний и ночь не спала, переживала. И когда она его читала, я, притулившись у двери, радовался за нее. Ваше Нинка счастлива. Немного у нее радостей в жизни, потому и радость ценнее и дороже. Вот уже много лет стараюсь я научиться удерживать в тр. глазу Лик, но это мне упорно не удается; черты лица быстро расплываются и исчезают. И видеть так, как нужно, не могу. А мне это очень важно, потому что все ощущения, впечатления и мысли текли через Лик. Представить себе могу, не видеть не научился. БудуБуду учиться, пока не научусь, хотя он это потребовал всей жизни. Очень много думал о Вас и В., и утром 22-го, думая, проснувшись очень рано, о Нем, вдруг понял и запечатлел в сознании, что мы увидим Его. Увидят и все, но зримость будет по сознанию, И будут смотреть, но не видеть. О Приходе было Сказано: "Конечно, радость для всех, но для вас, близких, наибольшая и совершенная, т.е. сознательная. Ведь Приду в указанную, , и там увидите Меня, своего В. Будут смотреть все, но увидите только вы, близкие. И радость ваша будет сокровенна. Радоваться будут все, и оно будет ликовать сердце, которое чует, но знать и видеть будете только вы, пришедшие ко Мне в день великого мрака! Вот очень большая часть того, что учуяло сердце. А сегодня было очень много о Матери, Ее жизни и смысле Ее трудов. Было и о том, что ему дается право свидетельствовать о Ней. Получили ли наши с Ниной письма от 15 февр. Будет очень жаль, если не дойдут. В нем повторил часть письма от седьмого декабря , а также писал о своих переживаниях и мыслях, о стихах переведенных на музыку и об Оле которая помогает оформлять мои мелодии. Она очень приличная. Учит немецкий и французский для будущего, видит пятна цветные большие и звезды, радугу, полосы и т.д. Читает Т.Д. и работает над Раз.Из.- ведь Вы знаете мой почерк, любит Вас и видит во сне Вас Юрия Николаевича иногда. Ехихихихихихихихихихи. Молодуха не наша тоже нас не забывает. Даже трудно себе представить, неужели скоро увижу Единственную и Неповторимую, и солнышко мое будет светить и для меня. Если бы Вы только знали как стосковался о Вас. Вы пишите, что нас любите в каждом письме, Сколько бы раз Вы это ни повторяли, каждый раз это звучит по новому и дает новую радость и ощущения реальной близости. Мама! мое далекое солнышко, я Вас очень люблю. Если бы была возможность, писал бы Вам без конца! О стольком хотелось бы поговорить. И даже не знаю успею ли сказать все даже тогда, когда Вас увижу. Привет Юрию Николаевичу.

Крепко Вас обнимаю и нежно.
Всегда и навсегда Ваш, Ваш сын
Боря

Не удивляйтесь если Нинка пишет о Фиш, она не в. не знакомых
до дня "малый" в кавычках
великая

Всё, о чем Вы писали, начинает как будто осуществляться, но все дело в том, что наши обстоятельства становятся все более маракарными день ото дня. Это заставляет задуматься. Хочется спросить о встрече и в зависимости от этого, что то думать. Дима остался без работы и Нинина ухудшил. Свои испытания могу нести безропотно, но при условии если Вы нас не будете забывать. Иначе утрачивается даже уверенность в своих мыслях, которых приходит по-прежнему столь много. Нужна Ваша поддержка и утверждение. Если длинные не доходят, напишите короче или даже открытку и хотя бы о том, как живете и что думаете о будущем. Нас очень, очень огорчает Ваше молчание. Ждать встречи можно, но почему бы не поближе к Матери, ну хотя бы в ближайшем большом городе. Ведь ничем бы Ее не отяготили. Ведь ни зря же пишу и спрашиваю. Жизнь складывается так, что хотелось бы быть, хотя бы около Еки, и не наша и не моя в этом

в Эхомвина. Когда Ч. Вам Ека писала о некоторых вещах, вы были очень недовольны, но как же быть, когда они есть? Если бы Лида поехала без нас, она увидела бы своего суженого через два года. Есть вещи, которые просто у меня не укладываются, потому и мечтаю быть ближе к Матери.

Очевидность и действительность. Когда Вы долго не пишете очевидность начинает побеждать. Тяжко чувствовать себя лишним человеком и ненужным: на работе нам сказали, что до января мы можем быть спокойны за свой заработок. А потом? При настоящих условиях, нечего и думать о том, чтобы Нину довезти живой. Но Ека смогла довезти ~~мужа~~ мужа, вот почему только к ней и можно было бы думать перебираться. Не именно к ней, а вообще. И так очевидность против. Потому и спрашиваю. Если есть родственники или даже знакомые, даже в столице, и если они согласны дать жилплощадь, то можно ехать. Но дорого это. Время идет, идут дни, а от Вас нет ни строчки.

Раньше писалось Вам легко, а сейчас очень трудно. Может быть не время Вас утруждать? Написал Вам письма двадцать пятого мая и пятого июля очень ждал ответа. Получили ли и писали ли? Может быть письма затерялись. По-прежнему болит низ позвоночника, но почему то не беспокоит днем, лишь ночью с боку на бок приходится поворачиваться очень бережно и не торопясь. Всё то, что Вам не понравится в этом письме вызвано Вашим четырехмесячным молчанием. И моим желанием объяснить и показать, что без Ваших писем никак невозможно. Может быть было бы легче, если бы жизнь к нам с Ниной не поворачивалась спиной. Конечно Ека не оставляет и не оставит, но Ваше утверждение и подтверждение нужно, как смазочное масло для машины. Мысли растут и углубляются и ритм их обычно не нарушается. Их очень много и так бы хотелось поделиться. В последних двух письмах поделился, но от Вас в ответ ничего не имело.

С Ниной часто говорим о Вас и повторяем слова: „Нас мама совсем забыла" Вицю не любит.

Вам привет и Юрию Николаевичу от Нины, а ему и от меня. Не забывайте, пишите.

Прежде Вас обнимаю целую. Всегда и навсегда Ваш, Ваш-сын Борис.

Как Ваше здоровье, как самочувствие, как ночи и как работа?

С Праздником Поздравляем!

96

8 апреля 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! Ваше последнее письмо было от десятого февраля. С тех пор от Вас ничего не получали. Или Вам сильно недомогается, или и Вас гостит сын с женой? После десятого февраля послали Вам четыре письма, в общем же на пять писем ответа от Вас не получено. Живем средне, Нина часто прихварывает и попрежнему слабенькая. Из квартиры не выходит. Здоровье её, её очень угнетает. От Ети получили письмо. Пишет, что, наконец, хорошо устроились. Получили комнату, хорошо и чисто кормят. Чудная кругом природа. Слушает музыку, имеет бесплатно библиотеку и очень тепер довольна. Очень за неё порадовались. На старости лет и комната, и стол и прочие мелочи обеспечены. Это ведь очень важно иметь возможность и почитать, и подумать, и не быть лишенными природы. Трудно без неё. Вот и весна пришла, та, о которой Вы говорили. Когда думаете ехать? Видел сегодня во сне, что мы с Ниной получили от Вас письмо, большое, заказное и даже с посылкой, но то ж были кольца, но то колушки не разобрал, и еще что-то из ЯНТаря. Очень соскучились по Вашим письмам. Ольги, кажется, придется ехать на родину мужа. Как Ваши мнения? Его мать тянет в другую сторону, но Ольга конечно не хочет. Или домой, или уже на родину к мужу. На Ваше письмо от 17 ноября длинное, ответил два раза, но, так и не знаю, получили ли хоть одним из них. А когда не знаешь, дойдет ли письмо, то писать очень трудно. Любим Вас попрежнему и ждем желанной встречи, ждем, хотя ждать становится всё труднее и труднее. Не забывайте нас. Пишите. Хотелось бы знать какие письма получили.

Привет Хорошо Николаевичу и святое-славу Николаевичу с женой

Крепко Вас обнимаю и целую. Всегда и навсегда Ваш Ваш Бр

4 мая 1954. 97

Родная и любимая Елена Ивановна. Получили Ваше письмо от 13 апреля. Оздоровье тещи Вам Нина напишет подробно. Доктор сказал, что операции ей делать не будут, т.к. не находят срочности и необходимости. За этот год у ней был только один припадок. Болей не бывает, а лишь дурнота и слабость. Не может ходить два-три дня. Она работает по хозяйству, но мыть полы и стирать ей трудно. В общем ее самочувствие удовлетворительное. Нинка же поняла из слов Матери, что ей осталось не долго жить. Мне кажется, что Нина ошибается. Болеутоляющих лекарств она не принимает, т.к. болей у ней нет. Обычно бывает так: сперва повольнуется (жить нелегко), потом попереживает, а потом и захворывает. Относительно служанки вопрос сложен, т.к. на ней уйдет одна третья часть всего моего заработка, а это нам не выдержать. Но об этом будет писать Нинка сама. Спасибо Вам за Ваше внимание, любовь и заботу. Когда, где и как отблагодарю Вас за все это. Считаю себя в неоплатном долгу. А т.к. Вы самая любимая, то этот долг меня не тяготит совсем. О могиле и памятнике заботилась Люд. Ивановна и доктор, но не мы. Они продали оставшиеся после смерти дяди Володи вещи и на них и делали памятник. Считают ли они, что расходы надо возместить, спросите пожалуйста их самих. Что же касается моей заботы ~~о дяде Володе~~ и ~~моих~~ близких о дяде Володе, когда он хворал, то ни о каком возмещении расходов, которые кстати были невелики, не может быть даже и речи

Я не думаю, чтобы Вы захотели корчить нас, предложив компенсацию за доброе к нему отношение. Как мог оказать я иначе внимание нашему любимому Ник. Конст. Я согласился на малый дар от Вл., думая, что это какая-нибудь памятная вещь. (кольцо, изображение или что-нибудь в этом роде.) Конечно, приму всё, что будет дан Совет принять, но при условии, если это не в счет какого-то долга, которого не существует. Ни мне, ни моим близким. Моя любимая и единственная ничего не должна и не могла быть должной, я у Ней в неоплатном долгу. Получили ли мои письма от 30 января и 15 февраля, в котором я вторично отвечал на Ваше письмо от 17 ноября? Послужи время Нинка чувствует себя очень неважно. Длинных писем писать не буду, т.к. видно плохо доходят. Очень опечалило нас то, что Вы недомогаете и что Вам трудно. Опять Вас отяготили люди, хотя и близкие и любимые. Думаю, что все-таки люди часто берут бессознательно, в то время, как могли бы сознательно давать. Пожалуйста не затрудняйте себя заботой о каких-то трудах. Да и время сейчас сложное. Хочу, чтобы моих близких и Вы называли близкими, этого вполне [illegible] [illegible] лучше. У нас здесь многие изъявили желание ехать на обработку целинных земель на родину. Нина больная и ехать не может. Но на сил ках везти хлопотно и, наверно, невозможно. Как Ваш отъезд? Ваше письмо от 10 февр. получили. Пишите. Не забывайте. Хоть пару строчек. Как Вы думаете, когда мы сможем увидеться на тремени мира. Крепко Вас обнимаю и целую. И Вам очень не очень любимы.

Всегда и навсегда
Ваш [illegible]
[illegible]

Привет от Нинки. Привет Юрке Николаевичу

8 мая 1954 г. 98

Родная и любимая Елена Ивановна.
Сейчас проснулся под впечатлением тяжелого сна. Видел во сне Вас, и видел, что Вам было очень тяжко, Вы хворали и не могли двигаться. Не помню подробностей, но было мне тяжело. Чует сердце, как нелегко Вам, и кажется мне, что одиноки Вы среди людей, даже близких, и что не они поднимаются или стремятся подняться до Вас, но Вам приходится приноравливаться к их пониманию. Много еще о чем думал, о Вас думал. Время идет, но не видно еще встречи желанной, не чувствуется еще ее радости. Нет Милы с нами, нет Еки; вот и Ольга с мужем стоят перед тем, чтобы уехать на родину ~~к~~ мужа, в то время как она хочет домой, к себе в Россию. Расставаться грустно, но что делать. Если бы встреча была близка, можно было бы ей немного оттянуть отъезд. Ека очень хорошо живет: спокойно и о ней заботятся: о столе и всём прочем. Это хорошо. Мы с Шенкой проходим период особого отягощения

обстоятельствами. Сильно ухудшилось её самочувствие и здоровье. Ума не приложу, что делать, а вдобавок ко всему этому — отягощение обстоятельствами. Я это предвидел, отягощение предвидел, но помочь не могу. Помните даже спрашивал, что делать. Еке, как и всегда, повезло и в этом. Рады за нее, что Уиджи освободила её от заботы о куске хлеба и прочих мелочей нудных и неизбежных. Думаю о том, как поедете вы с вашим здоровьем и Нина? Было нам здесь предложение труда на целинные земли заниматься сельским хозяйством. Но Нина полный инвалид и ее надо было бы везти на носилках, а потому ехать она не может. А так бы хотелось, но с Матерью. Спина у меня временами продолжает болеть и сильнее. Любимая Елена Ивановна, почему так трудно ожидание стало? Очень огорчает ваше недомогание. Остро чувствую, как вам больно. Хотел бы помочь, но как? Привет Юрию Николаевичу. Четвертого мая послал небольшое письмо вам, торопился ответить на ваше письмо от 13 апреля. Крепко вас целую и обнимаю. Любимый вам
[illegible]

15 мая 1954 г. 99

Родная и любимая Елена Ивановна!

Пишу Вам это письмо в день рождения Нины. Многие у нас записались ехать на Родину поднимать целину и заниматься сельским хозяйством. Нина — не работница. Ведь её пришлось бы вносить на руках и выносить из вагона. И в теплушке тоже ехать она не может, т.к. ни стоять, ни сидеть на чем либо, кроме дивана или кресла она не может. При чем ни стоять, ни сидеть долго она ни в состоянии, так же и не может она пройти боли десятка сажен. Куда и как ее везти, да еще на сельские работы? Пока Матерь не даст определенного и точного совета, как быть ей с отъездом, никаких шагов предпринимать не буду. Там нужны работники, а я пяти минут не могу наклонившись стоять, и от жары и движения пухнут руки (от сердца). В Ваших письмах об отъезде нет ни слова, и поэтому Нина считает, что и её время значит еще не пришло. Хотелось бы спросить маму, что делать? Вопрос о служанке, как будто бы исключает скорый отъезд? Вед не только за себя приходится думать. Спасибо за перевод. Он равняется моему полуторамесячному заработку. Но мы не знаем, что с ним делать. Вы писали о памятнике, могиле, служанке, малом даре, и я не знаю, что же именно Вы имели в виду. К словам о малом даре я отнесся очень сочувственно и радостно, ибо думал, что это какая-нибудь памятная вещь, вроде кольца или изображения. Но об этом буду писать потом, когда ответите, что делать с посылкой полученной. Думаю, что Вы очень много потеряли при этом. А как это выяснить не знаю. А выяснить хочется, чтобы Вы видели, что может быть ~~на~~ совсем ни нужно было себя утруждать. А еще меня беспокоит то, что я себя чувствую и в неоплатном долгу перед Матерью и Н.Вл., за заботу, любовь и внимание.

Вчера Вас очень близко чувствовал утром, словно Вы чувствовали, что посланное дойдет именно в этот день. Дни идут под знаком отягощения обстоятельствами, что иногда очень мешает сосредоточиться мыслью. Люди отягощают. Очень понимаю, что вы болеете от людей. Но силы духа Вашей и упорству удивляюсь, а также и преданности непревозойденной. Живем сносно, но очень скромно. На еду хватает, без деликатесов и фруктов. Сын ведь заработывает приблизительно двадцать-двадцать пять обычных рублей в месяц. Мы, между прочим, очень мало едим, в два-три раза меньше нормального человека. Конечно о том, чтобы сшить шубу или новый костюм мечтать не приходится. Это я пишу, не потому что хочу обременить Вас, а просто мне хочется объяснить, что брать для нины домработницу, или, как Вы говорите, служанку, нам совсем не под силу. На нее уйдет больше трети ~~что я зарабатываю и что мы тратим на свой скромный стол~~. Моего заработка, который весь уже идет на стол и прожитие наше.

Простите, что пишу с помарками, но хочется непременно ответить без промедления, как Вы просили.

Много мыслей новых приходит почти ежедневно. Только когда отягощения обстоятельствами становятся чрезмерными, ритм нарушается. Иногда даже хочется спросить, ослабнет ли это постоянно усиливающееся отягощение. А мыслями так бы хотелось поделиться с моей единственной, любимой и неповторяемой. Лишь она одна поймет и оценит, и скажет свое нужное слово. Ведь, кроме Нее, никому больше и обратиться. Далекому солнышку сердечный привет. Спасибо за все заботы и любовь. Привет Ларисе Николаевичу. Крепко Вас обнимаю и целую.

Всегда. Навсегда Вам
Пашенька Ворон

О могиле и памятнике Жаде Володе заботились Людмила Ивановна и Тёзка, а не мы, но у него были вещи, оставшиеся от покойного. Никаких долгов у Вас перед нами нет. Об этом подробно писал в письме от 4-го мая.

19 июня 1954 г. 100

Родная и любимая Елена Ивановна. От Сти узнали печальные новости о смерти Тих. Яковл. и Зильбер. Очень были огорчены. Почему Вы нам об этом ничего не написали. Жаль очень, ибо ушли преждевременно. В мае написали Вам три письма, но ответа от Вас нет. Деньги от Матери получили, не не знаем, что с ними делать, и ответа нет. У нас очень многие уезжают на Родину. Катины друзья уезжают все. Нина продолжает недомогать и я не решалось везти ее. Ведь её пришлось бы переносить на руках, по лестницам, в вагон и т. д., а так же не знаю как быть с Ученым и пр. Спрашивал совета, но ответа нет. Когда Вы думаете трогаться? Так бы хотелось, чтобы Матерь была около, чтобы можно было поговорить и спросить, что делать с Нинкой. Боюсь, что Ваши письма теряются. Если будете писать что-нибудь, что Вы хотите, чтобы дошло обязательно, посылайте в двух письмах, одно как обычно, а другое до востребования. Может быть так лучше дойдет. Но так можно писать лишь изредка, потому что у нас имеется постоянный адрес. Почему Вы не пишете? Хоть открытку черкните. Видно хвораете и Вам уже не до писем. Тоже тяжкие и очень сказываются на сердце. Думаюсь, что и мы с Нинкой скоро тоже бутимся дома, но как это будет не знаю, т.к. из-за болезни ей необходимы городские условия и некоторые удобства и отдельная комната. Длинные письма до Вас не доходят, даже не знаю какие и писать. У нас почта действует превосходно. Я думаю что в ваших краях почта неаккуратна. Одно Ваше письмо заваляло где-то там и Вас десять дней. И Мила писала, что и ее письма до Вас плохо доходят. Спасибо за заботу о ней. Книгу она получила. Ольга с мужем тоже собираются,

на родину мужа. Конечно, расставаться ей очень не хочется, и она с большим бы удовольствием и радостью поехала с нами на родину. Очень жаль, если придется расстаться. Но время идет, не принося желанной встречи. Слева Ивановна, родная, пожалуйста напишите хоть пару строчек. Вчера целый день трепыхалось сердце. С погодой творится нечто невероятное: то дождь, то гроза, то град, то ветер, и это действует на состояние организма. Видно не скоро еще стихии войдут в берега. До сих пор жил надеждой на встречу, но теперь хотелось бы жить не надеждой, но уверенностью и знать, хотя бы приблизительно, когда. И я бы с радостью поехал на сельские работы, но Нина-инвалид, а я не могу нагибаться. Сижу и думаю, а время идет. И даже матерь спросить не могу. А ведь у нас семья, и о близких приходится думать. Привет Юрию Николаевичу. Глазу у Люд. Ив. поправились, благодаря Вашему совету. Она чувствует себя хорошо в отношении глаз. Мила опять без службы, тяжело ей там на чужбине, но радость, что ее желание о книге исполнилось. Не забывайте нас. Когда нет писем, не знаю, что и думать. Избаловали Вы нас. Любимо и не забываю и сердце стремится к Любимой Пишине. Крепко Вас обнимаю и целую.

Вслух и наслух
Ваш Ваш сын
Борис

Ваше послужное воротенькое
письмо было от 29 апреля

Harbin, Sadovaya 18.
Авгаторр Вл. 101 12 июля 54.

Гаунаи и Л. Елена Ивановна
Вот уже два месяца от Вас нет
ни одного письма. Последнее было
от 29 Апреля. Очень бес попаим
ся о Вашем здоровье. Может быть
за что-нибудь на нас рассердились?
Не знаю, что и думать. Четыре
моих последних письма оста-
лись без ответа. Мила писала,
что там у Вас пропадают пись-
ма. Перев. получили и благода-
рим, но не знаем, что с ним де-
лать и для кого. Так соскучи-
лись о Ваших письмах! О вот
теперь вот ни строчки. Мно-
гие наши друзья уехали на Ро-
дину. Ека говорила умер Тих.
Яковлевич и Дильберг. Не знаю
правда ли это? На сердце очень
нагнетенно. Может быть раз-
любили? Очень грустно и тяж-
ко, что не пишите. Нина шлет
привет Вам и Борису Николаевичу
Отделения ему тоже привет.
Может быть забыли? А мы
Вас не забываем и любим лоп-
рожнему и ждем обещанной
встречи с Вами. Крепко Вас
обнимаю и целую. Нестор и [illegible]
[illegible]

中國人民郵政明信片
另收成本壹佰圓
只寫收信人姓名地址
Mrs Helen J. Roerich
Kalimpong
West Bengal
India
India
空航
PAR AVION

102 14 июля 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна, наконец то пришла желанная весточка от Любимой и сразу стало легче. Не можем мы жить без ваших писем и внимания. Избаловали Вы нас очень, вот и мучаемся, когда долго не пишете. За дар ВВ и Вам спасибо. Не думал ни мгновения велик он или мал. Кто на всем белом свете позаботится о том, чтобы нам с Нинкой иметь подарок равный полуторамесячному труду. Нет таких людей. По Вашим масштабам может он и малый, а по нашим большой. Спасибо, спасибо родная. Нинка уже мечтает о какой то красивой вещи, (котор не она очень любит,) которую она уже собирается себе подарить. И не в том дело каков он, а в том, что Заботу ценим и сердце переполнено признательностью. Никогда ни от кого ничего не взял бы, а тут чувствую себя законным членом семьи. И маму благодарю. О разнице и потере писал не потому, что смотрел много, или мало, а потому, чтобы Вы сами убедились, сколько теряете и что не надо себя утруждать подарками. От любви и заботы говорил, а не потому, что считал его малым. Нет нам жизни без Матери, и когда она молчит, то очень трудно и сердце болит. А вот получили письмо и все наши семейные вопросы сразу же и разрешились, словно плиту тяжкую с плеч сняли. Вы пишете о встрече. Это так радостно. Не мыслю без нее будущего. Понимает ли моя Мама, что она единственный человек во всем мире, слово которого для меня так много значат, и даже не могу представить себе того времени, когда уже некому будет обратиться для окончательного решения любого вопроса. Не могу сравнить Неповторя

смую мою, с кем бы то ни было, ибо не знают. Помните слова „Одна Ел. Петр. знала". Вот я и говорю, одна Матерь знает. Вы должны понять мое отношение. Сердце так привязало себя к любимой, что в теперешнем состоянии моём не мыслю о новой разлуке после обещанной встречи. Может быть, когда кундал. проснется и общение станет возможным, как-нибудь перетерплю. Но не сейчас. Мое любимое солнышко настолько прочно и нераздельно вошло в мою жизнь, и мысль срослась с Нею, что узы получаются неразрывные. Очень горевали, что не было писем и беспокоились о Вашем здоровьи. И, наконец, по глупости нашей мы с Нинкой решили: не пишут нам, значит не любят и никому мы не нужны. Вот почему так нуждаемся мы в утверждении повторном Вашего доброго отношения. Одним словом, я очень люблю Мое Солнышко и очень признателен за все. Письмо Ваше от 24 фев. так до нас и не дошло! Ни первое, ни второе. Может еще раз напишите? Не понимаю, почему дуга еще не угомонились, вед без головы! а всё еще злопыхают. Когда будет встреча, на сына Вы можете рассчитывать полностью и всецело, т.е. все его время будет отдано Вам. Мысли приходят утром и вечером и все новые и часто неожиданные. Начинаю понимать ~~не~~ слово неисчерпаемость мыслей ТВ. Уже не удивляюсь. А насчет испытаний это Вы правильно пишете. Судьба нас не забывает и часто преподносит одно неприятное другого. Иногда становится очень туго. Но лишь бы Мама не забывала, и тогда можно выдержать всё. А вот когда ничего нет, то трудно. Очень рад, что мои утренние мысли в точности совпали

103

с тем, что вы написали нам об отъезде. Чувствовалось, что это так, но нужно было слово живое. Хочу, чтобы в сердцем ощутили великую мою признательность за ласку Вашу и любовь. Мы так рады, что Вы поправились. Давно этого ждали. Накануне получения Вашего последнего письма видел Вас во сне уже здоровой. Хочу Вам еще большего здоровья. Много Вы, родная, намучались. Спасибо Вам за Милу. Она так рада, что ее мечта исполнилась и она имеет любимые книги. Некоторые ее письма к Вам потерялись и она будет писать еще раз. Вот и мне хотелось бы написать все, чем полно сердце, но уже не пишу, ибо чем больше сердца вкладываешь в каждое слово, тем хуже идет весть. Почему это так. Так и считайте, не потому письма порою звучат коряво, что сердце так чувствует, а потому, что воли ему не дано. Пусть остальное сердцем поймете. Родная и любимая, не забывайте нас. Позавчера послал Вам открытку, где горько сетовал, что Вы нас забыли.

от 23/VI

а вчера получили Ваше письмо. И спешим ответить. Хотелось бы поделиться мыслями новыми, но в следующий раз. Привет Юрию Николаевичу. Пишите и не забывайте. Каждое утро думаю о Вас неотлично. Крепко Вас Всегда и Навсегда Ваш обнимаю и целую

Ваш Сын Борис

104 5 августа 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! Матерь вошла в нашу жизнь и стала неотрывной ее частью. Ни настоящего, ни будущего не мыслится без Неё. И это дает радость и силы жить. Далекая, но близкая и такая родная. И каждое её повторение, не-повторение сказанных слов, но нечто, звучащее как-то по новому, чтобы сознание уже успело обновиться, и каждое утверждение встречи-радость, будущее приближающая. Ваше письмо от 2 июня получили и тотчас же на него ответили. Но радость от него осталась с нами. Вы не знаете, но чувствую на себе силу каждого слова, как нечто живое и реальное, от Вас исходящее. Если мы Вам нужны, то как же нужны нам Вы! Вот так мы с Нинкой и живем мыслями о Вас и всём Вашем. Не виден свет несущему его, но любящим виден. И что же удивительного в том, что сердца их полны признательности. Есть вещи и явления заменимые и незаменимые, повторяемые и неповторяемые. Когда говорю „Неповторяемая", то вкладываю в это слово всю глубину своего понимания. Сколько людей на свете, сколько писателей, художников и талантливых мыслителей, сколько ученых. Но неповторяемый человек встречается лишь раз в жизни, и никто и ничто сердцу заменить его не может. А потом ведь можно знать и можно знать. Знание знанию рознь. Признаю только настоящее знание, которое никогда не ржавеет. В трудном я положении, когда пишу Вам, стольким хочется поделиться из своих чувств и мыслей, но не хочется никого отягощать

Хорошо думается утром, после сна. Даже удивляюсь, почему мысли эти всегда идут ~~на~~ новые. Мне теперь особенно звучит слово неисчерпаемость, и то, что ВВ. всегда нов. Когда это осознаётся в жизни, то это нечто совершенно иное, чем отвлеченное представление. Так постепенно переводятся в жизнь чувствования мои. Передайте привет и признательность ВВ. за любовь и заботу. Так давно не писали ничего из Его слов, и так бы хотелось увидеть дорогие слова. Вы пишете о наших испытаниях. Да, их немало. Но дело не в них, а в том, чтобы несмотря на них, устоять в постоянстве и неуклонности стараюсь не обижаться, что их так много. О чем думаю? О встрече. На что надеюсь? На встречу, так живем мыслями о будущем. А теперь о Ваших письмах с чем же сравнить их? Разве с первым лучом утреннего солнца! Нет жизни без солнца, так и мое любимое солнышко, мне издалека светит. Говорил, что буду любить всегда, говорил сознательно. Всегда значит и здесь и там, после. Ведь кроме нити сердца нет ничего. Людмила писала Вам, что письма матери закончены. Это неверно. Она почему-то ошиблась. От Нины привет и Вам и Ворень Николаевичу. Также передайте ему привет и от меня. Нинка немного похворала — простудилась. Екины пленцы цехали. Она пишет теперь реже. Нашла что-то себе по душе. Пожалуйста не забывайте нас и пишите. Редко Вы стали писать. Письма Вашего от 24 фев. так и не получили. Может быть пришлете хоть выписки из него. Очень жаль, что оно затерялось. Крепко Вас обнимаю и целую.

Всегда и навсегда Ваш

Ваш сын Борис.

105 30 августа 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! Письмо Ваше заставило меня глубоко задуматься, особенно слова ВВ. Думаю, что я их запомнил на всю жизнь. И думаю, думаю. Буду повторять их каждый день с тем, чтобы применять по мере сил. Вопрос этот о недостатках моих для меня вопрос острый и мучительный. Много раз пытался я подавлять нежелательные свойства характера, но проходило время и они снова поднимали голову, ибо были подавлены, но не изжиты. И когда было особенно тяжко, был Сказано, что все-таки можно двигаться, несмотря на них. В устремлении легче избавиться. Буду думать о том, как исполнить желание ВВ. Опыт научил меня, что в любом состоянии или настроении все же возможно найти какое-то качество, которое звучит, и его укрепить. Очень признателен за слова Сказанные и очень прошу делиться ими со мною. Мне так дороги знаки внимания, даже суровые, если такие будут. В них почерпну силы для преодоления своих недостатков. Так же и Вас прошу не стесняться со мною, если чем-либо недовольны, и не так мягко, как Вы это делаете, а прямо и определенно указывая, что именно вызвало Ваше неудовольствие. Прошу пробирать и бранить почаще, лишь только любите и не оставляйте своим вниманием. Вы правы, что были мной недовольны. Я сам собой тоже не был доволен. Оправданий не имею, ибо

Ваши слова о нашем отъезде полностью совпали с тем, что мне об этом было сказано до нашего письма, даже слова ~~[illegible]~~ Чрезвычайно

знаю, что известные качества должны быть явлены, несмотря на внешние условия. А они не всегда веселые и много отягощений обстоятельствами имеют. Конечно, ждать встречи трудно, ибо условия упорно утрудняются и многократно, и не всегда удается не огорчаться, когда столько огорчений в личной жизни. И не легко еще достичь точки зрения сверхличной, когда личное перестает влиять. Было сказано, что преодолено все, если буду с Ним вместе всегда в сердце своем.

Ежин перевод Гор. Щ. написан чернильным карандашом и очень неразборчиво. Не представляю себе, как она будет его исправлять. Есть также и ошибки, изменяющие смысл фраз. Скажите ей, но, пожалуйста от себя, пусть теперь пишет чернилами, разборчиво и просторно. Зачем обрекать себя на Сизифов труд. По моему легче сделать всю работу сызнова, чем разбираться в написанном. Похоже на то, что в будущем году и нам с Нинкой придется подумать об отъезде. Люблю мое далекое солнышко и тогда, когда оно хмурится и сурово льет свои лучи сквозь тучи и сумрак жизни. Новости наши Вам написала Нина. Писем Ваших ждем как луча утреннего солнца. Как бы хотелось все время отдать Матери любимой. Думаю, что беспред. никто не переведет, ибо не сумеет, кроме Вас или Юрия Николаевича. Дух передать невозможно. Ведь даже слов то эквивалентных нет. Напр. слов „подвиг". Много и других. Крепко Вас обнимаю и целую. Привет Юрию Николаевичу.

Всегда — навсегда
Ваш Ваш сын
Борис.

106 25 сент 1954 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! Чует сердце, что встреча хотя и не за горами, но далека. Конечно, это не радует. Где же выход и утешение? Повидимому в беспредельности, в осознании того, что упор надо делать не на том, что временно и преходяще, а на том что над ним. Конечно любовь и близость Матери не временна, но временные условия отдаляют желанную встречу. Буду пока искать утешения в непреходящем. Раньше до встречи с нашим Любимым, я жил временами совсем отрываясь от жизни плотной и мало интересуясь ею. Теперь же понял, что надо учиться мудро сочетать осознание беспредельности с жизнью текущей, не утрачивая к ней интереса. Унесться ввысь и оторваться легче, чем твердо стоять на земле, держа голову поднятой. Но самоутешение, конечно, т.к. что ни говорить, а увидеться очень бы хотелось, а так же увидеть и воплощение заповеданной сказки. Конечно и ждать было бы легче, если бы условия жизни облегчались. Говорю о жизни личной. Но они лишь осложняются. Можно уговорить себя во многом, но сердцу тягость пространственную нельзя запретить ощущать. И хочется спросить, когда же сердцу станет легче? Ведь если нам тяжело, то каково же Вам? Друзья уехали, но ничего не пишут и как они там устроились не знаю. Все-же хотелось бы знать, встреча отложена на год или еще на пе-

колько лет? Это не любопытство, но желание настроить сознание на нужный ладь. Нежданно ждать нелегкое дело. Идет осень, за нею зима. Зимою мне всегда легче, т.к. холодные и это сильно облегчает чувствительность к восприятию мыслей и чувств. Было письмо от Еки бодрое и энергичное, но близкою надеждой не блещущее. Мысли новые в сердце льются по-прежнему от ВВ обильно, хотя осознаются не так легко. Любимое мое солнышко, почему сердцу не легче, хотя монада хозяина и унесена в тишину молчания? Видно приходится изживать следствия, им порожденные. А я ведь думал, что с его концом и делу конец. Ну, что-же, подождем. Иногда, чувствуя в себе силы все выдержать и все преодолеть. Но иногда и туго бывает. Мила нам пишет. Хорошее сердце. Вот и сознание ее с неба звезд не хватает, но сколько любви и преданности. Мы с Нинкой Милу любим и скучаем в нее. Людмила Ивановна заболела. Доктора сказали, что возможно, что у нее туберкулез нижних позвонков. Уложили ее неподвижно в кровать на прямые доски и, кажется собирались, чуть ли не класть ее в гипс. Я ей сказал, что по-моему, у нее никакого туберкулеза нет, что явление ее болезни иное, что боли (очень сильные) и Вы испытывали (от легких) и у меня то же было. Боль порою невыносима при некоторых положениях или поворотах тела. У нее то же самое. Только почему-то очень

долго продолжающаяся. Сказал ей принимать соду, мятный чай, и смазывать позвонки и вокруг концентрированной ментоловой мазью из вазелина или мятным маслом. Научил как можно облегчить, массируя левой рукой больное место. Вчера мне тезка сказал, что ей стало легче и что она может передвигаться. А, главное, врачи уже склонны считать ее заболевание простудно-нервного происхождения. Словом и ее коснулось, по-видимому, явление пробуждения чакр, так скажем. Мой привет Юрию Николаевичу. Не забывайте любящих Вас. С Вашей любовью и вниманием и переждать легче. Писем ждем, как луча солнца после долгого ненастья. Нина говорит, что сердцу ее тяжко. Скажите Еке, пусть работу свою пишет чернилами; для нее же будет легче. Мила очень признательна, что у нас есть новый друг Зинаида Григорьевна.

Крепко Вас обнимаю и целую (и очень любяю.) всегда и навсегда Ваш Ваш сын. Борис.

108/18 окт. 1954 г.

Родная Елена Ивановна, мое любимое солнышко, красно люблю, когда она посылает свои далёкие лучи. Люблю ощущать тепло и ласку и огненную силу в них заключенную, поднимающую, вдохновляющую и зажигающую сознание того, к кому они посылаются. Об этом должен сказать, ибо не само солнышко, но получающий его свет, его ощущает. И пишу, чтобы знали. Не виден свет несущему его. Сегодня 11 октября получили Ваше письмо от 30/IX. А вчера (это было десятого октября) был памятный день нашего любимого. Вспомнили его и хорошо посидели. И мне он почувствовался таким близким и никуда не ушедшим, и доступным и нас в сердце своем попрежнему держащим. Ведь можно его почуять, если сознание до него поднять? Занят он делами большими. Но ни дамо о нас не забывает. Не верю в его отдаленность от нас, хоть знать о нем пока не дано. Но сердцу чуять запретить никто не может. Я его ощутил близко. Много мыслей особых пришло в этот день о нашем любимом: „Он также плодоносен в творческой деятельности своей, как и тогда, когда был на земле. Только ограничениями земными уже не связан... В сердце вас имел при жизни. И мет и сейчас. Ни любовь, ни преданность не умирают. Потому в сердце своем хорошо пронести до конца эти бессмертные огненные знаки высшего понимания и сокровенных из сознания ученика с сознанием своего гур." „Можно было

бы его ощутить, если бы мысль ярок нему устремилась, отбросив земную нагрузку, мешающую ей подняться. Кому это по силам?" А до этого был другой памятный день 8-го октября. Хороший был день. Даже пространственно он чувствовался явно и был легче дней обычных, был светлым и радостным. И в этот день тоже было много мыслей хороших: „День памятный отметим. Если бы не было дней памятных, люди предали бы забвению лучшие имена, и погрузилось бы во мрак их сознание ..." Написал бы всё, но, к моему большому сожалению, место не позволяет и не хочется обременять. Вы пишете об огне пространственном и огне надземном. Мне несовсем ясно это различие. Я считал что материя льюада, орохат, панорохат и т.д. и вообще все огни относятся к пространственному огню и являются его выражением. Но что же тогда являет собой огонь надземный. Знаю что шкала огня широка необычайно. Знаю и то, что некоторые высшие виды пространственных энергий могут достичь земли лишь преломившись через огонь высокое сознание. Но в чем же все таки разница между простр. и надз. огнями?

Я так рад, что Вы поправились и можете ходить. Раньше, это было давно, видел Вас во сне с больными ногами, и сильно недомогающей. У меня тоже продолжает болеть низ позвоночника, ниже талии. Иной раз даже перевернуться на постели мучительно и даже невыносимо больно. Потом вдруг боли сразу исчезают.

ходить могу, но не всегда легко. Наклоняться трудно и особенно шнуровать ботинки. Но терплю, т.к. знаю, что без болей невозможно. По-моему можно вытерпеть любую боль, если знаешь во имя чего. Был занят на этой неделе и потому заканчиваю письмо 18-го октября (начал писать хотя же по получении Вашего 11-го окт.). Могу ли я посоветовать точно и определенно близким моим напр. Ольге или ~~Дуне~~ Диме побыть вместе с нами до нашего отъезда? Или же, если у них есть желание, им предоставить думать самим? Хотелось бы ехать всем вместе. Муж Ольги хочет ехать к Миле. Спасибо Вам большое, что Вы передали нам слова В.Ш. Относятся ли они только к нам с Ниной, или же и к нашим близким? Недавно утром мне пришли очень интересные мысли о том, что придет время и можно будет озеленить Сахару, что будут построены фабрики искусственных [illegible], и каменистые пустыни можно будет покрывать нужным слоем почвы искусственной и озеленять их. Оказывается, так мне думалось, что известная густота очесных насаждений, уже своим собственным магнитизмом притянет атмосферную влагу и подпочвенные воды и уже не надо будет искусственного орошения. Это мои утренние мысли о счастливом будущем человечества. Мила очень о нас скучает. Скоро ли с ней встретимся? Трудно ей, но благодаря заботе Матери, многое для нее облегчилось. За ее спасибо

Кажется, материальное положение Ека улучшилось, потому что там оказались хозяева ее мужа, где он работал. И они, конечно, им будут помогать, как помогали и раньше. И хорошо помогали. Ека писала, что ап. Павел и Орр Асс. одна индивидуальность. Но я не понимаю, тогда, как Савел, мог быть преследователем, если Уч. Илларион был им. Также мне непонятно, как учение могло не даваться отр. Варфоломею? Скины питомцы ничего не пишут. Беспокоимся. А самое главное, не понимаю, как терпят Вашего сына Бориса, несмотря на все его недостатки. Как невероятно трудно утверждать качества нужные. Видно силён атавизм. Утвержденное, казалось бы всем ироцем сегодня, как-то ослабляется завтра, и снова, и снова приходится утверждать желаемое. Вот напр., памятование постоянное и непрерываемое. В разгаре дня и работы ежедневной оно все таки нарушается. Или спокойствие. Но вода долбит камень. И все таки дойду. Еще раз спасибо за ласку и внимание. Будем спокойно ждать зова в среду. Привет хорошо Николаевичу. Пишите. Крепко Вас целую. Обнимаю.

Люблю Вас, всегда и навсегда Ваш Пашин

[illegible]

15 Ноября 1954 г. 110

Родная и любимая Елена Ивановна! Любимому солнышку далекий привет! Письмо Ваше сей 20/XI получили. Произвело очень сильное впечатление. Тоник (молодыжен) принял все очень хорошо и как должное и очень благодарил за совет. Странно! Он ничего не читает, но все принимает нутром и именно так, как надо. Хороший он человек, и Вы Зоели правы назвав его другом. Так относится может лишь друг и с накоплениями. Конечно, теперь и к Миле они не поедут, а, по видимому, я так полагаю, — вместе с нами на родину. Людмила Ив. прочла Ваше письмо. Вы были огорчены тем, что Екины ребята не взяли книг. Но таковы были условия, ясные и определенные. Условия Хейдока были несколько иными. Но, конечно, Вам видны. Во всяком случае, они уже жалеют. Хочу спросить на будущее, как в этом случае быть с письмами Матери и Раз. Из Раз остаться невозможно, а потерять жаль. Судьба Хейдока меня очень интересует. Где он и что с ним. Мы были большими друзьями. Он уехал в сорок седьмом году. Два года писал сыну. Он устроился хорошо и был доволен. Но потом его жена умерла. Он очень горевал, т.к. сильно ее любил. Но потом писать перестал. Имеете ли Вы о нем какие-либо весточки после сорок девятого года, и если да, то пожалуйста напишите. Видел Людмилу Ив. Мой диагноз оказался правильным: никакого туберкулеза позво-

ночника у ней не признали. Она уже ходит, но на улицу выходить надолго еще не рискует. Думаю, что скоро будет совершенно здорова. Интересно то, что Вы ей стали писать письмо в тот самый день, когда доктора поставили ей свой убийственный диагноз и она лежала на спине не двигаясь. Это „совпадение" ее очень вдохновило и дало сразу же силы, и сознание того, что Вы о ней думали. Нужно ли нам, что-либо написать Миле о том, что ей надо уезжать с родителями или без оных. Конечно очень хотелось бы поделиться с Вами своими утренними мыслями а так же вечерними: „Сын Мой, тяжесть не от себя, но пространственная. Тяжко земле в порожденных людьми удушьях. И лучшие разбирают нагружение. Крест приходится нести и за себя и за других. Мы злобой и тьмой порожденный, сразу приходится испивать. Много тьмы порождено и много В-ти ее искупили. И те, кто с Ними, часть бремени берут на свои плечи и к черте искупления приобщаются. Велика наша мира сего...." И еще: «В лучах утра посылаю тебе знаки Любви и Заботы. Но их надо принять и к ним должную степень внимания проявить. Иначе останутся незамеченными. И дар данный окажется посланным напрасно..... И физическое и духовное питание должно подлежать ритму, и нарушение его будет уже делом не личным, тебя лишь касающимся, но пространственным..." Дальше объясняется

почему и как, словом, то, что Вы писали о лампадках объяснено научно и энергетически. Хотел бы побыть с Вами и обо всем поговорить, ибо нужно подтверждение того, что мысли не являются отсебятиной. Так бы хотелось спросить В-ну об этом. Родная, любимая, спросите. Ибо велик труд затрачиваемый. Знаю, Вы уже об этом писали и говорили, но от времени до времени нужно утверждение. Письма Матери тихо, но продвигаются. Шли бы быстрее, но Вы не велели торопиться. Мама, любимое мое солнышко, неужели увидимся, и быть может скоро? „Утверждаю явления счастья треулицом несчастья и горя, и света треулицом тьмы, утверждаю несмотря но и вопреки очевидности. Считаю, гору счастья сужденную не закроют лохмотья обычности, ни зарниц света грядущего, сумерки серого дня...» Некоторые из этих мыслей имеют свой совершенно особенный ритм, словно стихотворение в прозе, и нечто совершенно необычное. «Не будем тужить о том, чего нет, лучше помыслим о том, как из того, что есть извлечь наиполезнейшее. Наиполезнейшее есть опыт, получаемый в жизни. Над ним стоит пораздумать. Если он не растет, значит жизнь проходит бесцельно. Цель жизни приобрести знание, опытом даваемое. Говорю, ко всему следует относится сознательно, избегая рефлекторного мышления

Что значит посмотреть на обычное явление или явление привычное, как бы в первый раз? Это значит отойти в сторону от проторенной рефлексом дороги, и заново с точки зрения сознательного анализа рассмотреть это явление...»
Вот примерно какие мысли рождаются и утром, и вечером. Тогда многому помогает и многое облегчает и необычное становится столь обычным, что хочется иметь еще одно подтверждение правильности чувств и мыслей осознанных. Ну простите, что так много написал. Хотелось мыслями поделиться. Отягощение обстоятельствами временами очень усиливается, временами становится легче, и можно свободно и радостно чувствовать себя. Говорю о личной жизни с ее заботами и тревогами. Смотрю в будущее и мечтаю, мечтаю о встрече с любимой, далекой, единственной неповторяемой. Вы даже и представить себя не можете, что значит для меня эта встреча. Привет Юрию Николаевичу. Спасибо, что нас не забываете. Радуемся весточке каждой и большой и маленькой. Спасибо, родная. Спасибо Вам за всю заботу и любовь. Время идет и встречу приближает. Крепко Вас обнимаю и целую. Всегда и

А как же быть с Туркиной?

Навсегда Ваш
Любит Вас
Ваш
Борис

112 21 дек. 1954 г.

Поздравляем Вас, родная и любимая Елена Ивановна, а также и Юрия Николаевича с Новым Годом и наступающим Праздником и шлем Вам свои лучшие мысли и чувства. Ваше письмо последнее от 29 окт. получили давно. Получили ли Вы наше с Ниной от шестнадцатого ноября. Очень надеюсь, что оно дошло. На Ваши письма всегда отвечаем, т.к. что, если нет ответа, значит не дошло. Живем, как и всегда в мыслях о том, что дорого сердцу. А мыслей много. И так бы хотелось ими поделиться. В последнем письме поделился немного. Хотелось бы чтобы Вы его получили. Ведь вот Ваше письмо от 24 февраля так до нас и не дошло. Екины ребятки пишут очень редко. Рад, что у Ени имеются возможности, которых не могло быть на старом месте. Хочу задать Вам один вопрос. Много, много лет он возник и для меня очень важен. Будете отвечать, имейте в виду, что все что мог, по нему хорошо продумал с точки зрения Ж. Этики. Ведь Вы интересуетесь древней восточной литературой и философией, поэтому и спрашиваю. В Ч. Востока есть такая фраза „да, личное сознание оставляет каждого в момент" ухода. (Это стр. 9 части вторая. Что подразумевается здесь под личным сознанием? Подразумевается ли сознание вообще? Ведь повсюду говорится о явлении совершенно противоположном. Также говорится о непрерывности сознания того, что его заработал. Также сказано об идущих к отцам, но ведь отцы то были невысоки и не могли иметь непрерывного сознания, но раз кто-то к ним идет, очевидно какая то степень сознания у них остается. И как же, плохо отзываясь о человеке, можно нажить врага в т. мире, если у него нет

Может быть сознание остается, но не личное? А какое? Личного сознания? Кто же и что же будет реагировать на подобную мысль. Все прочие мне боли или менее понятно, но нет соединения указанной и приводимой мысли со всем тем, что дается теперь. Как может идти борьба между высшей и низшей удальностями, если сознание отсутствует? Знаю состояния каменных истуканов. Но вы это явление самоутверждённое. И почему там только легко продолжать, но трудно утвердить новую волею мыслей. Где же воля? Почему ее функции изменяются? И как? Почему там нельзя устремиться к близким по сердцу, а непременно надо это сделать заранее в плотных условиях? Говорю об условиях внеплотных. Раньше у меня было много случаев во сне, когда я оказывался в них. Но сознание было со мною, правда, внушительное. Один раз было так, хотя давно. Увидел там Ску. Она спала, стоя среди других. Подошел к ней и сказал: Проснись, моя душа приказывает тебе это. Она проснулась. А на другой день я ее встретил вновь уже наяву. И сказал я себе так только один раз в жизни, хотя выходил много раз. Сознание тогда было в высших принципах и очень сильно. В обычных плотных условиях несравнимо состояние сознания с Тем — словно луна и солнце. И еще мне кажется что те условия настолько просты и легки, что если бы о них узнали, сердце бы от плотных отвратилось. Потому об этом не говорится. Конечно это легкость и простота относительны и по сознанию. Хотелось бы к ним приобщиться сознательно, крылышкам тесно. Значит мой первый вопрос касается состояния среднего сознания после ухода, второй — можно ли попытаться во сне выходить в Т. Тем. О очень давно, лет пятнадцать это не делал, т.к. в письмах Матери это советовалось не делать.

Вчера был памятный день ангела нашего любимого Н.К. Почувствовали ли привет наш? Катин Женя прислал очень хорошее письмо с Родины. Он хорошо устроился. Домик теплый. Работа интересная. Природой доволен. Есть лес, вода, ягоды, грибы. Очень хорошо едят. Есть всё: и рыба, и мясо, и даже шоколад. Письмо довольное и удовлетворенное. Ждет и зовет к себе невесту с отцом, которые думают ехать при первой возможности. Привыкает к новым условиям. Лида счастлива, что муж ей часто пишет. Тоже ждет встречи с ним. Очень скучаю по Матери. Я очень люблю мое далекое солнышко. Мое солнышко свежит и само света своего не видит, но зато его хорошо видит каждый, кто на него смотрит и кто его любит, понимая, что без этого света тусклой и серой, и скучной была бы его доля. Увидимся ли в новом году? Петр Алексеевич приготовил особый экстракт из алоэ, который, как он говорит, излечивает туберкулёз, и почти все болезни. Жизненность оторванных листьев этого растения повышается, если их держать в темноте при малой температуре, и, вытяжка, из них приготовленная, являлась чуть ли не эликсиром жизни и панацеей от многих недугов. Что Вы об этом скажете? Ведь алоэ растение чудесное, и рекомендуется оно у нас от легких. Также и на пищеварение действует отлично, просто оборенное в меду. Я начал принимать новое лекарство Петра Алексеевича. Сам Петр Алексеевич после месячного приема, стал читать без очков, стал спать на левом боку, чего он не мог делать 18 лет после воспаления легких, и он мне говорил, что знает случаи, когда туберкулез совершенно излечивался и при том бесследно.

Эхо, экстракт в небольших дозах 25-30 капель надо пить три с половиной недели. Очень интересно попробовать на себе. А можно ли нынче? Слабенькая она и бледная.

Меня интересует вопрос, может ли лист алоэ после двухнедельного пребывания в темноте и при определенной температуре от 2°-8° приобрести новые очень сильные и необыкновенные целебные свойства? Может быть Петр Алексеевич увлекается, как это с ним частобывает. Но с другой стороны алоэ растение действительно полезное. Но он говорит не об обычных, но о новых свойствах приобретаемых в процессе лежания.

Вот недавно прошла печальная годовщина ухода нашего любимого Н.К. в мир лучший. Сильно думалось о нем в тот день. Вспомнили о нем с близкими. Может быть его среде почуяло привет дальний. Думаю, что да. Конечно Вы его чувствуете, и, полагаю, больше, чем Вам хотелось бы об этом говорить. Не верю в его отдаленность от близких своих. Если простые люди нередко чувствуют такую близость, то как же можете не иметь ее Вы. А раз так, то в этом Вам должно быть великое утешение. Ведь Вы и мне сказали, что буду чувствовать Матерь после последней разлуки. Соскучились о Вас очень, хотя Вы нам и не пишите. Видно опять недомогаете? Желаю Вам всю светлую. От нашей привет.

Пишите! Крепко Вас обнимаю и целую.

Не забывайте! Вашему вождю и наводчику

Ваш Ваш сын Борис

Простите, что написал так плохо!

114 12 января 1955 г.

Родная и любимая Елена Ивановна!
Мы так давно от Вас ничего не получали, что даже приуныли. Но вот, наконец то, пришло Ваше письмо от 28 дек. Спасибо, родная, что нас не забываете. Очень огорчился Вашим ремонтом. Дело Ваших сыновей: одного - писать научные книги, другого - картины. А уж за ремонтом то мог бы и я присмотреть. И отопление мог бы поправить, если центрально, краны, ведра, ванны починить, запаять, что надо, кастрюли полудить, даже чайник или ведро сделать. Знаю немного слесарное дело. И вещи бы перенести помог. А вот Вам самой пришлось за всем смотреть. Очень, очень огорчился, что мое дело пришлось не мне делать. Но видно такова уж судьба моя горькая, что любимому человеку не дано послужить и позаботиться о нем. Да и Святослову Николаевичу мог бы помочь при перегонке масла, и все приспособления для опытов сделал бы своими руками. И это могу; опыт большой есть. И отстойники бы сделал; сами бы масло на ходу отделяли, если он гонит его паром. Он бы только посматривал да распоряжался. На будущее скажите ему об этом. А глаза у него, помните писал об этом, изумительные. У обыкновенных людей таких глаз не бывает. И я нисколько не удивился тому, как Вы его назвали в Вашем последнем письме. Привет ему передайте от далекого друга.

лечебный экстракт из Алоэ, о котором уже писал, приготовляется так:
Срезанные листья Алоэ хранят в темноте, или в непроницаемой для света бумаге, или между двумя тарелками 14 дней, при ±0°-3°-7° градусов. Потом обмывают водой, измельчают ножницами, растирают в ступке или мужской в тарелке и заливают водой для настаивания в течении одного часа. Затем все это кипятят 2-3 минуты, фильтруют. Это всё. Прием 30 капель два раза в день. Я начал с 5 капель и дошёл до 16. Пропорция: на 10 ф. (1/4 ф.) нерезанных ножницами, т.е. не измельченных листьев берется 3 стакана воды.
Петр Алексеевич говорит, что этот экстракт излечивает все болезни. Даже проказу. Особенно туберкулез. Улучшает зрение и т.д. Я начал пить его. Двадцать капель у меня вызывало шевельние сердца; Не как птица оно шевелится, что раньше (редко) бывало, а очень похоже, но много слабее. Хорошо действует на желудок. Можно ли пить его Нин??
Обращаю на него внимание потому, что об Алоэ 1 гр. Этике упомянуто. Спасибо за утверждение меня в мыслях моих. Оно нужно мне, как воздух. И чем чаще, тем лучше, ибо токи тяжки необычайно. И как бы ни было полно сердце утром, к вечеру оно устает от отдачи и опустошается. Потому, любимое мое солнышко, моя далекая радость, если Вам нет времени писать, то хоть две строчки черкните. Без Вас не могу

сразу сил нехватает. Каждое Ваше слово сразу пищу дает и топливо. Да и как не любить мое солнышко, когда оно единственное. Каждое Ваше слово о том, что любите нас, звучит для меня по-новому. Для меня это не есть повторение, ибо никогда, никогда не утомлюсь слышанием о том, что любите, хотя бы повторяли Вы тысячу раз. Так же и с утверждением меня в мыслях моих от В-ни. И я сам поражаюсь порой их глубине, неожиданности, их обилию и своеобразию, ибо нет им конца. Но все же Ваше утверждение нужно, и Вы единственная на всей земле, кто может это сделать. Так как же не любить и не ценить мою любимую, мою единственную, мою неповторяемую и незаменимую. Да! Да! люблю. Очень люблю. Поставил бы выше мою Маму, но уже больше некуда, ибо дальше стоит Сам Бга. И если слова мои дают Маме радость, то готов повторять их без конца. Все те же, но каждый раз по-новому. Раньше сомневались в чувствах моих, не верили, но вот прошли долгие, долгие годы, и теми же чувствами строки пылают. Лишь углубилось её понимание. Годная моя, много у меня недостатков. Знаю и вижу их, но гордыни и самомнения пока не имею, хотя бы ~~нас~~ по одному тому, что хорошо помню слова: „Не сам же мудрецом стал". И знаю, что всё не моё, но его. Но совет Ваш принимаю, чтобы оградиться

от этой схидины на будущее. Каждый день приносит новые мысли. Но конец года тяжко лёг на сераце. Даже в иные дни и мысли было мало. Сложное время. Ольги затемнение в легком. Температурить. Муж очень за нее беспокоится. Впрыскивает ей кальций. Лида и лечит её. Лида переписывается с мужем. Он очень тяжко болел. Перенёс резекцию желудка. Люблю его. Получил мое письмо. Был очень рад. Все трудности жизни выдержал. Может быть Матерь напишет ему два-три слова. Может даже Она что скажет — Он знает. Ждет верный мой друг. Далекое слово — как праздник, если сознание созрело. А вот Вам изречения восточной мудрости: „Полагаю, что ярость тёмных не осилит твердыни духа. Полагаю, что теснота рукотворных подвалов не удержит его в пределах своих. Полагаю, что сумерки настоящего не закроют свет будущего и считаю, что идущий за Мною в пище духовной не оскудеет. Ручательство Даю. Но надо устоять, но надо выдержать, но надо силы сохранить до конца. Вас Сохраню, Мне доверившихся. Вас, не видевших, но увидевших и признавших, Вас Сохраню до Дня Моего, дабы смогли придти ко Мне радостными и преображенными. И вас сохраню. Но со Мною пребудьте, но от понятия Учителя не отвлекайтесь, но мысли свои соберите вокруг Средоточия единого света. Не будьте как малые дети, требующие новых игрушек. Но старое усвойте и приложите, прежде чем новое получить" и т.д. Привет Юрию Николаевичу. Спасибо за то, что нас помнит. Крепко

Получили ли письмо от 21 дек?

Вас обнимаю и целую и люблю. Всегда и навсегда Ваш Ваш
Сын Борис

116

2 марта 1915 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! От Вас не было писем очень давно. Последнее письмо было от ноября. Вы пишете, что встреча приближается, а сердце чует, что она уже отложена и, быть может, не на один год. Если это так, то почему бы нам с Ниной не побыть где-нибудь недалеко от Матери, хотя бы и в другом городе? Ее не обременим. Почему спрашиваю? Так складываются обстоятельства, что что-то, повидимому, придется решать. Лишними чувствовать себя ни всегда приятно. Когда Людмила стала подготавливать свою мать к тому, что ей быть может, согласно совета, придется оставить семью, ее мать написала письмо, посылая проклятия на головы ее близких, кого Людмила так любит. За спиной дочери она читала все, что она писала близким и что они писали ей. Гневнует дочь и говорит, что ее хотят разлучить с дочерью и грозит мстить, повидимому, думая идти по стопам Девадаты. Хочет чтобы Милу оставили в покое. А Людмила даже и не подозревает, какие штучки ее маменька устраивает за ее спиной и пребывает в блаженном неведении. Сколько добра было сделано ее дочери: кончила школу, фармац. курсы и т.д. Но вместо благодарности проклятия. Перед письмом видел сон, что на меня бросилась тигрица, а я повторял Имя. Уезды по-прежнему являются прекрасной школой и на грехотные уроки не скупятся и — самые разнообразные. Люд. Ивановна ходит, но чувствует себя неважно.

— . —

А теперь о встрече!
Ведь мы надеялись встретиться скорее.
Конечно Вы питаете нас надеждой, потому
что жалеете и знаете, какая это для нас
трагедия ждать еще годы. Время идет и
старость идет, а встречи не видно. Очень были
рады услышать о научных успехах Вашего
сына. Привет ему и поздравления. Чую,
что очень заняты, потому, видно, и не пишите.
Екины пишут хорошие письма. Временами
сердцу бывает тяжко. Нам никогда раньше,
и это меня поражает. Казалось бы должно
быть наоборот. Вот Вы сделали ремонт
квартиры. Видно и нам надо делать, если
будет к тому возможность. А ведь это значит
новое ожидание. Все же хочется спросить,
так ли это? Вы не пишете, и не знаешь
огорчаться ли этим или бодро пытаться
смириться. Видно так надо. Но все равно
мы Вас любим и часто о Вас говорим.
А так хотелось бы повидаться. Чем больше
продвигается время, тем короче будет период
встречи. И это тоже понятно. Желаю
Вам всего светлого. Пишите. Крепко Вас
обнимаю и целую
Вашего и новостью Вам
привет. С чудовым праздником Вам сыновьям
поздравляем. На два письма моих ~~[illegible]~~ янв
и декабря ответа от Вас не было

16 марта 1955.

Родная и любимая Елена Ивановна!
Поздравляем Вас с праздником и шлем
свои лучшие мысли. Ваше последнее
письмо было от 28 декабря. С тех пор ничего
от Вас не имели и беспокоимся за Ваше
здоровье. Как Вы себя чувствуете, как
Ваше бедное сердце выдерживает сложность
времени? Вам, повидимому, очень трудно.
Мы очень соскучились о Вас и по Вашим
любящим и теплым письмам. Без них
и нам нелегко. В одном из своих писем
я задавал Вам вопросы. Пожалуйста не
отвечайте на них, сейчас Вам не до
ответов. Спрашивал же я их потому
что воздуху не хватало и хотелось найти
отдушину. У меня сердце тоже весьма
чувствительно. Послал Вам письма
двадцать первого дек, уменьшенного янв. и
второго марта. От Вас же ответов
так и не получили. Может быть за-
терялись, а может быть Вы болели или
были заняты. Вот мы с Ниной и
гадаем, почему наше солнышко, наша
любимая, нас забыла. Даже снов ин-
тересных не было. О сложности вре-
мени писала нам Ека со слов Матери.
Грустно всё это. Скажите мне, очень
прошу Вас, скорой близости встречи Вы пишите ради
того, чтобы нас поддержать и утешить, или
она сохранит непреложно и обязательно близко.
Иногда лучше знать суровую действитель-
ность... хотя, с другой стороны, как
жить без надежды. О столько хоте-
лось бы поговорить. Матерь сына и

нет без нас будущего. Привет Борису Николаевичу
Мне кажется, что вернего. Крепко Вас обнимаю и цену
Это клаузивается года на три??? Всегда — навсегда Ваш
Ваш сын Борис
Спрашиваю потому, что ведь думаю, что
в этом году уже увидусь с Академией моей: Внутрь
моей мышлении какая-то неувязка.

118 30 марта 1955.

Родная и любимая Елена Ивановна.
Наконец то после долгого, долгого перерыва получили Ваше письмо от 14 марта. Спасибо, что не забываете. Первый месяц я был спокоен, полагая, что Вам не до писаний, но на третий стало уже невмоготу, и я уже начал подумывать, не отторжены ли. Когда остро чувствуешь свои недостатки, то нетрудно и до этого додуматься. За Совет большое спасибо: пришел как раз во-время; признателен очень. А также и ощущение ненужности своей буду гнать, хотя и основано оно на фактах. Буду гнать вопреки очевидности. Как хотелось бы помочь Вам в те минуты, когда Вы устаёте и поделиться своими силами. Труден путь Ваш, родная, и велик. И так бы хотелось быть ближе, чтобы помочь. Думается мне что никто, никогда, исключая Вл., не подходил к Вам с мыслью помочь, все подходили, чтобы брать. Когда будем вместе постараюсь на деле в минуты нужды доказать обратное. Как жаль, что я так далеко и близости встречи не чувствуется. Ольга очень хотела бы получить Совет Матери. С одной стороны ей хочется ехать на свою родину вместе с нами, а с другой стороны ее мужу предлагают, решительно предлагают, ехать на его родину. Последний пароход их

уходит в июне. И он не знает, как быть если он не поедет, он теряет право на бесплатный проезд, а, может быть, и еще больше. Заработок его стал шатким. Уверенности нет ~~в нем~~, что ~~он~~ будет работа. А ответ давать им надо срочно. У нас теперь очень много уезжает на целину: стремятся на родину. Пожалуйста, если Вы чувствуете себя неважно, не отвечайте на мои вопросы в тех письмах. Подожду до встречи. Мысли новые всё время наполняют сознание, и только удивляешься их постоянной новизне и своеобразию. Нужно все это будет когда-то нужно? Сохраню все. Вы меня прежде утверждали в правильности моих осознаний, и это придаёт уверенности. Далекому сомневнику горячий привет и любовь. „Душа истомилась в разлуке" - как это поётся в „сомнении" Гиппиус (Очень люблю эту вещь). Люблю, хочу видеть и очень соскучился по Вас. Привет Юрию Николаевичу от меня и от Нины. И Вам от нее привет. Жду скорого ответа о молодоженах. Было бы горько расстаться. Вот Мила на чужбине, а когда доведется встретиться, кто знает.

Начал письмо Марии от пятого июня 38 года. Хочу кончить скоро.

Крепко Вас обнимаю и целую и очень люблю, и очень скучаю, и очень мечтаю увидеть скоро, скоро, скоро. Моя любимая сомневшко у меня одно во всем мире и на всю жизнь и здесь и там и где бы то ни было.

Всегда и навсегда Ваш.

Ваш сын Борис.

120 4 апреля 1955 г.

Родная, любимая и долго, долгожданная Елена Ив-
новна, Вы недописали последнего своего письма, и я тоже,
потому и дописываю сейчас. Никак не могу привыкнуть
к тому, что каждый день столько новых мыслей
появляется в сознании. Начинаю понимать слова, что
Учитель нов каждое мгновение. Так же новы и мои мысли
и нет им конца. Хочу поделиться ими: „будет легко очув-
ствовать Близость, если поле сознания занято избран-
ным Обликом. Какой бы образ ни появился на экране
сознания, он сейчас же влечет к себе и притягивает
другой, с ним связанный. Так Лик вызывает цепь
образов или представлений, к Нему тяготеющих.
Магнит Образа действует. Будучи утвержден в
трет. глазе, постоянно действующей магнитной силе
подобен. Законы магнитного притяжения дей-
ствуют точно. Но сознание в фокусе притяжения на-
до уметь удержать. Луч на сознание, обращенное
ко Мне, действует особенно мощно: Я устремляю
луч, устремлением же воспринимаемый. Взаи-
моустремление обоюдное, любовью называемое —
Потому говорим: по нити любви, или нити сер-
дца идет живоносный обмен искр или света. Вы
хочет Близость свою сделать реальнее солнца. Вы
хочет свет неземной утвердить ярче света земного,
Вы приносит огонь для усвоения, претворения и
действия.... И чем ярче сознание, тем своеобразнее
преломление лучей Моих в гранях сознания. Ценим
самоцветы, преломляющие и отражающие лучи
своими цветами и своими гранями. Однообразие
и повторение были бы смерти подобны. Потому асси-
миляция индивидуальна, и преломление сознанием
лучей посылаемых ценится особо. Именно, не искажение,
но преломление. Поверх всего Ценим лучи самоисходящие;

Мне радость видеть свет претворенный..." и так далее. Мне иногда кажется, что я могу без конца осознавать и запоминать мысли появляющиеся в сознании. Но привыкнуть к этому и не удивляться не могу. Дальше: „Велик подвиг слияния сознаний, ибо напряжение требует необычайного..." Вот почему так хотелось бы поговорить с Вами и поделиться. Ваше подтверждение столь необходимо. Ну а теперь о делах семейных: Лида теперь переписывается с мужем, который очень давно ей не писал, и который зовет ее к себе, надеясь быть вместе. Лида поехала бы к нему, если бы Матерь ей посоветовала это. Но Лиде хочется ехать вместе с Ниной, а не одной. Она просила меня Совета. Я ей сказал, что, кроме Матери, кто может ей дать Совет. В Вашем письме от 24го января прошлого года Вы писали о самочувствии Еки и о том, что она бросила в печь инд. к любимым книгам. Мы об этом узнали только от Вас. Почему она это сделала не понимаю. Вашему борису она не оставила и не хотела оставить ничего, несмотря на то, что он её об этом просил. Но Вы об этом не жалейте; я думаю, что всё у неё было кратко, отрывочно и неполно. Не писал бы об этом если бы не было, были лучшего, и полного, чем и хочу порадовать Вас. Я Вам об этом уже писал и Милу просил написать, ничтожно она не написала? Любимое мое Солнышко, мама моя родная. Я Вас очень люблю, и очень признателен за то, что Вы у меня есть и что Вы назвали, конечно, только для одного меня, т.е. хочу сказать, что в Вас сознание моё находит полнозвучный ответный аккорд. И, конечно, не один я. Меня глубоко интересует Ваш опыт вообще и последних месяцев в частности. Хотел бы помочь, когда очень устаёте. Но Вы так далеко, моя единственная, моя светлая, моя любимая, далекая Солнышко. Помочи ли письмо от 30 марта

Шлю Вам и Вне слово любви и великую признательность. Крепко Вас обнимаю и целую всегда и навсегда Ваш

Ваш отец [подпись]

Привет и любви.

121 25 мая 1956.

Родная и любимая Елена Ивановна спасибо, что ответили на мое письмо и порадовали нас очень. Могу порадовать Вас тем, что письмо Матери закончены. Закончил бы раньше, но Вы не торопили. Теперь проверяю. Большую часть уже сделал. Много думаю о Матери, и хотелось бы, ~~чтобы~~ время после Её ухода посвятить тому, чтобы было оценено самоотверженность и значение Ее жизни во всей глубине и аспекте будущего. Кто же объяснит и возвеличит. Хотелось бы взять на себя это. Хочу! Этого мая душа хочет. Сердце, горящее любовью хочется в это вложить. Она так мне близка, и это поможет не исказить Ее лик. Вашим советом побыть девочкам с нами они остались чрезвычайно довольны и полностью удовлетворены и благодарят. Как то давно Вы писали мне о гимнах воспринимаемых. Вот один из них: Матерь Лиепо Великая, Матерь сияющая, Матерь льющая свои лучи на малую землю, Тебя признаю, Тебя утверждаю, Тебя призываю через малость мою явить величие и силу Твои, для свидетельства о них людям. Так прозвучал ~~[illegible]~~ Ведь Она имеет олицетворение свое в Матери. И почитая первую, как же не почтить вторую. Одно вытекает из другого. Кто же может лишить меня сопровождения желания сердца посвятить Ей оставшиеся годы жизни. Ведь их не так уже много осталось. Кроме того, сын, хотя и далёк, а тоже какие то права на свою маму имеет. Пусть, когда

придет время, любимое солнышко посвятит и другим.

другим. Не может же человек сказать: „Вот де я какой!" У всех были близкие, чтобы Имена не забылись. Коротка память людская. Мне иногда очень бывает обидно, что Вам, в Ваши годы приходится всё делать самой. Мечтаю о том, что, когда встретимся, Вы будет делать только то, что, кроме Вас, никто сделать не может. Вы будет только говорить, а все будет делаться теми, кто Вас любит. Не может Ваша энергия тратиться на механическую работу, которая Вас так утомляет. Думал об этом, ибо строение Вашего организма требует очень бережного к нему отношения. Именно дух Ваших желаний будет исполняться, но не буква, и это избавит Вас от лишних усилий. Вот Вам нельзя много писать; когда же это будет делаться за Вас, Вы сможете писать столько, сколько хотите, не утруждая себя механически. Ведь близкие понимают друг друга с полуслова. Еще хотел спросить о письмах Марии, как быть с ввеуфжками из ж. этики? Я их не трогал: не по почту. Но с Сердцем и АН было просто, т. к. они у меня есть. От нины Вам и Юрию Николаевичу привет. И он мне ему хоже. Хотя впрочем оно само пишет.

Желаю Вам скорее окрепнуть и стать более сильной физически. Крепко Вас обнимаю и целую и Вас поздравляю любимо. Всегда и навсегда Ваш. Ваш сын Борис

122 Июль 17 (55)

Родная и любимая Елена Ивановна! Как ваше здоровье и самочувствие? Полегчало ли вам? Вот и Ека говорила, что чувствуете Вы себя неважно, а мы беспокоимся. Недавно утром были у меня такие мысли: „Всё, всё хорошо, когда крепко утвердилось сознание на Вке. И тогда, и только тогда, может обратить Он всё на пользу. Польза не в том, что нравится, или не нравится, приятно или неприятно, сытно или голодно, спокойно или нет, а в том, чтобы быть неразделимым в сознании всегда с Великим Сияющим Ликом. Казалось бы прост завет — наполнитесь В-ною но сколь же он труден, когда лохмотья мышления и мыслей обрывки затемняют вместоющий Лик. Если главному не отдадим должного, суета наполнит сознание, и, наполнив, лишит значительной доли энергии лучей посылаемых. Посылается Луч. Его надо принять. Принять можно, лишь сознание полностью к нему обратив. От половинчатого обращения и результаты будут половинчатые. Потому и говорится о полноустремлении неумаленном. Как часто люди хотят получить, не принеся всего сердца. Но ведь сказано, что каковою мерою мерите, такой и отмерится вам, так что полнота принесенного устремления и полнота сердечного обращения непреложно даст и следствия полноценные". „С вами пребыть Бесцел, с вами всегда и Пребуду. Но и вы, в свою очередь явите должную степень готовности и открытости сердца

и сознания. Почему дозволяете преходящим мелочам жизни так яро звучать для сознания. Гоните, гоните малые чувства и мысли земные: мы тесно от них, и лич, удушаемый ими, не может явить всю свою мощь. Закон созвучия действует постоянно. Явите ему понимание. И знайте, что блюдок Вы всегда в моменте полнозвучащего устремления." Какое глубокое значение имеют слова Христа „Какою мерою мерите..." Но продолжу об утренних мыслях: „Явь достаточно времени для мыслей о встрече. Она состоится. Неужели будешь, как все, приходить и брать, взамен ничего не давая. А ты подумай о том, чтобы принести и дать. Никто не будет думать об этом, а ты будешь. К сыну и требования предъявляются особые, которые другим не по плечу. Но мало того, чтобы принести и дать, надо еще будет заботиться и оберегать. И так первою мыслью о Матери будет забота. Кто же позаботится и обережет, если не ты. Они придут, чтобы взять, и никто не подойдет с тем, чтобы дать и помочь в выполнении ее трудной задачи. Подвиг ее земной закончится кульминацией завершительной, когда придется все силы собрать. Тогда помощь твоя будет особенно нужной. Обережешь и поддержишь и усилишь ее в осознании значимости ее ~~инди~~ неповторяемой индивидуальности. Если от противодействий болеет даже учитель, если осуждения боль и страдания приносят, если почитатели могут растерзать, то сколько же понимания и бережности

должен явить сын, чтобы нашла Она в нем то, чего не будут иметь окружающие и о чем думать они не будут. Надо стать незаменимым в сердечной помощи своей и заботе, и все начинания ее утверждать яро, ибо два сгармонизированных сознания — сила. О себе придется забыть. Придется стать ярым исполнителем ее воли, т.е. воли Моей, ибо Она и Я — одно. Так через сына будем творить, завершая последний период ее жизни. Ее будешь утверждать пониманием значения последнего подвига... Думают, что лишь слабые нуждаются в поддержке, но это неверно. Там где огромен расход сердечной энергии, там помощь и поддержка особенно сильно нужны. Тебе говорю и ты знаешь и будешь ей незаменимым, дающим всегда и ничего не требующим в замене."

И много еще было мыслей таких, что написать всего невозможно. Место не позволяет. Дальше было о том, что значит моя любимая и неповторяемая для дома земного. И конечно, должно быть понятно, почему так хотелось бы побыть вместе и поговорить. Никаких писем не хватило бы, чтобы написать о том, чем полно сердце. Мне даже иногда думается, почему бы не мог сын учить языку там, где-нибудь недалеко от матери, если ожидание продолжится еще сравнительно долго. Полезным быть можно везде. И еще: „Но будучи с нею, опасайся вставать на ходули. Близость лишь в простоте утверждается. Напыщенность ходульности и превыспренности может хоть кого отвратить. Будь прост

с Нею, гармоничен внутренне и светел. Пойми великую тайну простоты, ибо ею приближаемся. Некоторые идут путем сложности и запутываются в ее лабиринтах, ты же иди путем простоты, ибо сказано: будьте просты, как дети."

Соскучился о Вас невероятно. О подвиже как Вы правильно писали. Людмила давно ничего не писала. Беспокоимся, не доконала ли ее мать. Здоровье ведь у ней слабенькое. Китай пастет и расцветает у нас на глазах. Надеемся, что и нас с Ниной лично коснется когда-нибудь улучшение нашей личной жизни. Живем мыслями во встрече. Писал уже Вам, что письма Матери закончены. Жаль, что при всем моем желании не могу быть сейчас полезным еще более. Когда Вы пишете, что любите нас, это дает новые силы, так же нужно Ваше повторное утверждение и подтверждение правильности того, что ощущает и мыслит сердце по утрам, ибо нужно „да" Матери, когда все окружающие рычат „нет!" Суровыми уроками и испытаниями нас жизнь не забывает, и хотя они горьки и тяжки, но опыт, ими приносимый, очень ценен. Но иногда, просто по человечески, хочется передышки. Было от Вас письмо последнее в мае, на которое ответил Вам 25-го мая. Будете чувствовать себя хорошо, пишите. Ваши письма для нас праздник. Нина шлет Вам свой привет и любовь. Привет от меня горячо Николаевичу. Часто. Вас говорим и вспоминаем.

Крепко Вас обнимаю

В честь Всеца и
навсегда Ваш Ваш
сын Горин.

I 22 Ав. 1955 г. 124

Родная, любимая, далекая и единственная Елена Ивановна! Ваше последнее письмо было от 29 апреля, с тех пор от Вас не получили ни строчки. Что думать, не знаю. Может быть, прогневали чем? Если недомогали, то хоть Юрий Николаевич написал бы ~~...~~ две-три строчки. Дальше терпеть Вашего молчания мы не согласны. Если чем недовольны, скажите, но выносить такое длительное молчание мы больше не можем. Тяжелое для нас это было время. И от Вас ничего... Вы, как-то писали, что письмо Еки — это крик души. Ну а если человек не привык кричать и переносит всё молча и — еще гораздо более трудное, чем она, и притом не краткое время, а почти всю жизнь? Ведь такое письмо было бы не криком души, а воплем. Мне иногда просто кажется, что Вы не представляете себе некоторых вещей, иначе не забывали бы нас на такие долгие сроки. Не жаловаться на свою судьбу хочу, а лишь объяснить, что без Вашей любви, внимания и ласки, мы с Нинкой жить не можем и не согласны. Подумайте сами, разве возможно не писать тем, для кого Вы дороже всего на свете, три с половиной месяца???

Знаю, что Вы писали другим, чью жизнь не сравнить с нашей, и потому говорю Вам прямо, что у нас уже нет боли сил ожидать Ваших, любимых нами, писем, столь Яро нам нужных. Писал Вам, что письма Матери много закончены, спрашивал совета о некоторых вещах, но ответа не дождался. Порадовались успехам Зинаиды Григорьевны и ее возможностям. Хорошо, что хоть кто-то их имеет. Пасынки их лишены. Лишены они и многого чего другого. Но молчат. Но когда они предаются забвению и надолго, то становится горько порой и невыносимо. И еще бы много чего мог сказать Вам, но думаю, что и без того наговорил много жалких слов и Вы нам напишите обязательно. Вы уже избаловали нас и мы привыкли к Вашему вниманию и заботе и нужны они нам, как воздух. Сперва я крепился и молчал, но всему есть предел, особенно 3 3/4 месячный. Если ждать встречи еще долго, то нельзя ли как-нибудь перебраться поближе к Матери? Русскому языку можно учить и там. Отягощение обстоятельствами дело хорошее, но хотелось бы дотянуть до встречи. А может быть Вы и писали, да письма не дошли? Не могу себе представить, чтобы Вы могли молчать почти четыре месяца?

8 сентября 1956. 125

Родная и любимая и забывшая нас Елена Ивановна, пишу и не знаю дойдет ли это письмо, а если дойдет, ответите ли. Много думал над тем почему Вы нам не пишете, и все-таки додуматься не смог. А весточку от Вас хотелось бы получить, ибо слишком стало маракарно. Теперь можно сказать определенно, что Ека поступила весьма дальновидно и умно. Как Ваше здоровье и самочувствие. Беспокоился за Вас. Ну хоть бы Юрий Николаевич написал, если Вам трудно из-за состояния здоровья. Вот уже на четыре моих письма о Вас никакого ответа. Хочется спросить, может быть обещанная встреча с родной и любимой откладывается надолго, может поэтому не пишите, чтобы не огорчать. А ведь без писем от нашей любимой может и сил нехватить. Как думаете? Пишу а на сердце печаль и боль из-за долгого молчания Вашего. Привет Юрию Николаевичу.

Забытые Вами сиротки Борис и Нина, но попрежнему любящие Вас

Вчера напишал письмо и лёг спать.
Видел во сне Вас г. Юр. Ник. и нашего
Любимого и провел ночь под одной со
всеми вами крышей. Ночью Он проснул-
ся г. сказал, что в своей палатке видел
сон, что ему был дан знак, но что.
Именно я не понял и проснулся...
Хоть во сне повидать довелось!...